

Остросюжетный детектив

Е. РЭЙТЭ

ПРОКЛЯТЫЙ БЕРЕГ
БЕЛОКУРЫЙ ЦИМЛОН
НЕВИДИМЫЙ ЛЕСИОН
КАРАНТИН
В ГРАНД-ОТЕЛЕ

Annotation

Имя венгерского писателя Енё Рэйтё (пишущего также под псевдонимом П. Ховард), мало известно широкому кругу наших читателей. В предлагаемый сборник включены романы «Проклятый берег», «Белокурый циклон», «Невидимый легион» и «Карантин в Гранд-отеле». Кажущаяся простота языка, незатейливость сюжета — особенности стиля этого писателя, отличающие его от других авторов, пишущих в детективном жанре.

Романы, несомненно, заслуживают внимания читателей и будут приняты с большим интересом.

- [Енё Рейто](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
-

Енё Рейто Карантин в Гранд-отеле

Глава 1

Когда Мод вернулась к себе в комнату, из шкафа вышел мужчина в пижаме, с зеленым шелковым, не лишенным вкуса, абажуром на голове и дружески улыбнулся ей.

— Тысяча извинений, — проговорил он, вежливо приподнимая абажур. — Меня зовут Феликс ван дер Гуллен.

Девушка с трудом овладела собой и прислонилась к двери. Незнакомец, наверняка, сумасшедший.

— Что вам здесь нужно? Как вы очутились в моем шкафу?

— Прошу вас, — сказал сумасшедший незнакомец, — не кричите. Этим вы можете погубить симпатичного, веселого человека, который к тому же и так немедленно удалится.

— Как вы попали в шкаф?

— А... из комнаты.

— Бросьте! Я не это имела в виду!

— А в комнату я попал через окно. На рассвете. Мне пришлось спастись бегством... и я заметил открытое окно. Взобравшись на карниз, заглянул внутрь и увидел, что комната пуста... Что ж, я влез, спрятался в шкафу и от пережитых волнений глубоко уснул. Проснулся только сейчас. Внутри не было ничего, кроме вот этого, так что прошу прощения...

Поскольку Мод не ответила, незнакомец снял с головы сползавший на глаза абажур, поклонился и направился к двери.

— Стойте! — крикнула Мод.

— Слушаюсь! — ответил загадочный молодой человек щелкая каблуками домашних шлепанцев.

— Вы что же, хотите... в одной пижаме выйти от меня... в коридор?!!

Незнакомец послушно направился к окну. Мод чуть не взвыла:

— Остановитесь!

— Пожалуйста... — он испуганно повернулся и остановился в позе человека, заранее готового выполнить любое приказание. Мод с отчаянием выглянула в сад.

В саду отеля было полно только что прибывших гостей!

— Если из моего окна выскочит мужчина в одной пижаме, я никогда больше не смогу показаться на глаза этим людям...

— Перспектива, действительно не из веселых... Но, может быть, потом... вы сможете переговорить с каждым из гостей в отдельности и объяснить, что за человек выскочил отсюда в пижаме...

— Так я же и сама этого не знаю!

— Верно, — с грустным видом согласился Феликс ван дер Гуллен. — Тогда остается только... — проговорил он, садясь в кресло. — У вас, случайно, не найдется сигареты?

— Что вы себе воображаете?... Хотите остаться здесь?! Здесь?! В моей комнате?!

Совсем уже огорченный незнакомец хлопнул себя по колену:

— Не сердитесь, пожалуйста, но если я не могу выйти ни в дверь, ни в окно, придется остаться здесь! Даже от человека в моем положении нельзя требовать, чтобы он превратился в газ или рассосался, как камни в почках!... Это уж извините!

Почувствовав некоторые временные преимущества своего положения, он стал немного уверенней. Мод испуганно огляделась по сторонам.

— Но ведь... что-то все-таки надо делать!...

— Прошу прощения, но мне остается только вам посочувствовать. Люди и впрямь склонны неправильно истолковывать неожиданное появление человека в пижаме.

— Постыдитесь!

— Стыдиться надо тем людям, у которых возникают такие дурные мысли... У вас действительно не найдется сигареты?

Мод схватила пачку со столика возле ее кровати и швырнула ему. Мужчина с просветлевшим лицом закурил, а пачку спрятал себе в карман.

— Хорошенькая история, — проговорил он, поудобнее откидываясь на спинку кресла.

— Не знаю, кто вы: негодяй или сумасшедший, — со злостью проговорила Мод, — но уже за одно ужасное положение, в которое вы меня поставили, вас расстрелять мало.

— Это был бы выход, но для меня чересчур радикальный. Пожалуйста, если это может спасти вашу добрую репутацию и искупить мою вину, — предложил он вежливо, — я охотно на вас женюсь. Это все-таки лучше, чем быть расстрелянным. Хотя некоторые считают, что это вопрос спорный.

— Пожалуйста... — сказала Мод. — Сегодня вечером я уезжаю, оставайтесь до тех пор здесь, а ночью как-нибудь исчезните. Ясно?... Но предупреждаю, что если вы доведете меня до белого каления, я наплюю на свою добрую славу и сдам вас в полицию.

— Да, с вас это станется, — ответил мужчина таким тоном, будто давно уже знал Мод. — Придется попытаться завоевать ваше доброе расположение...

— У вас не будет для этого случая, потому что я сейчас же запроу вас в ванной и выпущу только тогда, когда буду уезжать...

На лице незнакомца появилось похоронное выражение.

— И вы способны так злоупотребить положением зависящего от вас волей судьбы человека? — печально спросил он.

— Способна. Можете выбирать между шкафом и ванной.

— Взаперти?... Прошу вас, одумайтесь. Держать в заключении и рабстве беззащитного человека...

— Если вы и дальше будете вести себя столь легкомысленно, может случиться кое-что похуже.

— Вы способны и ударить? — спросил явно испуганно незнакомец, и Мод, как ни была она рассержена, не смогла удержаться от смеха.

— Я с величайшим удовольствием передам вас полиции, потому что вас следует наказать! И строго наказать! — продолжала Мод, все больше распаляясь. — Вы, похоже, совершенно не раскаиваетесь, что поставили женщину из фешенебельного отеля в такое идиотское положение!

— Откуда вы знаете, может, мне, в моем положении, в тысячу раз хуже? Откуда вы знаете, как я страдаю в это самое мгновение?

Мод, чуть испуганная, невольно шагнула ближе к мужчине.

— С вами... случилась какая-нибудь беда?

— Случилась... Быть может, через несколько минут я умру от голода... — И он замогильным голосом добавил: — Уже полдень, а я еще не обедал...

— Ну, знаете ли... Не удивлюсь, если вы — грабитель, которого разыскивает полиция! Такой цинизм...

— Милый мой тиран, прежде чем я начну отбывать срок своего заключения в ванной, знайте, что и ваше поведение оставляет желать лучшего.

— Как?! Что вы хотите сказать?!

— Вы упрекаете меня в том, что я безвинно компрометирую вас. Однако, — его голос стал мрачным и даже обвиняющим, — где были вы сегодня ночью?!

— Что?...

— Не притворяйтесь, что не расслышали! Почему я забрался именно в эту комнату? Потому что она была пуста. А почему она была пуста? Потому что вас в ней не было. Если бы вы спокойно спали в своей постели, я бы осторожно слез с карниза и сейчас мне не грозило бы заключение в ванной, где мне придется грызть мыло, чтобы не погибнуть от голода... Да, уважаемая! — тут он возвысил голос, словно суровый прокурор перед присяжными. — Где вы были сегодня между четырьмя и пятью часами утра?!

Мод несколько мгновений растерянно молчала, сраженная потрясающим нахальством незнакомца в пижаме. Потом она сказала:

— Я не стану запирать вас в ванной.

— Значит, придется побыть в шкафу?

— Нет! Я все-таки сдам вас полиции.

— Я готов, — скорбно ответил он и, глубоко вздохнув, словно человек, отправляющийся на эшафот, шагнул к двери.

— Погодите! — вскрикнула Мод и топнула от злости ногой. Господи, что за положение!... — Оставайтесь!...

— Нет, нет... Вы обиделись. Мод схватила его за руку:

— Я просто шутила... Не может быть и речи о том, чтобы вы вышли от меня в таком виде...

Незнакомец вздохнул и с видом героического самопожертвования покачал головой:

— Нет,.. Ведите меня в полицию. Ведите! Я заслужил наказание... Вы были правы. — Он ударил себя в грудь. — Я хочу понести наказание! Mea culpa! — воскликнул он. — Mea culpa... Я хочу понести наказание.

Мод вцепилась в его руку:

— Ради бога, не кричите!

— Но я не дам запереть себя в ванной...

— Не запрю... — сломленным голосом прошептала Мод.

— Это другое дело... Тогда я могу и остаться, — он снова сел. — Я не такой уж дурной человек и, если женщина просит меня о помощи...

В это мгновение раздался стук в дверь.

Глава 2

Напряженное молчание... Затем Мод неуверенно спросила:

— Кто там?...

— Князь Сергей...

Мод повернулась к незнакомцу, чтобы отправить его в ванную, но нахала нигде не было видно. Нетерпеливый стук в дверь повторился.

— Сейчас... — с напускной бодростью ответила девушка, — закончу только одеваться. — Через мгновение она весело крикнула: — Входите!

Пока дверь отворялась, она начала быстро поправлять платье, чтобы вошедший решил, что присутствует при последних мгновениях утреннего туалета.

Вошел князь. Это был седой мужчина лет около шестидесяти, с худым, бледным лицом и удивительно чистыми умными синими глазами.

— Почему вы не вышли на завтрак, Мод?

— Когда одевалась, оборвала пряжку у платья. Но сейчас мы уже можем пойти, — быстро нашлась Мод.

«Ага, — подумал про себя лежавший под кроватью нахальный незнакомец. — Хочет увести его. Похоже, ей не по вкусу, что я могу услышать разговор. Собственно говоря, стоило бы наострить уши, но не хочется. Гнусность...» — Тут нахальному незнакомцу ужасно захотелось закурить.

— Всего несколько слов... — остановил Мод князь. — За столом мы будем не одни. Вы уже говорили с ним?

— Не надо сейчас об этом... — нервно проговорила Мод.

— Нет. Если уж я принимаю эту жертву, я должен знать все. Вы можете попасть в тюрьму, и я тогда...

— Замолчите, прошу вас!...

— Но ведь мы здесь одни...

— Да... да, но, если кто-нибудь подслушает... «Ой-ой-ой. Выходит, эта красавица может и в тюрьму угодить? Увы... увы...» — подумал нахальный незнакомец. Старик заговорил тише:

— Вы говорили с ним?

— Прошу вас, пойдёмте... я не хочу говорить об этом...

— Похоже, что вас подводят нервы, дорогая... Я думал, что вы сильнее...

— Нет, нервы у меня в порядке, но сегодня... сегодня у меня тяжёлый день и... пойдёмте же, — чуть не со слезами сказала девушка.

— Только потому, что в девять вечера самолет унесет вас в Сингапур, и полиция...

— Пойдёмте... пойдёмте же...

— Но ведь...

— Не спрашивайте меня ни о чем! Прошу вас, пойдёмте. Немедленно!

«Хорошенькое дельце, — подумал нахальный незнакомец. — И она еще хотела запереть меня в ванной...»

— Хорошо, Мод, пойдёмте...

Князь взял ее под руку, и девушка, облегченно вздохнув, направилась к двери. Раздался стук.

— Кто там?

— Полиция, — ответил суровый голос.

Глава 3

Тишина...

Старик медленно сунул руку в задний карман. Мод вцепилась в нее обеими руками прежде, чем он успел вытащить пистолет. Затем, словно нервную, взволнованную девушку, которая только что была в комнате, подменили, она спокойно, почти безразлично воскликнула:

— Простите, я не поняла! Меня ищет полиция?... Что за глупость?

— Полиция просит, чтобы жильцы отеля все до одного спустились в холл.

— Зачем?

— В «Гранд-отеле» установлен карантин, — ответил голос. Шаги удалились, и послышался стук уже в соседнюю дверь.

— Мы пропали, — после минутной паузы проговорил князь.

— Чепуха. И не хватайтесь постоянно за свой задний карман.

— Это движение успокаивает. Пока пистолет при мне, я...

— Я не хочу и слышать об этом! — с силой воскликнула Мод.

«Сейчас она и этого запрет в ванную», — подумал под кроватью легкомысленный незнакомец.

— Нам прежде всего надо спуститься в холл и узнать, что произошло...

— Но если вам сегодня вечером не удастся бежать, все пропало!

— Замолчите, прошу вас. Нельзя судить о ситуации вслепую.

Молодой человек услышал, как хлопнула дверь, и облегченно вздохнул. Подождав еще несколько секунд, он решил, что в комнате, наконец, никого нет...

Какой — то звук...

Голова незнакомца вновь мгновенно исчезла под кроватью. Что это? Медленно отворилась дверь, послышался звук шагов. Может быть, горничная? Не похоже. Кто-то шел очень осторожно, прямо-таки крался!

Хорошо бы увидеть, кто это, но разглядеть можно было только ноги. Белые теннисные туфли. Чуть запачканы, и как раз на носке — странной формы коричневое пятно. Кофе, наверное.

Теннисные туфли удалились, дверь захлопнулась вновь.
Сейчас или никогда!

Он быстро выскользнул из-под кровати. Если все гости в холле — значит, в саду пусто. Он быстро огляделся... На столе лежало письмо. Вот те на! Вот, значит, с чем крались белые тенниски со странной формы кофейным пятном... Адрес отпечатан на машинке:

«Мод Боркман, 2 этаж, 72 комната...»

Неважно, скорее отсюда! Он подкрался к окну, осторожно выглянул...

Что это? Отель стал театром военных действий? В саду работали саперы, устанавливая проволочное ограждение. Начали работать они совсем недавно, но колючая проволока протянулась уже вдоль всего сада, а с внешней стороны ограждения стояли часовые. Стояли составленные в пирамидку винтовки, дымила полевая кухня. Короче говоря, вокруг отеля расположилось целое войско.

Нахальный незнакомец несколько мгновений постоял у окна, а потом, опустив голову, с угрюмым видом направился в ванную, в добровольное заточение.

Глава 4

Принадлежащий к архипелагу Бали остров Малая Лагонда спокойно пребывал еще три года назад в исконной неизвестности у юго-восточной оконечности Явы. Собственно говоря, Вольфганг Кунд, известный художник, воспользовался бедным маленьким островком, чтобы слать отсюда одну за другой картины в Сурабайю, получая за каждую следующую все меньше. Когда была жива его жена, все шло по-иному. Жена его, дочь владельца сахарной плантации, была очень мила, умна и симпатична, но исключительно косоглаза. Художник, однако, искал в браке не внешность и не увлечения безумной молодости. Он был творцом! Таких людей вдохновляет совсем другое. Он женился на этой женщине, потому что она дала ему то, о чем он мечтал после часов вдохновенного творчества — богатого тестя.

Отец богатой, но столь тонко чувствующей девушки принадлежал, между прочим, к самым богатым людям в Бейтен-зорге.

Отец поначалу видеть не мог художника, но в конце концов согласился на брак. Вскоре после свадьбы художника видеть не могла уже и дочь, причем настолько, что лучшего муж не мог и желать.

Разбогатевший художник подкупил журналистов, и они начали трубить о нем на весь мир.

Пришел, однако, день, когда косые глаза жены художника сомкнулись навеки. От приданого к тому времени не осталось и следа, а тесть не захотел и слышать об овдовевшем зяте. Вольфганг обнищал до того, что в один прекрасный день сбежал от кредиторов на Малую Лагонду и зажил там отшельником.

После недолгих, но глубоких раздумий ему, однако, пришла в голову блестящая мысль. Относилась она не к отшельничеству. Нет, она заключалась в том, что в таком благодатном месте можно создать мировой славы курорт. Соседнее Бали последнее время здорово вошло в моду.

Надо будет поговорить с раджой.

На острове жило совсем дикое туземное племя. Дикари испуганно разбежались по домам при виде полугололого, но в очках европейца. Он нашел раджу Налайу, комфортабельно устроившегося в луже перед

своей хижиной. Налайя был цивилизованным туземцем, потому что когда-то служил кочегаром на английском угольщике и был за это весьма почитаем небольшим племенем диких малайцев. В один прекрасный день он сообщил им потрясающую новость, заключающуюся в том, что теперь он — их раджа.

Лишь один из туземцев поинтересовался, на чем основано это утверждение, и был за это избит так, что остальные с готовностью приняли свершившийся факт.

Увидев приближающегося к нему светловолосого, но загоревшего дочерна художника, раджа Налайя со снисходительной любезностью срыгнул в его сторону. Вольфганг знал уже, как ему следует поступать, если он хочет добиться своего.

— Я принес тебе подарок, о вождь малайцев.

— Это неплохо, если только он мне понравится, — ответил раджа Налайя.

Вольфганг протянул туземцу тюбик ультрамарина, это был его любимый цвет, и их у него оставался еще целый запас. Малаец бросил на тюбик взгляд.

— Подарок неплох, но такое я уже ел. Так что тебе нужно, грязный старый чужеземец?

— Выслушай меня, раджа. О соседнем острове Бали написали роман, и с тех пор туземцы там живут богато. Почему бы тебе не последовать их примеру?

— Я не умею писать романы и даже не видел их никогда в жизни.

— Роман напишут другие, а ты разбогатеешь... Ты знаешь, что такое реклама?

— Еще не ел ее.

— Она не съедобна. Я объясню тебе, что такое реклама. Люди любят развлекаться. Я — художник.

— Понимаю. Это реклама.

— Нет. Реклама будет, если мы убедим людей, что здесь есть чем развлечься. Я нарисую картины об острове, журналисты о нем напишут, и предприниматели клюнут на удочку. Мы скажем, что этот остров — курорт. Туристы — дикое белое племя, поклоняющееся богу по имени путеводитель, — хлынут сюда. Это называется конъюнктура. И Малая Лагонда станет курортом.

Его величество погрузился в раздумье.

— Заметано, — сказал он наконец, вспомнив одно из выражений, усвоенных им в бытность кочегаром.

Они ударили по рукам. Вольфганг вернулся на Яву, и операция началась.

Несколько слабо информированных журналистов, не зная, что богатый художник успел уже превратиться в полуголого отшельника, ухватились за его новое поручение: написать цикл статей о Малой Лагонде, иллюстрированный рисунками Вольфганга, на которых будут изображены дикие воины, стройные девушки и прочие достопримечательности экзотического острова.

Вскоре какой-то делец построил там первый бар, за ним последовали другие. Малая Лагонда стала модной среди миллионеров, приезжающих поглядеть на острова Индийского океана. Был построен «Гранд-отель», потом «Маями Грилл», потом огромная набережная. О маленьком острове в южных морях распускали слухи сотни фильмов и грошовых романов, и виллы, одна красивей другой, росли, как грибы...

«Гранд-отель» был самой дорогой и самой шикарной гостиницей на острове — волшебным сном из мрамора и шелка. Великолепный персонал, чудесно меблированные комнаты, бар, ресторан и пристань для яхт...

Случилось так, что один из его жильцов подхватил где-то бубонную чуму. Отправить гостей «Гранд-отеля» в госпиталь было, конечно, невозможно, так что пришлось установить карантин.

В течение трех недель ни одна живая душа не имела права покинуть «Гранд-отель».

Глава 5

Непосредственно перед тем, как был объявлен карантин, ситуация в холле «Гранд-отеля» выглядела следующим образом:

Армин Вангольд, торговец сельскохозяйственными продуктами, составивший за тридцать лет работы очень приличное состояние и решивший, что пора, наконец, пожить в свое удовольствие, приехал вместе с женой на Малую Лагонду и сейчас провожал ее к дверям отеля. Юлии Вангольд было пятьдесят два года, весила она восемьдесят семь килограммов и двойной подбородок резко выступал на ее суровом лице. Она собиралась в город за покупками, а Вангольд, сославшись на ревматические боли, оставался дома. Дело было, конечно, не в суставах: они у Вангольда сегодня совсем не болели — скорее даже наоборот. Вангольду просто хотелось немного побыть одному в этом сказочном дворце, погулять, почитать, выпить кружечку пива и... при случае... поболтать с какой-нибудь красивой женщиной... В этом ведь нет ничего дурного. Жену он любит, но имеет же он право хоть иногда делать то, что хочется ему самому... Господи, если бы он мог хоть недельку потолкаться здесь один! Вечером... он заглянул бы в бар! Упомянуть о таком желании при Юлии равнялось бы смертному греху... Он поглядел вслед удаляющейся супруге... Замечательная, любящая женщина; но ведь и без воды человек обходиться не может, а тем не менее, по временам ему совсем не помешает стаканчик коньяка.

Отт ван Линднер — растолстевший баритон. От его всемирно известного голоса осталась только мировая слава. Он только что спустился в холл и как раз спрашивал у портье, пришла ли дневная почта?... Нет, еще не приходила. Брунс, широкоплечий курносый мужчина с мрачным лицом, стоял на лестнице, засунув руки в карманы и курил. Станный, уже несколько раз уезжавший и снова возвращающийся гость.

В большом кресле сидела синьора Релли — очень высокая, но отлично сложенная вдова-сицилианка, привлекавшая всеобщее внимание в отеле своим немного смахивающим на мужской голосом и умным, с резкими чертами лицом. Попросив боя принести ей

«Коррьере делла Сера», она спокойно покуривала сигару. Дикман, отставной капитан линкора «Батавия», болтал с фабрикантом мороженого из Бостона Хиллером, а в парадную дверь как раз вносили чемоданы какой-то чуточку полноватой блондинки. Портье она назвать женой капитана Гулда из Сиднея. Блондинка была красива, но когда она поворачивала голову, в уголках глаз и на шее виднелись, несмотря на слой пудры и крема, морщины. В уголке холла стоял франтовато одетый, с холеной белой кожей и умным красивым лицом, молодой человек, Эрих Крамарц. Он поклонился вошедшей. Миссис Гулд ответила ему и направилась к лифту.

В этот момент вошел доктор Ранке, которого вызывали к внезапно заболевшему жильцу.

— Откуда я могу позвонить?

— Кабины слева, — ответил портье.

Врач поспешил к телефону. Эрих Крамарц не спеша направился к лифту, только что увезшему наверх новую гостью, миссис Гулд. Еще через пару минут господин Вангольд подошел к портье и с безразличным видом спросил:

— Не скажете, кто та дама, которая только что вошла в ресторан? Она удивительно напоминает... одну мою родственницу...

Портье сумрачно поглядел на него:

— Та дама? Леди Вилльерс. Ее муж — главный редактор одной из газет в Сингапуре.

Вангольд медленно направился вслед за нею... Просто так... как человек, от нечего делать разглядывающий окружающее его...

Из ресторана вышел священник-миссионер, спешивший на автобус. Он едва успел пообедать и уже снова отправлялся в путь из этого сверкающего ада мирских грехов. Согласно строгим правилам его ордена, на нем была черная куртка с бархатным воротником. Большие дешевые пуговицы болтались в петлях куртки, и это одеяние означало, что его владелец провел долгие годы на островке прокаженных в качестве добровольного брата милосердия.

Сицилианка, оказавшаяся на целую голову выше миссионера, медленной, как будто сонной, походкой подошла к нему и улыбнулась, сверкнув всеми зубами.

— Простите, сэр, но ваша фамилия — не Крессон?

— Нет.

— Любопытно. Вы напомнили мне одного недавно умершего моего знакомого. Я решила, что вы родственники... Прошу прощения...

Она отошла в сторону.

В это мгновение пронзительный звук сирены разорвал тишину отеля. Из десятка машин, остановившихся у отеля, начали выпрыгивать солдаты и полицейские.

На улице, недалеко от входа, какой-то малаец продавал какие-то ритуальные маски, сувениры и открытки. Хекер, безработный портовый рабочий, слонялся рядом, глаза на малайца. Потом к нему подошла мисс Лидия, которой как раз этим утром власти порекомендовали покинуть остров, пребывание на котором она до сих пор мотивировала тем, что дожидается возвращения морского офицера, вышедшего от нее на пару минут два года назад. Подошел и Вальтер, помощник местного фотографа, воображавший себя светским человеком на том основании, что курил из мундштука и прогуливался со стеклом.

...Солдаты, выскочившие из машин, загнали всех в холл отеля — даже седобородого продавца газет Крегена, который расхаживал, повесив на шею проволочную рамку со своим товаром и наигрывая на небольшой шарманке для привлечения внимания покупателей.

В холле воспринимали происходящее с удивлением, но относительно спокойно до тех пор, пока представитель властей не потребовал, чтобы «все сохраняли спокойствие, поскольку никакой опасности нет» — после чего немедленно вспыхнула паника.

У всех выходов из холла встали полицейские, и командовавший ими капитан громко приказал:

— Собрать всех жильцов в холле... Отель объявлен находящимся на карантине.

К капитану подошел управляющий.

— Меня зовут Вольфганг Кунд. Это я позвонил в полицию, когда врач обнаружил инфекционное заболевание.

— Сообщите об этом в санитарное управление — лучше всего, в письменном виде. О какой заразе идет речь?

— Бубонная чума.

...Несколько гостей, стоявших неподалеку, при звуке слов «бубонная чума» испуганно попятнулись.

— Больной только один? — спросил капитан.

— Пока да.

Появился, наконец, и представитель санитарного управления — советник Маркхейт, невероятно толстый мужчина с огромным двойным подбородком и тяжелым, как у астматика, дыханием. Прежде всего он спросил у еле стоявшего на дрожащих ногах портъе, что сегодня в отеле на обед, и попросил не подавать ему к рису соуса карри, потому что удержаться он не сможет, а для желудка это вредно. Это был старый трюк советника Маркхейта: несколькими быстрыми, прозаическими распоряжениями сбить состояние истерики, возникающее всякий раз, когда объявляется карантин. На судне, вошедшем в порт под желтым флагом с девятью больными холерой и обезумевшими пассажирами на борту, советник в первую очередь обрыскал все в поисках соленого гороха, горько жалуясь полумертвым от страха пассажирам, что это единственное средство от начавшегося у него расстройства желудка.

— Так в чем, собственно, дело? — повернулся Маркхейт к управляющему.

— Вчера в одиннадцать часов утра один из жильцов вызвал к себе врача. Сегодня утром врач убедился, что у больного бубонная чума. Думаю, что поступил правильно, не став сообщать об этом жильцам, потому что не дать им разбежаться куда глаза глядят можно было бы только силой. Два соседних номера я запер, а в номере больного оставил горничную. Ее тоже придется изолировать, потому что, не зная, в чем дело, она зашла на минутку в комнату больного. Говорит, что ее мучил ишиас и захотелось посидеть в мягком кресле.

...Целая толпа гостей собралась вокруг, причем большинство требовало, чтобы врач немедленно осмотрел их, потому что они уже обнаружили у себя симптомы чумы. Капитан успокаивал их, заявляя, что, как только будет покончено с формальностями, все сделают для их спасения.

Госпожа Вилльерс упала в обморок и сейчас лежала на руках капитана Дикмана, не знавшего, что с нею делать.

Старый продавец газет, решив, что с официальной частью уже покончено и можно заняться делом, начал наигрывать на шарманке.

Один из полицейских в крайне доходчивой форме вразумил его...

Лифт невозможно было вызвать, потому что у лифтера начался припадок истерики. Ему дали таблетку равердана, а капитан Дикман уложил леди Вилльерс на ковер за стеклянной стойкой галантерейного киоска. В это время Вальтер, помощник фотографа, громко предложил всем отойти немного назад и разделиться на небольшие компании для групповых снимков.

— Дамы и господа... — обратился к присутствующим полицейский капитан.

— Слушайте, слушайте, — подхватил фотограф.

— Властями объявлен карантин этого здания. В течение трех недель никто не сможет покинуть «Гранд-отель». Для тех, кто попытается уклониться от этого распоряжения, закон предусматривает наказание в пределах от пяти лет до пожизненного заключения. Вас, собственно говоря, следовало бы отправить в карантин на остров Святой Аннунциаты. Однако ради удобства проживающих в отеле иностранных туристов и в порядке исключения карантин будет организован на месте. В течение трех недель полиция, служба здравоохранения и одна из частей местного гарнизона будут заботиться о поддержании порядка и о вашей безопасности. Власти рассчитывают на помощь и понимание со стороны гостей. Мы надеемся, что очаг болезни удастся изолировать и жертв больше не будет...

Гости немедленно бросились в ответную атаку. У всех без исключения нашлись важные доводы. Для одних невозможность уехать немедленно означала потерю не менее тысячи фунтов стерлингов, за что они, разумеется, подадут в суд, другим нужно было уехать по дипломатическим делам, третьим — на свадьбу внучки, и так далее.

— Очень сожалею! — крикнул капитан. — Распоряжения колониальной службы здравоохранения не мог бы нарушить даже король. Малейшая уступка в этом вопросе может привести к гибели сотен тысяч людей... Владелец отеля обязан разместить всех, расходы по содержанию тех, кто не может сам оплатить его, возьмет на себя государство. Конечно, условия в последнем случае будут поскромнее.

— А я не желаю торчать здесь в условиях поскромнее, — выкрикнул Хекер, безработный докер. Сержант мгновенно вразумил и его.

Больше всех был, однако, взволнован Вангольд. С полным отчаяния видом он обратился к капитану:

— Прошу прощения, но моя жена не так давно уехала в город...

— Вернуться сюда она не сможет. Установлено заграждение.

— Да, но, — разнервничался Вангольд, — ведь не исключено, что исключительно сильная женщина сможет преодолеть его...

— Совершенно исключено.

Ответ явно успокоил торговца. Остальные, несколько устав и совсем запутавшись в происходящем, тоже умолкли. И тогда Вольфганг громко произнес:

— Мы сделаем все, чтобы карантин стал для наших гостей волнующим, но чудесным экзотическим переживанием...

Глава 6

Вернувшись к себе в комнату, Мод в первое мгновение решила, что незнакомец в пижаме уже исчез. Тем сильнее испортилось у нее настроение, когда нахальный незнакомец высунулся из-за портьеры и весело спросил:

— Как дела?

Из коридора вновь доносился шум шагов и голоса.

— Почему вы не ушли, пока все были в холле?

— Не смел хоть что-то сделать без вашего указания.

— Что за чушь!

— Кроме того, не все были в холле.

— Как это понимать?

— Например, там не мог быть тот, кто принес вам это письмо...

— Он показал на стол, где лежал конверт.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Пока меня не было, сюда кто-то приходил?

— А как же...

Мод разорвала конверт и прочла письмо. Затем, положив в пепельницу, она подожгла его и не сводила глаз, пока листок не догорел.

— Надеюсь, никаких дурных вестей? — непринужденно спросил незнакомец.

— Вы невольно стали свидетелем разговора, из которого, несмотря на все мои старания, услышали, вероятно, несколько слов...

— Могу вас уверить, что, насколько это от меня зависело...

— Замолчите, прошу вас!... Я не знаю, что вы за человек, но, по моему, неплохой. Наверняка лишь отчаянное положение принудило вас прибегнуть к моей помощи. Ответьте взаимностью и не пытайтесь следить за мной, если я выйду...

— На этот счет можете не волноваться, — успокоил ее молодой человек, — ведь карантин продлится несколько недель, а за это время мы сумеем обсудить...

— Еще чего! Не воображаете ли вы, что останетесь здесь на время карантина?

— А куда же я денусь?

— Откуда я знаю?... Если у вас нет причин скрываться, можете просто выйти из комнаты.

— Есть у меня причина скрываться: мой отец хочет меня женить. Я собирался переплыть в лодке на Бали. Там на побережье живет один мой друг, и я раздобыл бы у него одежду.

— А где осталась ваша?

— Отец запер, чтобы я не смог сбежать. Утром должна была состояться свадьба, и только перед самым ее началом я получил бы фрак. Ну, а я ночью выбрался в окно и в одной пижаме отправился на Бали. Шквал выбросил лодку на берег возле вашего отеля, я влез сюда, и с тех пор стал вашим узником.

Лицо Мод немного прояснилось, и она уже дружелюбнее проговорила:

— Все это ужасно трагично или ужасно смешно — с какой стороны смотреть. Тем не менее вам придется смириться: карантин вынуждает вас прекратить борьбу. Вы не можете неделями прятаться здесь в пижаме.

— Но что я отвечу, если меня спросят: как я очутился здесь в таком облегченном костюме?

— Выдумайте какое-нибудь галантное приключение или что хотите...

— Что ж, хорошо. Я ухожу. Благодарю за бессердечный прием... Вы мне даже поесть не дали. Это факт — и от него никуда не уйдешь.

Несколько секунд они молчали, потом мужчина взглянул на пепел, оставшийся от письма.

— Лучше бы вы доверились мне, — проговорил он. — Я чувствую, что вы страшно запутались в чем-то, и те остроносые лакированные туфли, с которыми вы беседовали, не были другом, готовым на все.

Несколько мгновений Мод неподвижно глядела прямо перед собой, а потом угрюмо ответила:

— Нет, вы ничем не можете мне помочь...

— А что будет, если вас арестуют?

— Что?! Откуда вы... это взяли?...

— Не хочу заниматься блефом. Я услышал, что сегодня вечером вы собирались улететь отсюда, бежать. Стало быть, весьма

правдоподобно, что вас преследуют. Поскольку из-за карантина вам пришлось остаться, очень может быть, что вас найдут...

— Но с чего вы взяли, что меня преследует полиция? — Это ясно, потому что...

Раздался стук в дверь.

— Кто там?

— Полиция...

Глава 7

Незнакомец в пижаме бесшумно исчез под кроватью.

— Войдите! — бодрым голосом воскликнула Мод. «Дружище! Вот это женщина! — ошеломленно подумал человек в пижаме. — Беспримерное хладнокровие!»

Тупоносые башмаки появились в поле зрения между двумя ножками кровати.

— Прошу извинить за беспокойство. Я — инспектор Элдер.

— Мод Боркман. Слушаю вас — Две маленькие, изящные туфельки немного сдвинулись с места. — Присаживайтесь.

— Спасибо, — ответили тупоносые башмаки. — Видите ли, допрос жильцов идет в холле, но чтобы ускорить дело, я решил сам выслушать нескольких наиболее важных свидетелей.

— С каких это пор при карантине нужно допрашивать свидетелей?

Одна из туфелек исчезла. По-видимому, Мод закинула ногу на ногу.

— Именно так! — ответили уродливые тупоносые башмаки. — Только это не имеет никакого отношения к карантину. Разве вы не знаете, мисс Боркман, что, пока гости собирались в холле, через одну комнату отсюда, в семьдесят первом номере, произошло убийство?

Снова появилась вторая туфелька... Мод от удивления опустила ногу на пол.

— Что?... Кто убит?

— Доктор Ранке.

— Как?... Все это так... странно... Не сердитесь, что я набрасываюсь на вас с вопросами...

— Я понимаю вас, мисс Боркман. Кто-то заколол доктора Ранке... Семидесятый номер пуст. Другой соседний номер — семьдесят второй, где живете вы. Больше до поворота коридора номеров нет... Здесь, я вижу, жгли какую-то бумагу...

— Я получила письмо с неприятными новостями и решила уничтожить его.

«Какое хладнокровие... Господи! Какое хладнокровие!...» — подумал человек в пижаме.

— В отеле есть пневматическая почта? — спросил инспектор.

— Не знаю. Письмо пришло с обычной.

— Любопытно... Сегодняшняя почта не пришла из-за карантина.

Долгая пауза.

— Тогда я просто не понимаю, — спокойно ответила Мод. — Оно лежало у меня на столе. Может быть, пришло со вчерашней почтой.

— Вполне возможно. Разрешите несколько рутинных вопросов. Ваше имя?

— Мод Боркман.

— Год рождения?

— 1919 — й.

— Где вы родились? Пауза...

— ...В Ачинске... в России...

— Это в Сибири, не так ли?

— Да.

— Ваше постоянное место жительства?

— Сурабая. Я работаю в химическом институте ассистенткой профессора Декера...

— Да? Я сам отношусь к почитателям таланта великого ученого. Проводите здесь отпуск?

Пауза.

— Нет. Я ушла с той работы.

Феликс ван дер Гуллен, нахальный незнакомец, лежал на животе под кроватью, и на душе у него было довольно-таки мерзко. Что-то тут неладно. Очень и очень неладно с этой чертовски красивой девушкой. Сейчас то, что она лжет, уже просто факт. И с какой стороны ни посмотреть: что-то тут неладно.

Тупоносые чудища, однако, оказались, судя по всему, намного доверчивее. Они почти не обратили внимания на смущение тифлек.

— Конечно, — успокаивающим тоном проговорили башмаки, — все это чисто формальные вопросы, мисс Боркман, и если они вам неприятны, можете не отвечать. С моей точки зрения существует только один вопрос. Нет никаких сомнений, что убийство произошло в то время, как зачитывали распоряжение о введении карантина. Доктора видели как раз перед этим, а минут через пятнадцать он уже

был мертв. Стало быть, важно лишь одно: выяснить у жильцов отеля, где они находились в эти критические пятнадцать минут?

Тишина. Одна из туфелек вновь исчезла. По-видимому, самообладание вернулось к Мод.

— Ясно, — равнодушно, почти весело проговорила она своим чистым, звонким голосом.

— Обычная рутина. Так что будьте добры, мисс Боркман, рассказать мне, где вы были, когда сообщили о введении карантина?

— Здесь. В этой комнате.

Под кроватью человек в пижаме просто остолбенел. Что она несет?

— Понятно. Полицейский, разумеется, постучал к вам и попросил спуститься в холл?

— Совершенно верно.

— У вас были какие-то причины для того, чтобы все-таки остаться здесь?

— Никаких особых причин. Смотрела в окно, как солдаты ставят проволочное ограждение. Я пятнадцать лет прожила в этих краях и знаю, что это такое, и... я не люблю все эти официальные нравоучения.

— Ага! Понимаю! Теперь ясно! — кивнул инспектор. — Гости фешенебельного отеля не любят формальностей.

— К сожалению, человек и не подозревает заранее, каким существенным может оказаться его присутствие на них.

— Разумеется, разумеется, — снова с видом парикмахера, готового во всем угодить клиенту, кивнул инспектор. — У меня, однако, слава богу, большой опыт, и я знаю, что бывает, когда неожиданно вводится карантин. Первые минуты паники не раз уже использовали преступники, гостиничные воры, так что я всегда быстренько переписываю всех, кто присутствовал, когда зачитывалось постановление.

— Да? Очень предусмотрительно с вашей стороны.

— Спасибо. Если не возражаете, еще один вопрос. Формальность, но она сильно упростила бы дело. Быть может, кто-нибудь был у вас, когда полицейский стучал в дверь? Алиби всегда выглядит надежнее, если кто-то может его подтвердить.

Пауза — совсем короткая на этот раз. Чиркнула спичка.

— Нет, у меня никого не было.

— Ага! Хорошо, что мы это установили... Глуп все-таки персонал в этом отеле. Лифтер говорит, что видел в коридоре князя Сергея, который будто бы выходил из вашей комнаты... Чушь, разумеется, эти парни готовы наврать что угодно, лишь бы казаться поважнее...

— Князь, действительно, заходил ко мне. Минут за десять до того, как установили карантин. Но когда полицейский стучал ко мне, его уже тут не было. Он сказал, что собирается зайти еще к Вангольду, хотя не исключено, что коммерсант успел уже уйти. Наверняка, князь выходил именно от него. У Вангольда семидесятый номер, третий по коридору.

— Да, я это знаю. Лифтер сказал, что толком не уверен: — может быть князь выходил и от Вангольда, но я ему не поверил. Теперь, однако, раз он выходил не от вас, приходится поверить.

— Конечно, князь мог выходить только из семидесятого, от Вангольда.

— Любопытно. Именно там и произошло убийство.

Глава 8

Долгое, мертвое молчание. Человеку под кроватью казалось, что оно душит его.

— Но ведь... — слышался голос девушки, — вы сказали, что... доктора Ранке убили в семьдесят первом...

— Я говорил такое?... Значит, ошибся. Убийство произошло в семидесятом номере, номере господина Вангольда. Ваш номер — семьдесят второй, а в семьдесят первом никто не живет.

Что говорить, удар был ниже пояса. В комнате наступило гнетущее молчание. Скрипнул стул...

— Ну... — мягко проговорили тупоносые башмаки, — думаю, на этом мы закончим формальности. Конечно, пережить такое... Простите, что беспокоил вас...

— Послушайте... — снова скрип стула. — Заметьте, что я не видела князя после того, как он вышел от меня... Я только предположила, что он мог зайти к Вангольду...

— Естественно. Я даже не стал этого записывать... Такой утонченный, знатный аристократ никак не может быть связан с подобной историей.

— Я тоже так думаю.

— Рад, что наши мнения совпадают. Я с большим почтением отношусь к князю, и лорд Шиллинг, губернатор острова Тонга, которому я в свое время имел счастье оказать кое-какие услуги, только сегодня утром обещал меня с ним познакомить. К сожалению, тут вмешался этот карантин.

— А... вы прибыли сюда не из-за карантина?

— Разумеется, нет. Я расследую совсем другое дело и сам застрял здесь из-за карантина.

— И еще какое-то... преступление... случилось в отеле?

— Не в отеле. Однако к отелю привели следы одного из самых опасных мерзавцев на наших островах. В преступном мире он известен как «Ужас Явы». Безжалостный грабитель и убийца. И при этом человек с обманчиво приятной внешностью. Следы оборвались в саду отеля. Если бы я знал, что он и впрямь скрывается где-то здесь,

можно было бы и не ломать голову над убийством... Странное дело, но рядом с убитым Ранке я нашел вот такую белую роговую пуговицу. Очень напоминает пуговицу от домашнего костюма... Не так ли?

— На мужские костюмы не ставят белых роговых пуговиц...

— На выходных, конечно, нет, но на пижамах случается. Именно в такой пижаме он удрал от меня, хотя, разумеется, не обязательно сюда. Было бы слишком большим везением, если бы карантин сыграл мне на руку.

Тупоносые башмаки щелкнули друг о друга — видимо, их хозяин поклонился... Скрип двери...

— Рада была познакомиться с вами... — проговорила Мод.

— В случае чего можете довериться мне, мисс Мод. Я не бессердечная ищейка...

Дверь захлопнулась. Когда Мод повернулась, человек в пижаме уже сидел в кресле и курил.

Глава 9

Мод бросила на него безмолвный, мрачный взгляд.

— Слушаю? — спросил молодой человек и, не получив ответа, с признательностью добавил: — Я в основательном долгу перед вами... Что вы после всего этого скажете мне как «Ужасу Явы»?

Мод тихо, без всякого укора в голосе спросила:

— Это вы убили доктора Ранке?

— Разрешите сначала и мне задать один вопрос.

— Пожалуйста.

— Это вы убили доктора Ранке?

— Не забывайте, что и у моего терпения есть предел. Спасая вас, я сейчас рискую уже гораздо большим, чем простой компрометацией.

— Это верно. Сейчас вы спасаете меня, рассчитывая на взаимность. Ведь я знаю, что когда полицейский постучал и сообщил, что вводится карантин, вы были не одни. Знаю, что вас не было в вашем номере, когда произошло убийство, и что князь Сергей ушел вовсе не до прихода полицейского. Где вы были в течение пятнадцати минут после его ухода? В холле вас не было, здесь в номере тоже. То же самое относится и к князю.

— Я спускалась в холл, но потом вернулась...

— Так... Тогда почему вы не рассказали об этом инспектору?

Девушка взорвалась:

— Как вы смеете задавать мне такие вопросы?! Тот, кого инспектор назвал величайшим мерзавцем в этой стране, человек, бежавший в одном белье, спасаясь от петли...

— Конечно, я с большей охотой удрал бы на самолете в Сингапур!

Удар попал в цель. Мод побледнела и умолкла. Молодой человек встал с места.

— Послушайте, — сказал он спокойно, — давайте заключим мир или, если хотите, союз...

— С вами? Из-за несчастного стечения обстоятельств я, быть может, не способна передать вас в руки полиции, но я не заключаю союзов с мерзавцами... Зря думаешь, что я одной породы с тобою...

— Тогда давайте договоримся. Мы оба помолчим о том, что знаем друг о друге.

— Это вы убили?... — спросила испуганно, почти шепотом, девушка. — Ответьте же... я никогда никому... не выдам вас...

Молодой человек ненадолго задумался. Мод подошла ближе к нему и неподвижно уставилась на его красивую шелковую пижаму.

Молодой человек невольно проследил направление её взгляда.

На куртке пижамы недоставало белой роговой пуговицы

Глава 10

— Одним словом... это вы?... Прошу вас... ради бога... скажите правду... умоляю вас.

Он взглянул на девушку и медленно кивнул:

— Я...

Мод облегченно вздохнула.

— А... почему?

— Он узнал меня... Однажды в Батавии я ограбил дом, где как раз гостил доктор Ранке. Меня поймали. Во время следствия он не раз меня видел и хорошо запомнил. Когда я выглянул из комнаты, мы столкнулись лицом к лицу. Кинжал я всегда ношу с собою... Один удар — и все было кончено.

Мод с отвращением смотрела в приятное, мягкое лицо молодого человека... Гнусный убийца! Рассказывает так, будто речь идет о каком-нибудь анекдоте. Она и сама не могла понять, почему это причиняет ей такую боль. Ведь она должна радоваться, что это был не Сергей...

— Убили?... Вы хладнокровно убили человека? Молодой человек равнодушно пожал плечами.

— Одним больше или меньше... какая разница?

— Уходите... прошу вас... Сейчас же уходите...

Уже начинало смеркаться. В саду было полно людей. Жильцы отеля немного освоились с карантинном и обменивались шуточками с солдатами, стоявшими по ту сторону проволочного ограждения... Лишь несколько ипохондриков во главе с миссис Вилльерс (той самой, у которой муж был редактором сингапурской газеты) заперлись в своих комнатах, отыскивая у себя симптомы бубонной чумы. Мальчишка-рассыльный каждые полчаса драматическим шепотом докладывал, Маркхейту, что кто-то из гостей пришел к выводу, будто его часы уже сочтены.

Был конец сезона, к вечеру с моря начинал наползать туман, оседая блестящими капельками на листьях пальм и чашечках цветов орхидей... Горячий ветер — предвестник муссона — приносил с собою от берега запах разложения и гнили...

Пока что лишь в изнурительные часы вечернего прилива чувствовалось, как приближающаяся пора муссонов превращает тропический рай в ад. Еще всего несколько дней, а может быть только часов, — здесь ведь не бывает резкой границы между временами года — и такая доводящая людей до апоплексии погода установится надолго. Опускающееся в море солнце бросило последние лучи в комнату, где два попавшихся в западню человека молча стояли, глядя друг на друга.

— По-моему, момент как раз подходящий, — проговорил человек в пижаме, беря с умывальника кусок мыла и полотенце. — Выгляньте, пожалуйста, свободен ли путь.

Мод чуть приоткрыла дверь.

— Давайте, — быстро прошептала она.

— Еще раз извините за все, — сказал молодой человек, вышел из комнаты и уверенным шагом человека, чувствующего себя дома, зашагал по коридору.

...Мод прислонилась спиной к двери и закрыла глаза.

«Слава тебе, господи...» — было ее первой мыслью.

Затем она вытащила из выреза платья небольшую кружевную салфетку из тех, что лежали на столе в каждой комнате, развернула ее и вынула маленький, с окровавленным лезвием кинжал...

Глава 11

Феликс, повесив на руку полотенце и держа мыльницу, быстро шел по коридору. Персонал отеля ввиду приближающегося мертвого сезона был уже на добрую половину сокращен. Сейчас его численность оказалась совсем уж недостаточной — карантин задержал в отеле, помимо представителей властей, кучу людей, случайно оказавшихся в холле или ресторане, людей, которых теперь необходимо было как-то разместить. В разгар сезона «Гранд-отель» кишел горничными и рассыльными, но с приходом муссона гости разъезжались и отель пустел.

К довершению беды в отеле застряла и группа туристов, которая приехала на автобусе к обеду и вечером должна была возвратиться в Сурабайю. Среди этой группы были отец Пауло Соргетте, высокий седой миссионер-иезuit, баронет Калсон и сахарный король Дженкинс...

Впрочем, для управляющего Вольфганга происходящее имело и свою хорошую сторону: его ждал солидный дополнительный доход, поскольку было ясно, что большинство гостей «Гранд-отеля» не воспользуется предложенными за государственный счет на время карантина маленькими дешевыми номерами, а будут еще три недели жить здесь на самую широкую ногу. Чудесная перспектива.

Феликс, «Ужас Явы», уверенно шагал — сам, правда, еще толком не зная куда — в пижаме и с куском мыла в руке, весьма довольный, словно вымершими из-за отсутствия персонала коридорами. Особая опасность ему не грозила: в отеле много новых людей, да и кому придет в голову заподозрить человека в пижаме, шагающего с мылом и переброшенным через руку полотенцем?

Навстречу ему появился негритенок в шапке с золотым галуном. Лифтер. Не исключено, что мог запомнить, кого ему приходилось возить на этот этаж.

Феликс остановился, весело махнул мальчишке полотенцем и спросил:

- Хелло! Который час?
- Начало седьмого, мингер.

— Thank you! — Феликс, насвистывая, поспешил дальше и, заметив дверь с надписью «туалет», быстро вошел туда.

...Черт возьми, надо что-то придумать, иначе он либо умрет с голоду, либо, если придется и дальше метаться по коридорам с полотенцем на руке, свалится от истощения, как загнанный марафонский бегун.

Загудел лифт.

Ага! Этот чертов щенок убрался наконец со своим лифтом. Выйти... Медленно осмотреться... Нужна только одежда. Но где ее раздобыть? Как раз напротив отворилась дверь...

Феликс снова бодрым, уверенным шагом, помахивая полотенцем, рванулся вперед и через мгновение был уже за поворотом коридора. Взбежав на этаж выше, он остановился, тяжело дыша.

Навстречу ему шел мальчишка — все тот же проклятый негритенок. На сей раз ему взбрело в голову остановиться со своим лифтом здесь. На лице мальчишки было написано явное изумление.

Феликс чуть не бегом миновал мальчишку. Так не пойдет — у него уже колени дрожат... Пройдя по коридору, он остановился у новой двери с надписью «туалет». Сюда!

Дверь оказалась запертой. Ну, что теперь?

Соседняя дверь приотворилась, и Феликс снова было двинулся с целеустремленным видом дальше по коридору, когда увидел, что чья-то рука выставила наружу два ботинка. Затем дверь вновь затворилась...

Над ботинками на тремпеле висел предназначенный для чистки костюм.

Будь что будет!... Этот человек проспит до самого завтрака... А до тех пор зачем ему костюм? Взять его! Тогда можно будет спуститься в холл и поесть! Поесть!

Потом он вернет костюм. Сто шестьдесят шестая комната. Надо только запомнить номер. Решено. Другого выхода нет.

Схватив костюм и ботинки он поспешил вперед. Сзади загудел лифт. Быстрее, сейчас этот щенок снова появится здесь!... В конце коридора в узкой нише он увидел железную лестницу, крутые ступеньки которой вели куда-то вниз. Над лестницей висела табличка

НЕ ДЛЯ УВАЖАЕМЫХ Г-Д ГОСТЕЙ

Вот это как раз для него. Он ведь не уважаемый г-дин гость. Быстро спустившись на несколько ступенек, он присел, прижав к груди одежду, чтобы немного отдышаться.

— Эй, Мартин! — прозвучал откуда-то из глубины неприятно резкий, протяжный женский голос.

— Ну! — сердито ответил молодой человек. — В чем дело?!

— Это ты?

— А то кто же.

Женщина успокоилась. Что-то зазвякало. На первом этаже или в подвале.

Кто этот Мартин, с которым его перепутали?!

Поскорей переодеться! Он просто умирал от голода. Прежде всего — долой шлепанцы.

— Марти-и-ин!

Она таки не успокоилась.

— Ну!!

— Ты еще здесь?

— Уже нет! Но в любой момент могу вернуться! — ответил он со злостью.

— Все шутки шути-ишь!

Чтоб ей провалиться. Он не ответил и начал быстро переодеваться.

— Марти-и-ин!...

Черт бы побрал этого Мартина.

— В чем дело?

— Когда будешь идти вниз, захвати ключ от главной двери. Я не могу уйти-и, а он остался у меня в комнате.

Ну и воет же!

— Ладно. Принесу... Больше ничего не надо?

— Можешь притащить копченой рыбы... Занесешь все в прачечную... Только будь поосторожнее!!

Костюм был уже на нем. Чуть широковат. Покрой старомодный, и рукава начали протираться на локтях. Но как-никак смокинг — редкость в тропиках! Сложенную пижаму он положил на лестнице. Вряд ли тут кто-нибудь скоро набредет на нее.

— Ма-арти-и-ин... Марти-и-ин... Чертова баба поднимет на ноги весь отель!

— Ну, что там еще!

— Будь как можно осторожнее! А то ведь нам запретят встречаться, когда ты приходишь в прачечную!

— Ладно! Буду осторожным!

— А завтра я тебя жду, Ма-арти-и-ин!...

— Вот и отлично!

Черт бы побрал и Мартина, и эту бабу. У Феликса от голода кружилась голова. Он медленно спустился на несколько ступенек к выходу в коридор.

— Ма-арти-ин?!

Заткнись же ты! Он замер, ничего не отвечая.

— Ты слышишь, Марти-ин? Хорошо, если б ты принес... «А еще лучше, если б тебя унесло», — подумал Феликс.

— Если б ты принес, Мартин, коралловые бу-усы... Они лежат за зеркалом... только не переверни ва-азу...

Тишина. Внизу хлопнула дверь. Ушла, наконец, эта дьяволица... Он осторожно выглянул и сразу же отдернул голову назад. У лифта, жуя соломинку и по временам сплевывая на пол, стоял все тот же негритенок...

Ладно, в конце концов можно спуститься и по этой винтовой лестнице. Женщина перекрикивалась с ним откуда-то снизу и к тому же сейчас вышла.

Он очень медленно двинулся по лестнице. Второй этаж. Он глянул вниз. Далеко — наверное, в одном из подвальных коридоров — виднелось круглое пятно света... Оттуда, видимо, и перекрикивалась с ним женщина.

Эх, если бы переменить себе лицо... Как легко это делается в книгах и до чего невозможно в жизни... С первого этажа слышались голоса. Он остановился. Слышались шаги, что-то звякнуло. Сабля?... Ага, это тот капитан...

— Допрос не дал никаких положительных результатов. У всех есть алиби. Те же, кто оставался в своих комнатах, стоят выше всяких подозрений.

Чуть позади капитана стоял инспектор Элдер.

— На мой взгляд, подозревать надо каждого, у кого нет алиби, — перебил он.

Капитан с чуть обиженным видом повернулся к нему.

— Мне бы не хотелось, Элдер, чтобы вы впутывались в это дело. В «Гранд-отеле» необходим особый подход. Любая бестактность, любой скандал могут привести к самым необозримым последствиям...

— Мне и в голову не приходило вмешиваться в ваши дела. Тем более, что это совершенно излишне, раз ваша группа уже начала следствие. А вот помощь ваша, я думаю, мне может понадобиться...

Капитан подозрительно поглядел на инспектора, пользовавшегося, несмотря на сравнительно молодой возраст, почти сказочной славой во всей колонии. Правда, по мнению капитана, слава эта была основана большей частью на везении и умении держать себя в обществе. Расследование щепетильных политических дел и крупных преступлений часто, минуя других, поручалось инспектору, что, разумеется, не вызывало восторга его коллег.

— Если вам понадобятся мои люди, только скажите, — ответил капитан. — Хотя я и не знаю, какое вам, собственно поручено дело.

— Если я, в конечном счете, сяду в лужу, а, к сожалению, похоже, что так оно и будет, придется просить вашей помощи. Что-то фортуна отвернулась от меня...

— А то, что вы допрашивали Мод Боркман, тоже связано с вашим заданием?! — спросил один из стоявших рядом полицейских.

— Должен заметить, Элдер, что вы совершенно незаконно вмешиваетесь в дело, порученное моей группе...

— Прошу прощения, но с Мод Боркман я беседовал исключительно в связи со своим заданием. Я ищу человека, который был прослежен до сада этого отеля и, вполне возможно, забрался в одну из комнат... Именно поэтому я беседовал с несколькими жильцами, хотя и не сумел выяснить ничего интересного. А сейчас я отправляюсь немного поспать. Всего доброго.

— Шарлатан, — проговорил один из полицейских, когда Элдер исчез из виду. — Что-то на манер туземных колдунов. Мастер пускать пыль в глаза. Ну, а серьезную работу, само собой, никогда не ценят так, как всякие фокусы-покусы.

— Ну, господа, — сказал капитан, — своим заместителем я назначаю Седлинца. Работать, оставаясь, по возможности, в тени.

Завтра необходимо выяснить, кто мог быть заинтересован в смерти доктора Ранке.

— И надо, — вставил один из полицейских, — разыскать унесенный убийцей с собою кинжал. Где кинжал, там и убийца.

— Правильно. Проверьте часовых и не забывайте: побольше такта, Седлинц. Это «Гранд-отель»!... Спокойной ночи.

Шаги, хлопанье дверей. Полицейские отправились спать.

«Ужас Явы» двинулся дальше по винтовой лестнице. Освещения на ней не было — видимо, по вечерам ею не пользовались. Просто свинство так скупердяйничать. Устраивая тут свидания, Мартин и та женщина прямо-таки жизнью рискуют.

Кажется, он уже на первом этаже. Внизу подвалы. Оттуда доносились голоса и стук посуды. Комнаты для прислуги?

— Не вздумайте пытаться... — прошептал чей-то голос.

— Я ничего не могу... Я боюсь... Всюду полно полицейских...

— Не бойтесь... Полицейские уже спят да сюда они и не пришли бы... Одним словом, говорите, иначе...

— Я ничего не знаю... Я только видела, что нож забрала мисс Боркман... Завернула в белую салфеточку...

— Значит, она и есть убийца!

Молодой человек застыл на месте. Этот отель словно переполнен привидениями... Опуститься ниже?... Чуть двинувшись, он может спугнуть эту пару, спустившуюся в подвал, чтобы побеседовать... Шептались они взволнованно, ясно было слышно каждое слово.

— Завтра расскажете об этом полиции.

— Нет... нет... все откроется, и тогда никому не избежать тюрьмы...

— Ма-арти-ин...

Черт побери!... Эта уж их наверняка спугнет. Шепот мгновенно умолк... Звук удаляющихся шагов... Молодой человек не смел тронуться с места.

— Ма-артин... Почему же ты не принес рыбу, кораллы и ключ?! Ты слышишь, Мартин?

Тишина. Потом шаги и сердитое ворчанье.

— Не слышит... напился или спит, свинья проклятая... ну, погоди-ка...

«Ничего не скажешь — галантная дамочка, — подумал молодой человек. Выбрал же ее себе этот Мартин».

Он вышел в коридор первого этажа. А у девушки дела, действительно, плохи. Если кинжал у нее и полиция получит донос, ей конец... Что-то надо предпринять...

Прежде всего, однако, надо хоть немного поесть... Почему это здесь так темно?

Он на что-то наткнулся. Стол. Сбоку просачивался слабый свет. Столы. Плохо дело. Это ресторан отеля и, судя по всему, с ужином уже давно покончено. Но ведь откуда-то чуть доносятся сюда звуки джаза...

Ну, это из бара «Гранд-отеля». Народа там, наверное, сейчас почти нет. Неважно — главное, что там первоклассная кухня.

Он спокойно вышел в холл. Освещение и здесь было довольно экономным. В другом конце огромного, пустого зала швейцар, прислонившись к стойке, что-то читал. Молодому человеку пришло в голову, что на нем нет галстука. Мягкий воротничок ночной рубашки еще сошел бы под смокингом здесь в тропиках — но только с галстуком. На одном из столиков стояла «пунка» — маленький вентилятор с прикрепленными к лопастям длинными шелковыми лентами. Он оторвал одну из лент и быстро завязал узел. Немного старомодная «бабочка», но каждый, в конце концов, одевается по своему вкусу.

Теперь он уже спокойно направился в сторону бара. Швейцар поднял глаза, но, увидев, что гость не собирается подходить к нему, снова погрузился в чтение.

Феликс, этот почти уже загнанный охотниками зверь, вошел в бар.

Голубоватый свет. Чудесная танцевальная музыка... и полным полно народу. Шорох платьев, шарканье ног, сигаретный дым и аппетитный запах закусок над подсвеченным снизу прозрачным паркетом... Негромко плачет гармоника. Голоса, звон бокалов и тарелок по временам заглушают ее. Освещение изменилось, стало розоватым... Короткая вспышка смеха: это неудержимо расхохоталась вдова-сицилианка, увидев, как Вангольд нерасчетливым движением швырнул скорлупу вареного рака прямо на колени сидящего чуть дальше губернатора Шиллинга. Драгоценности на сидевших в полумраке господах поблескивали, словно белые жуки-светлячки,

шелестели созданные фантазией парижских портных буквально из клочка материи шелковые платья. Плечи, спины и обнаженные руки женщин резко выделялись в сумраке.

Феликс подошел к стойке бара. Бармен-туземец приветливо улыбнулся.

— Бокал шампанского со льдом — побольше льда! — приказал голодный, нахальный, загнанный незнакомец.

Через мгновение бокал стоял уже перед ним, рядом на блюдечке лежали кубики льда и костяная ложечка. В этот момент к нему подошла заведующая баром — бельгийка с волосами цвета спелой пшеницы. Звучало танго, и весь свет был сконцентрирован на паркете, так что различить можно было только ее силуэт, но этого было достаточно, чтобы Феликс оценил ее великолепную фигуру.

— Меня зовут Одетта Дюфлёр. Здесь, в баре, вы — мой гость...

— Счастлив это слышать.

Он поставил бокал, из которого как раз собирался отхлебнуть. А ведь так хочется сделать хоть глоток холодного шампанского.

— Вы танцуете? — спросила Одетта Дюфлёр.

— Конечно. Разрешите пригласить вас?

Они сделали пару кругов по залитому теперь темно-лиловым светом паркету.

— Танцуете вы отлично, — прошептала директриса.

— Люблю музыку — вот и все. Не так уж трудно танцевать, когда ведешь женщину с такими легкими движениями и таким чувством ритма... Какими духами пахнут ваши волосы? Нет, нет, это не «Лантерик»!... Это «Шалимар»!

— Верно. Вы и впрямь разбираетесь...

Какая-то доля секунды темноты и тишины, и теперь уже ослепительный свет залил помещение. Загнанный зверь привычным легким жестом взял Одетту под руку и направился к своему столику, к шампанскому... Он протянул руку к бокалу...

Странно, что после конца танца не слышно аплодисментов. Вообще, все как будто онемели. С бокалом в руке молодой человек обернулся.

Что произошло?!

Глаза всех присутствующих были устремлены к нему. Одетта, приоткрыв маленький, ярко накрашенный ротик, тоже растерянно

глядела на него.

Молодой человек стоял, словно окаменев, не выпуская бокала из рук. Он чувствовал, что произошла какая-то катастрофа... Внезапно он увидел свое отражение в висевшем напротив зеркале и у него мороз пробежал по коже.

За стойкой бара стоял с бокалом шампанского в руке молодой человек в черной, с бархатным воротником куртке миссионера, принадлежащего к одному из самых суровых монашеских орденов.

Глава 12

Именно так. Он стоял перед изумленной публикой в черной куртке с квадратными роговыми пуговицами — одежде людей, прошедших по меньшей мере пять лет среди прокаженных и отказавшихся от всех мирских удовольствий... А в руке у него был бокал шампанского. И мгновенье назад он танцевал!...

Сейчас начнется невиданный еще в стенах «Гранд-отеля» скандал, который неминуемо завершится его арестом.

Внезапно молодой человек высоко поднял бокал с шампанским и голосом, в котором звучал металл, сказал:

— Люди! Призрак смерти уже бродит по дому сему! Я пришел, чтобы напомнить вам о невидимой руке, начертавшей письмена на стенах дворца Набупалассара! Напомнить, что среди мраморных колонн и шелковых занавесей чума пишет свое «мене, текел!» так же, как и в хижине последнего рыбака. Я пришел, чтобы танцевать и развлекаться вместе с вами, ибо, быть может, даже глухие уши услышат, даже слепые глаза увидят призрак смерти, когда я высоко подниму этот сосуд греха...

В глухой тишине он высоко поднял бокал, а затем, швырнув его о пол, обвел всех взглядом и, уже отходя от стойки, сказал:

— Для того я и заказал шампанское... Чтобы уничтожить его как символ мирского греха.

Бармен с суеверным страхом прошептал:

— Это я понимаю... Но для чего нужен был лед?... Ответа не последовало, поскольку суровый миссионер уже покинул тяжелыми шагами бар.

Глава 13

Князь Сергей задумчиво проговорил Мод, сидевшей вместе с ним за одним из дальних столиков:

— Нечто фантастическое... В прошлом году в Сингапуре какой-то миссионер выбежал на сцену варьете и начал танцевать вместе с балетом... Отвратительное было зрелище...

Мод не ответила.

Тяжелое впечатление, которое неожиданное событие произвело на общество, понемногу рассеивалось.

— Совершенно неуместный поступок, — сказал советник Маркхейт миссис Вилльерс, вместе с которой он ужинал, предварительно точно установив, что у нее нет никаких признаков бубонной чумы. — Если бы он не был миссионером, его бы стоило привлечь к ответственности за распространение паники на территории, охваченной карантином...

— Кто это был? — взволнованно спросила вдова-сицилианка у господина Вангольда, с которым она успела случайно познакомиться. Коммерсант был до того расстроен отсутствием жены, что, находясь в столь убитом состоянии духа, за ужином по рассеянности сел вместо своего за столик синьоры Релли, а красавица-вдова предложила ему остаться за ее столиком и после того, как недоразумение выяснилось. После ужина они вместе пошли в бар, чтобы немного освежиться.

— Какой-то миссионер, — ответил Вангольд, — больше я о нем ничего не знаю.

— Петер! — подозвала вдова официанта.

— Слушаю, синьора.

— Кто этот миссионер?

— Не знаю, синьора. Сегодня у нас очень много новых гостей, — ответил официант и поспешил к другим столикам, откуда его уже нетерпеливо подзывали. Разбираться со всякими миссионерами — дело управляющего.

— Вас так интересуют миссионеры?

— Да. Девушкой я была влюблена в одного проповедника. Надежды на то, чтобы добиться согласия моих родителей, у нас, к

сожалению, не было, и он уехал миссионером к каким-то дикарям. Мой покойный муж был добрым, умным человеком, он любил меня, но я никогда не могла забыть Крессона. Став вдовой, я стараюсь почаще бывать в местах, где можно встретить миссионеров, где... все напоминает мне о нем...

— Вы надеетесь когда-нибудь встретить его вновь? — спросил Вангольд.

— Его нет в живых. Он принес себя в жертву призванию, и я за свой счет поставила ему памятник на его родной земле.

— Его прах доставили на родину? — растроганно спросил Вангольд.

— Нет, — холодно ответила вдова и после короткой паузы добавила: — Дикари съели его...

У их столика остановился Линднер, оперный певец.

— Не нравятся мне такие миссионеры, — сказал он, и на его усталом жирном лице появилось выражение обиженного ребенка. — Теперь опять придется принимать снотворное, а я уже совсем хорошо себя чувствовал.

— Никаких снотворных! — воскликнула вдова. — Присаживайтесь к нам! Петер! Бутылку чинцано... синьор Линднер... господин Вангольд...

— Рад познакомиться, — проговорил коммерсант, приподымаясь, чтобы пожать руку Линднеру. — Когда-то я был поклонником вашего голоса. Еще в молодости, конечно. Вы чудесно пели Лоэнгина, да и фигура у вас была великолепная! Эх, где те старые, добрые времена...

Вангольд вздохнул и, кажется, так и не понял, почему Линднер присел за столик с таким ледяным выражением на лице.

— А теперь выпьем все до дна! — воскликнула синьора Релли, поднимая бокал с рубиново-красным вермутом. Все выпили, даже Линднер, которому пить вовсе не хотелось. Вдова поднялась и, проговорив: — Прощу извинить меня, — вышла из зала.

— Исключительно симпатичная женщина, — заметил Вангольд и вновь наполнил бокалы. Чувствовал он себя просто замечательно. Сказывалась и непривычная для него обильная выпивка и... и... изумительно приятное общество синьоры Релли... — А пели вы когда-то просто феноменально, — обратился он к Линднеру, желая доставить удовольствие знаменитому артисту. — Ужасно жаль, что у вас пропал

голос. Это уже насовсем? Я знавал одного церковного певчего, у которого горло через некоторое время прочистилось. Может быть, и у вас будет так же.

— Исключено, — ответил смертельно бледный Линднер. — Любые нервные переживания вредят голосу, а меня до смерти раздражает всякая глупая болтовня...

— Серьезно? Вот и я выхожу из себя, когда начинаю говорить со своим кладовщиком. Я ему говорю: «Господин Штук, принесите то-то и то-то», а он...

— Синьора Релли что-то долго не возвращается, — нетерпеливо проговорил певец.

— Верно. По-моему, она решила разыскать миссионера, только что обругавшего нас.

...Господин Вангольд был прав. Выйдя в холл, синьора Релли огляделась и увидела миссионера, сидевшего за маленьким столиком и что-то втолковывавшего официанту.

— Прошу извинить меня, но я поужинаю здесь. Я не могу и не хочу снова возвращаться в этот Содом, — говорил Феликс, бросая уничтожительный взгляд в сторону бара.

— Я с удовольствием подам и сюда, но могу предложить только кусок вареной рыбы. Повариха приготовила ее для себя, потому что лечится от ожирения.

— Что? В таком первоклассном отеле?!

— К сожалению, среди наших гостей редко бывают миссионеры. Наши жильцы — грешники, которым и в голову не приходит, что по пятницам надо соблюдать пост, так что у господина миссионера наши блюда могут вызвать только отвращение: ростбиф, цыплята-табака и все такое прочее.

У господина миссионера потекли слюнки при одном упоминании о ростбифе и цыплятах (табака!), но он угрюмо произнес:

— Что ж, принесите рыбу и воды, чтобы ее запить... Он продолжал мрачно сидеть за столиком, готовый рвать на себе волосы от досады.

— Прошу прощения, господин миссионер... Я — вдова Релли...

Перед ним стояла высокая, со стройной фигурой женщина. На грубовато очерченном, но приятном лице огнем горели глаза.

— Я не могу отделаться от впечатления, вызванного вашими словами. То, что вы только что сделали, было так жутко и так прекрасно...

— Наш долг — бороться с грехом... — он нетерпеливо огляделся, высматривая официанта. Черт с ним, пусть блюдо будет постным, лишь бы побыстрее!

— Мне нужен человек, с которым я могла бы поговорить откровенно. Если у вас найдется для меня полчаса, прошу вас: выслушайте меня и...

— Сейчас я собираюсь поужинать, — заметил он, увидев приближающегося официанта с рыбой.

— Мне так это необходимо! Мне нужен суровый, с горящими глазами проповедник, которому я могла бы раскрыть тайны сердца...

К сожалению, при этих словах она взмахнула рукой и выбила поднос у не ожидавшего подобной резвости официанта. Кусок рыбы, разбрызгивая соус, шлепнулся на ковер.

— О Мадонна! — в отчаянии воскликнула синьора Релли. — До чего я неловка... Прошу вас, разрешите пригласить вас к себе на чашку чая, чтобы хоть как-то возместить испорченный ужин... Не отказывайтесь, иначе вы меня обидите... Я живу в двадцатом номере, это совсем рядом...

— Хорошо... но мне сегодня можно есть только постное, — ответил он, сдаваясь, и посмотрел на лежащий на полу кусок рыбы так, словно это было тело только что скончавшегося, горячо любимого родственника.

Коротко кивнув официанту, миссионер с совершенно пустым желудком направился к лестнице.

В следующее мгновение он, круто повернувшись, исчез в темном помещении ресторана.

По лестнице навстречу ему спускался инспектор Элдер.

Глава 14

Элдер видел его только одно мгновение и немедленно поспешил к швейцару.

— Вам знаком этот миссионер?

— Да, конечно. Но сегодня прибыло столько народу, что, если господин инспектор хочет что-то о нем узнать, мне надо будет поглядеть...

— Выясните его имя и все прочие данные.

Из бара вышел официант и поспешно подошел к синьоре Релли.

— Не могли бы вы вернуться в бар, синьора. Два господина за вашим столиком ругают друг друга во весь голос.

— О Санта Мадонна! — воскликнула вдова и поспешила за официантом.

— Отец Пауло Соргетте, миссионер, — прочел швейцар. — Прибыл на автобусе вместе с экскурсией с Явы, номер в «Гранд-отеле» оплачен банковским переводом. Задержался здесь из-за известных вам событий.

— В каком номере он живет?

— Шестьдесят шестом. Третий этаж.

— Спасибо...

Инспектор подошел к двери в ресторане. Дверь была заперта! Теперь уже он без всяких колебаний подошел к лифту и вошел в кабину.

— Третий этаж... — Лифт, загудев, тронулся с места... Инспектор готов был надавать самому себе пощечин за то, что сразу не бросился вслед за этим миссионером.

Лифт остановился. Инспектор взялся за ручку двери.

— Нельзя, господин, — сказал негритенок-лифтер. — Мы как раз между этажами.

— Почему же остановился лифт?

— Наверное, на каком-то этаже кто-то открыл дверь.

— И что теперь делать? — нетерпеливо топнул ногой Элдер.

— Надо позвонить швейцару. Он пройдет по этажам, закроет дверь и мы сразу же двинемся. Только он ужас как медленно ходит.

Если дверцу открыли на одном из верхних этажей, мы здесь до самого утра проторчим. У бедняги ишиас. Страх как неудобно, если работаешь швейцаром... Я бы такого держать не стал.

— Ты уже позвонил?

— Еще нет, но это быстро делается, — успокаивающим тоном ответил мальчишка и нажал на одну из кнопок. — А теперь сами увидите, сколько времени будет копаться этот старичок.

Действительно, прошло с полчаса, пока он обошел все шесть этажей, обнаружив в конце концов, что забыл поглядеть на первом, а дверь-то была приоткрыта именно там.

Лифт дрогнул, загудел, и мальчишка распахнул дверцу.

— Пятый этаж.

Элдеру кровь бросилась в голову.

— Мне нужен третий!

— Одну секундочку!...

Лифт двинулся вниз! Через пару секунд он остановился, Элдер шагнул к двери, но лифтер снова остановил его.

— Опять где-то открыта дверца. Похоже, кто-то решил поразвлечься.

— Мать его!...

...Примерно через три четверти часа после этого инспектор стоял наконец перед дверью шестьдесят шестого номера. Куртка миссионера висела на тремпеле, у порога стояла пара башмаков.

Инспектор постучал в дверь.

— Кто там? — спросил хрипловатый голос.

— Мне нужен преподобный отец...

Послышалось шарканье ног, и дверь приотворилась. Выглянул седой мужчина с изможденным лицом.

— Вы ищете меня?

— Да. Вас ждут в салоне, отец Краффорд.

— Меня зовут Пауло Соргетте!

— Прошу прощения, тогда это ошибка. Мне нужен отец Краффорд.

— Этого не может быть. Отца Краффорда еще в прошлом году изжарили на берегу озера Виктории...

— По-видимому, это другой Краффорд.

— Послушайте! Кто вы?! Я не верю ни единому вашему слову! И совсем недавно кто-то скребся у моей двери! Что все это значит?

— Я — старший инспектор Элдер. А деньги, между прочим, в любом случае разумнее было бы сдать на хранение в сейф.

— Что... Откуда вы знаете?...

— Швейцар сказал, что вы получили перевод. Когда вы уснули?

— В одиннадцать, — ответил миссионер, захлопывая дверь.

Сейчас время подходило к двенадцати.

Элдер на несколько секунд задумался, а потом быстро наклонился.

На башмаках миссионера поблескивали крохотные капельки влаги. Жидкость на поверхности кожи высыхает медленно, но с вечера капельки должны были давно исчезнуть. А вот сок от шлепнувшейся на пол рыбы брызнул во все стороны...

Нет сомнений, что, пока миссионер спал, кто-то воспользовался его одеждой. В том, кто именно, у инспектора сомнений тоже не было...

Глава 15

Мод попрощалась с князем Сергеем у двери своего номера.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я уверен, что надежда еще не потеряна...

— Я... мне бы такую уверенность...

— Надо верить!

— Но профессор возвращается сегодня...

— Тс-с! Не стоит сушить голову из-за того, чему мы все равно не можем помочь. Спокойной ночи.

Князь ушел, и Мод вошла в свою комнату. Щелчок выключателя — и в залившем комнату ярком свете она увидела перед собою молодого человека с полотенцем вместо набедренной повязки, но зато в безукоризненно сшитом клетчатом пиджаке, чуточку разве что коротковатом.

— Как вы посмели!...

— Тихо! Постараюсь покороче. Время не терпит и к тому же я зверски голоден. Немедленно отдайте мне нож и белую салфетку, в которую он был завернут.

У Мод словно отнялся язык.

— Не задавайте вопросов и ничего не пытайтесь объяснить, а просто делайте то, что я говорю. Кто-то видел, как вы забрали нож. В вашей комнате будет обыск.

— Кто... видел это?

— побыстрее, пожалуйста. Если нож найдут здесь, вам конец!

— Но откуда мне знать...

— Сейчас нет времени торговаться. Вы должны поверить мне, иначе погибли. Нож!

Поколебавшись несколько мгновений, Мод быстро подошла к окну и вытащила из щели между рамой и карнизом белый сверточек.

— Вот он. Хотите еще что-нибудь?

— Нет... Если вы сами не хотите рассказать...

— Я не буду ничего рассказывать. Можете думать все, что вам угодно. Вы сам убийца и вряд ли можете считать меня такой уж преступницей.

— Зачем вы забрали нож?

— Я думала, что виноват совсем другой, и хотела спасти его... А вы... вы... каким образом вы очутились здесь...

— Для завершения сегодняшнего вечера... Вернув одежду миссионеру, я в неопишимо скупом костюме добежал до винтовой лестницы, чтобы снова взять пижаму. Вместо нее там лежало с полдюжины выстиранных простынь и полотенце. Пижамы и след простыл! Вообразите мое положение! Что делать? Я обернулся полотенцем и поспешил сюда. В это время господин, которого трое парней, именуя Вангольдом, с трудом доволокли до номера, улегся, видимо, спать и вывесил для чистки свой костюм. Пиджак я позаимствовал у него, а брюки, к сожалению, не подошли. Пару сапог пришлось занять до утра у жильца восемьдесят седьмого номера. Подозреваю, что он — полицейский.

— Как вы узнали, что нож...

— Спокойной ночи, — перебил ее молодой человек, как раз вовремя поправил начавшее сползать полотенце и вышел:

У поворота коридора он остановился и прислушался. Убедившись, что все спокойно, вытащил кинжал из кармана пиджака и изо всех сил швырнул его в открытое окно. Проходя мимо комнаты Вангольда, он повесил клетчатый пиджак на место.

Молодой человек спешил. Может быть, в подвале найдется что-нибудь вроде кладовой, где он сможет устроиться. Он смертельно устал. Он был уже в районе первого этажа, когда снизу послышались шаги и прозвучал голос:

— Марти-ин... это ты-ы...

Господи помилуй!

Молодой человек молниеносно выскочил в коридор и бросился к темному ресторану. Голос:

— Да откройте же! Какой черт запер меня снаружи?

— Мне-то откуда знать? — ответил швейцар...

Назад. Мимо все новых и новых дверей... Какой-то ужас! Голоса донеслись и с другого конца коридора.

— Я думал, что вы уже легли, Элдер.

Седлинец, офицер полиции из группы капитана!

— Я услышал какой-то подозрительный шум. В такой обстановке становишься подозрительным...

Сейчас они пойдут сюда... Он оказался между двух огней.

— Ма-арти-ин!... Ты что — не слышишь меня? Чтоб тебе удавиться!

Прямо перед собой он увидел дверь двадцатого номера. Номер, где живет эта итальянка. Из-за двери доносилось негромкое пение и постукивание каблучков. Голоса приближались.

Он постучал.

— Войдите!

Он вошел в номер и очутился перед одетой в кимоно сицилианкой, глядевшей на него разинув рот.

— Это вы... вы?

— Прошу прощения, — ответил молодой человек в ночной сорочке, повязанном поверх нее галстук из темной ленты и полотенце, обернутом вокруг бедер, — но вы оказали мне честь, пригласив...

— Но вы же сказали... сегодня пост... и...

— Это ничего. Полночь миновала, и сейчас уже суббота.

— Извините, но... все это так странно...

— Вы имеете в виду это... Парадная форма миссионеров, ухаживающих за прокаженными... Я надел ее в вашу честь: белая сорочка, темный галстук... и сапоги с высокими голенищами. В Индии этот костюм пользуется большим уважением...

— Очень любопытно... Я, правда, уже собиралась лечь... Но не беда! Отвернитесь, пока я что-нибудь накину на себя...

Он повернулся к ней спиной и подошел к окну. Синьора Релли зашла за ширму и переоделась. Вернувшись, она с удивлением обнаружила, что миссионера нет в комнате. Он словно вылетел в распахнутое окно.

Так оно, впрочем, и было.

Глава 16

На следующее утро новая сенсация потрясла «Гранд-отель».

Коммерсант Вангольд был арестован за убийство доктора Ранке. Негритенок, чистивший платье, нашел в кармане пиджака Вангольда покрытую кровавыми пятнами салфетку. Салфетка эта исчезла со стола в комнате, где был найден труп доктора Ранке.

Бледный, как мел, Вангольд сидел перед капитаном.

— Расскажите откровенно обо всем.

— Простите, — со слезами в голосе ответил Вангольд, — нельзя ли оповестить о случившемся мою жену? Она намного умнее меня.

— Вашей супруги здесь нет и, пока не кончится карантин, она не сможет сюда вернуться.

— Жаль. Лучше бы я пошел вместе с нею за покупками.

— Это к делу не относится. Расскажите во всех подробностях об убийстве. Почему вы убили доктора Ранке и как до этого дошло?

Вангольд, заламывая руки, ответил:

— Но, господин капитан... Уж не думаете ли вы, что это я убийца?

— Может быть, у вас имеется алиби?

— Что-что?

— Алиби! Есть у вас алиби? Коммерсант испуганно забормотал:

— Чемоданы собирала жена... Я, честное слово, не знаю... взяла она его или нет...

Это было уже немножко чересчур, и капитан вышел из себя. Неужели этот тип пытается строить из себя такого простака, который даже не знает значения слова «алиби»?

Неслыханно! Капитан стукнул кулаком по столу.

— Прекратите эту комедию! Идиота хотите из себя корчить?!

— Господин капитан, — простонал обвиняемый, — клянусь, никого я не хочу корчить и только прошу немедленно вызвать сюда мою жену.

Вангольд сидел с опущенной головой между двумя полицейскими, чувствуя себя как нельзя более несчастным... Капитан расположился напротив, спрятав глубоко под письменным столом

ноги, обутые в домашние шлепанцы. Какой-то мерзавец спер у него из-под двери сапоги. Ужасно неприятно!

— Убийство произошло непосредственно перед тем, как объявили о введении карантина. Где вы находились в это время?! Ну?!

— Разговаривал с господином капитаном.

— Гм... да... это я помню. Вы интересовались, насколько надежно оцепление.

— Клянусь, я ни в чем не виноват...

— Вы утверждаете, что все это время находились в холле? Вангольд молчал.

— Ну? Перед тем, как заговорить со мною, вы стояли вместе со всеми остальными? Предупреждаю, что я проверю ваши слова, допросив любого, о ком вы скажете, что он стоял рядом с вами. Сознаться лучше, этим вы облегчите свою участь.

— Но, прошу прощения, я действительно был внизу...

— Где?! Говорите же, ради бога. Есть у вас алиби или нет?!

— Я же ведь сказал, что не знаю. Покупками всегда занимается моя жена и...

— В последний раз предупреждаю: прекратите разыгрывать идиота!

— Клянусь, что я ничего не разыгрываю... — чуть не плача, и обхватив голову дрожащими руками, ответил Вангольд.

— Где вы были перед тем, как подошли ко мне?

— С дамой... некой миссис Вилльерс... В дверь постучали.

— Прошу прощения. — В комнату вошел инспектор Элдер. — Я хотел бы кое-что сообщить вам...

— После того, как я окончу допрос, — ответил капитан. Элдер присел и в ответ на удивленный взгляд капитана извиняющимся тоном сказал:

— Разрешите мне присутствовать при допросе. Все равно мне — в связи с моим заданием — тоже нужно поговорить со всеми жильцами.

— Ну, господин Вангольд, — сухо продолжал капитан, — о чем же вы беседовали с миссис Вилльерс?

Вангольд, заламывая руки, всхлипнул.

— Миссис Вилльерс стояла у окна, а я подошел и сказал, что стоит чудесная погода... потом мы познакомились... потом...

Он потер себе лоб.

— Продолжайте...

— Она пригласила меня... зайти на минутку к ней в номер... это на первом этаже...

— И что дальше?!

— И... поставила передо мной сэндвичи... Такие, знаете, маленькие, с сыром, они еще продаются в коробках... Только надо их упаковывать в станиоль, иначе они быстро портятся.

— Ерунда какая-то!

— Конечно, ерунда, потому что они все равно подсыхают, но все-таки лучше...

Капитан снова ударил по столу.

— Чем вы занимались в номере миссис Вилльерс?

— Звонил по телефону.

— Кому?...

— Н-не знаю...

Капитан глубоко вздохнул и закурил сигарету.

— Хотите закурить? — спросил он у совершенно уже растерявшегося преступника. Быть может, когда он немного успокоится, дело сдвинется с мертвой точки.

— А они без опиума? Моя жена говорит, что это ужасно вредно...

— Без опиума. Пожалуйста... — Подав Вангольду огонь, капитан откинулся на спинку стула. — Кому же вы все-таки звонили? Давайте попробуем поговорить по-хорошему, — сказал он с ласковым видом укротителя тигров.

— Миссис Вилльерс набрала номер и... и, знаете, попросила меня сделать ей услугу... сказать мужчине, который снимет трубку... такую фразу: «Артур напал на след».

— И вы сказали...

— Д-да... Миссис Вилльерс сразу же нажала на вилку телефона... так что ответа я не услышал.

— В каком номере все это происходило?

— В сорок втором... Там живет миссис Вилльерс...

— Мы выслушаем и ее. Горк, попросите миссис Вилльерс прийти сюда.

Горк вышел.

— Клянусь, господин капитан, я невиновен, —
прохныкал Вангольд.

 А каким образом очутилась в вашем кармане окровавленная салфетка, по которой ясно видно, что в нее был завернут нож?

— Честное слово, не знаю... Я, понимаете, немного выпил с горя, потому что без жены...

— Жаль. Окровавленный платок — решающая улика. Не могу себе представить человека, который сумел бы избежать скамьи подсудимых после того, как *corpus delicti* кровавого преступления было найдено в одежде, которую он носил в тот самый день.

— В таком случае нам предстоит еще один сенсационный поворот событий, — неожиданно вмешался Элдер. — Я обнаружил покрытый кровавыми пятнами кинжал в чьем-то сапоге. Когда мы выясним, чей это сапог, у нас появится и второй преступник — ведь орудие убийства найдено в его одежде!

У капитана отвисла челюсть, и он произвольным жестом вытянул вперед обе ноги.

Глава 17

— О чем вы говорите? — немного прийдя в себя, спросил капитан у Элдера.

— Если мы будем считать улику, найденную в одежде, неопровержимым доказательством участия в преступлении, то владелец сапог — соучастник господина Вангольда.

— Где вы нашли сапоги?

— Перед восемьдесят седьмым номером.

— Это мой номер! — воскликнул капитан.

— Вероятно, сапоги подбросили туда после того, как вы ушли. Вы встали на рассвете, а бой обнаружил их только сейчас.

— Это... мои сапоги! Наступило неловкое молчание.

— Тогда и вам, господин капитан, не избежать скамьи подсудимых, — проговорил наконец Вангольд.

— Чушь! Сапоги стояли перед дверью, и кто-то, проходя мимо, бросил в них нож.

— Ну, мой костюм тоже висел перед дверью, и кто-то, проходя мимо, сунул в него салфетку. Либо немедленно освободите меня, либо прикажите арестовать и вас самого!...

Ситуация явно становилась нелепой.

— Прошу прощения, господин Валгольд, но вы вовсе не арестованы, я просто допрашиваю вас.

— Я буду жаловаться. Мне нанесен моральный ущерб, и я требую компенсации.

— Инспектору Элдеру следовало пораньше сообщить о своей находке.

— Вы сами разрешили мне быть лишь свидетелем допроса, капитан. Приказ есть приказ.

— Что ж, господин Вангольд, на этом мы сейчас закончим, но я попрошу вас оставаться в нашем распоряжении.

— Я до самого правительства дойду! — выкрикнул Вангольд и выбежал из комнаты.

— Только что бой прибежал ко мне, — начал Элдер, — и сказал, что из пары сапог, которые он взял, чтобы почистить, перед

восемьдесят седьмым номером, выпало вот это.

Элдер вытащил из кармана кинжал и положил его перед капитаном. Собственно говоря, это, скорее, был охотничий нож с черной рукояткой и коротким, острым лезвием, только немного старомодного образца. На украшенной драгоценными камнями рукоятке была выгравирована римская цифра два. На лезвии изумительно легкого кинжала виднелось несколько ржавого цвета пятен.

— Вряд ли можно сомневаться, что это и есть кинжал убийцы, — заметил капитан. — Маркхейт провел уже вскрытие. Рана не такая уж глубокая, но широкая... Здесь тоже лезвие короткое, но широкое у основания.

— Почему только он такой легкий? — спросил один из полицейских, подбрасывая кинжал в руке. — Словно детская игрушка.

— Вот именно, — сказал капитан. — Это не настоящее оружие. Какая-то безделушка или игрушка. Если бы лезвие при ударе наткнулось на кость, оно бы согнулось или сломалось. Но кто все-таки мог подбросить его в мой сапог?

— Согласно моей теории, это сделал Вангольд, и это был просто гениальный ход с его стороны, — сказал полицейский.

— Неплохая теория, — кивнул Элдер. — Особенно... если учесть, что вчера вечером украли, а потом снова вернули назад платье еще и у миссионера.

Снова наступило неловкое молчание.

— Каким, собственно говоря, делом занимаетесь вы здесь в отеле, инспектор? — спросил наконец капитан.

— Разыскиваю преступника, следы которого привели сюда. Я дал слово, что ни в коем случае не разглашу, о ком идет речь.

— Надо полагать, это условие не может относиться к лицам, стоящим выше вас по званию.

— Я тоже так думаю. Если вы позвоните советнику Мейлену, я полагаю, он наверняка даст свое разрешение...

— Спасибо, но я думаю, что мы вполне можем заниматься своими делами раздельно, — холодно ответил капитан.

В комнату вошел полицейский, посланный за миссис Вилльерс. Вместе с ним был и советник Маркхейт.

— Виноват, господин капитан, — сказал полицейский, — но миссис Вилльерс исчезла из отеля.

— Что?

— Я вместе с людьми из санитарного отряда господина Маркхейта обошел все комнаты, и мы точно установили, что миссис Вилльерс в отеле нет.

— Кто видел ее в последний раз? — спросил капитан.

— Официант, подававший миссис Вилльерс завтрак в саду. Он видел, как она потом прогуливалась по саду и беседовала с часовым, стоящим на посту у прохода через проволочное ограждение.

Капитан беспомощно посмотрел на Маркхейта.

— Возможно, чтобы кто-то прошел через заградительный кордон?

— Ну... случаи такие бывали... Но крайне маловероятно... Как вы считаете, Элдер? — обратился он к забытому всеми инспектору.

Элдер взглянул на капитана.

— Если у вас есть какие-то соображения, — проговорил тот смущенно, — можете высказать их господину советнику. Я не возражаю...

— Я бы в первую очередь допросил часового, с которым разговаривала миссис Вилльерс, и официанта.

Маркхейт щелкнул пальцами.

— Черт возьми, это он попал в точку. Как вы полагаете, капитан?

— Естественно, допросить этих двоих необходимо. Это мы сделали бы так или иначе. Пришлите сюда солдата и официанта, Седлинц. Хотя многого я от этих допросов не ожидаю.

Официант не сообщил ничего нового. Завтрак он подавал около девяти часов.

— Эта дама не показалась вам взволнованной или расстроенной?

Официант пожал плечами.

— Эта дама всегда была немножко нервной... На этот раз она выглядела как раз относительно спокойной. Читала газету, писала какое-то письмо...

— Вы не заметили: после завтрака она не возвращалась в холл?

— Нет. Разговаривала о чем-то с часовым, потом я ушел на кухню, а когда вернулся, ее уже не было.

— Спасибо. Вы можете быть свободны.

Пришел часовой, которого только что сменили с поста. Теперь до конца карантина и он стал пленником «Гранд-отеля».

— Когда вы сегодня стояли на посту, с вами беседовала какая-либо дама?

— Да. Нам дали приказ быть повежливее. Можно даже разговаривать, стоя на посту, если кто-нибудь из гостей заговорит с той стороны заграждения.

— О чем она говорила с вами?

— Спросила, сколько мне еще осталось стоять, и не приму ли я от нее небольшой подарок... Я ответил, что это запрещено, потому что так можно разнести заразу...

— Больше вы ее не видели?

— Нет.

— Можете быть свободны.

— Погодите-ка!

Это проговорил, подходя к солдату, инспектор Элдер.

— Слушай, братец, если ты сейчас же отдашь мне письмо, это обойдется тебе всего в два дня карцера. А если нет, я постараюсь, чтобы ты не миновал военного трибунала. Не забывай, что во время карантина действуют законы военного времени!

— Но... прошу прощения...

— Прекрати заикаться, а то хуже будет! — оборвал его Элдер. — Эта женщина пообещала заплатить тебе, если ты отправишь тайком ее письмо! Ты вчера уже так сделал, а это тяжелое...

— Неправда! Сегодня она в первый раз попросила...

— Давай сюда письмо, тогда, может, и выйдешь сухим из воды!

Побелевший как мел часовой вытащил из кармана конверт.

— Что она тебе наговорила? — продолжал инспектор.

— Что... даст мне сто гульденов... если я отправлю письмо... Я не хотел... Но она плакала... умоляла.

— Убирайся! Сейчас ты под карантином, а потом посмотрим, что с тобой делать!

Солдат вышел.

— Я почти не сомневался, что так оно и будет, — сказал Элдер. — На кой черт писать письмо, если отправишь его только через три недели? Только чтобы попытаться передать его контрабандой. Проще всего обратиться прямо к часовому...

— Можно взять письмо? — негромко проговорил капитан.

— Пожалуйста.

Письмо было адресовано Артуру Кеклину в Сингапур.

— Полагаю, что у нас достаточно оснований, чтобы вскрыть его... — неуверенно проговорил капитан и разорвал конверт.

На листке было написано:

«Знайте правду! Марджори встретила с Додди. Они вместе на Малой Лагонде, в „Гранд-отеле“. Застряли там из-за карантина. Одна итальянка по имени Релли тоже знает обо всем, и они смеются над вами...» Подписи не было...

— Дело запутывается, — проговорил капитан, играя кинжалом.

— А вы что скажете, Элдер? — спросил Маркхейт.

— Надо бы поговорить с этой Релли.

— Разумеется, — сказал капитан. — Седлинец, пригласите сюда синьору Релли.

Она вошла в кокетливом черном шелковом платье, с ясными глазами отлично выпавшего человека. В комнате сразу же повеяло запахом дорогих духов. Улыбнувшись, она громко поздоровалась.

— Доброе утро, господа! Беднягу Вангольда напугали прямо-таки до смерти.

— Он излишне впечатлителен. Нам всего-навсего нужно было кое-что у него выяснить. Садитесь, синьора.

— Спасибо.

Она обернула вокруг пальца конец великолепного жемчужного ожерелья.

— Вы знакомы с неким Артуром Коклином? Она с задумчивым видом выпятила нижнюю губу.

— Коклин?... Фамилия довольно обычная, но я такого не знаю... А что это как-то связано с убийством бедного доктора Ранке?

— Поначалу мы думали, что да, — ответил капитан, — но тут выплыло еще несколько довольно темных дел.

Капитан взял со стола кинжал и начал нервно вертеть его в руках.

— Что это? — спросила синьора Релли, вытягивая шею.

— Кинжал. По сути дела — игрушка, но, тем не менее, Доктор Ранке был убит именно им.

Синьора Релли без чувств опустилась на пол.

Глава 18

...Выпрыгнув в сад, молодой человек в обернутом вокруг бедер полотенце начал осторожно красться вдоль стены. Он чувствовал, что еще немного и свалится от усталости.

Как раз над собою он заметил открытое окно, стекла в котором были защищены металлической сеткой. Разумеется, это не жилая комната, а ванная. Затянув покрепче полотенце, он взобрался на карниз. Темно и тихо.

Он спрыгнул в комнату. Так и есть, он нащупал рукой край ванны. Слишком расхаживать тут не стоит — из-под двери пробивался легкий свет. Его рука наткнулась на какое-то покрывало... по крайней мере, не придется лежать прямо на полу... Отлично. Что-то на манер кушетки. Будем надеяться, что хозяин не вздумает купаться ни свет ни заря. Он быстро приподнял покрывало и, забравшись под кушетку, сразу же уснул.

Проснулся он от того, что прямо у него над головой делали вскрытие доктора Ранке.

Утро уже наступило, было совсем светло. То, что он принял за кушетку, оказалось низеньким, длинным столом для вскрытия. Протяни он ночью руку чуть дальше, он дотронулся бы до трупа.

Бр — р-р!... Не слишком-то приятное ощущение.

— Печень слегка увеличена, результат рецидива малярии... этого не пишите, коллега, — услышал он голос Маркхейта. — На внутренней стенке желудка затвердение от залеченной язвы... Так, пошли дальше... Который там час? Что-то есть хочется... Ладно, это ерунда... Значит, так. Пишите: вокруг входного отверстия колотой раны, нанесенной в районе верхней оконечности легкого, имеется примерно двухсантиметровый след, оставленный, по всей видимости, рукояткой... Ох, и жарко же... Так... ну, это чепуха... Пойдем дальше... — Шелестя халатом, он продолжал диктовать: — Причина смерти — внутреннее кровоизлияние из артерии, поврежденной каким-то режущим инструментом. Зашейте его снова, Грубер, а протокол в двух экземплярах будьте добры отпечатать к ланчу.

Грубер начал, пыхтя, зашивать разрез, потом послышался плеск воды из раковины, и они вышли. Молодой человек видел из-под покрывала ноги уходящих.

Черт возьми!

На одной из пар ног были белые, не слишком чистые теннисные туфли с необычной формы кофейным пятном на носке!

Этот человек принес в комнату Мод письмо, которое девушка потом сожгла. Он уже у порога... Жалко, черт побери, что Грубер не ушел вместе с остальными, слышно, как он продолжает возиться над трупом... Сейчас можно было бы узнать...

Но ничего не поделаешь.

Дверь захлопнулась, а Грубер все продолжал зашивать рану. Да еще и насвистывает, сукин сын!

Ну и жарница же... просто дышать нечем. Надо поразмыслить. Кто мог присутствовать на вскрытии? Советник Маркхейт, его помощник, другие врачи. Вообще только врачи. Значит, туфли с коричневым пятном принадлежат кому-то из врачей.

Жара становилась невыносимой. Когда этот тип закончит сшивать рану? Еще насвистывает, подлец.

Ну, наконец-то. Моет руки. Теперь начал что-то напевать. Придет же в голову! Грубер наконец вышел, и еле живой Феликс выбрался на воздух. Труп, прикрытый простыней, продолжал лежать на столе. Не самое приятное зрелище.

Как же теперь выйти отсюда?... Он огляделся вокруг. На стене висело несколько халатов.

Феликс быстро схватил один из них. Длина подходящая: закрывает до самых лодыжек. Он решительно подошел к двери и распахнул ее.

Будь, что будет.

Щелкнули каблуки. Полицейский, стоявший у двери, отрапортовал ему. Отлично. Значит, пока все в порядке.

— Куда пошли мои коллеги? — спросил Феликс. В дезинфекционную, в подвал.

— Спасибо.

Сейчас он в одном из боковых коридоров первого этажа. Раздевалки, кладовые, машинное отделение...

Он вышел в устланный коврами главный коридор отеля. Куда дальше? Это он и сам хотел бы знать.

— Господин доктор!

Крупный, коренастый мужчина окликал его из открытой двери номера.

— Слушаю вас?

— Меня зовут Иоганнес Брунс и, насколько я могу судить, советник Маркхейт послал вас как раз ко мне.

— Да... да... Я задумался и прошел мимо...

— Разрешите пригласить вас...

Феликс, не раздумывая, вошел в номер. Может быть, здесь удастся раздобыть какую-нибудь одежду.

— Так в чем, собственно, дело?

Широкоплечий, с грубыми чертами лица мужчина был одет с бьющим в глаза шиком. Однако на лице его было написано страдание.

— Советник Маркхейт сказал мне... что вы можете помочь мне, господин доктор... вы — сын знаменитого профессора Рейли...

— Совершенно верно. Я — Джон Рейли... к вашим услугам.

— Но... разве вас зовут не Чарльз?

— Не совсем. Мое имя — Джон Чарльз Рейли. Имя Джон я получил по бабушке, и оно мне больше нравится... Так на что вы жалуетесь?

— Разве господин Маркхейт не сказал вам?

— Ну... только в самых общих чертах... Всегда лучше выслушать самого больного... Давно у вас начались боли?...

— У меня? У меня ничего не болит...

— Я имел в виду катар... или лихорадку, кажется... когда все это началось?... Жарко у вас здесь...

Он вытер вспотевший лоб.

— У меня не было ни лихорадки, ни катара... я не понимаю... — удивленно проговорил больной.

— Видите ли, я рассчитывал обнаружить эти симптомы, потому что при частых головных болях...

— У меня нет частых головных болей.

— Что же у тебя есть, черт бы тебя подрал?!

— У меня вообще никогда не болит голова, — повторил больной.

— Так... это тревожный признак... при ревматизме...

— У меня нет ревматизма! Нет, это безнадежно!

— От чего же вы, собственно, страдаете?

— Ни от чего!

— Да?... С этим мы справимся. Вы принимаете уже какие-нибудь лекарства?

— Нет, — вздохнул Брунс. Его измученное, изможденное лицо покрылось капельками пота — свидетельством панического страха...

— Я думаю... мне... может помочь только Ли Синг.

— Китайский... знахарь?

— Нет... Это и есть моя болезнь... Ли Синг! Маркхейт сказал, что посоветуется обо мне с вами.

— Ну да... он посоветовался... Но лучше, если вы сами расскажете... в таких случаях мало услышать от кого-то...

Что это?... Накрытый стол, великолепные холодные закуски! Такое не часто увидишь у тяжелобольного, а для Феликса, уже сутки не евшего, а только бегавшего, спасавшегося, передевавшегося, обличавшего грехи и принимавшего незримое участие во вскрытии, — это муки Тантала. Боже, какая чудесная ветчина лежит там!

— ...Это началось четыре года назад, — с глубоким вздохом сказал мужчина с фигурой мясника и грубым лицом, с громадными, словно противни, ручищами, одетый во франтоватый костюм. — Четыре года назад я первый раз приехал в Куала Лумпур. Там все и началось. В жаркий, сырой вечер...

— Подхватили лихорадку?

— Нет... влюбился.

— С этим нельзя шутить.

— Я познакомился с Ли Синг, и мы полюбили друг друга. Я ее полюбил всерьез, но, понимаете, китаянка и этот вонючий, захолустный Куала Лумпур... Короче говоря, через два месяца я удрал. Ночью я тайком сел на судно и отправился в Шанхай. Тут-то все и началось. Через пять минут после того, как я вышел на берег, ко мне подошел старый китаец. «Господин, — сказал он, — Ли Синг велела мне передать тебе вот это». И он подал мне письмо. Какой-то подлец-китаец написал его, видно, под диктовку Ли Синг. Там говорилось, что она уезжает куда-то в леса и будет там денно и ночью проклинать меня и молиться, чтобы я умер. Когда придет мой последний час, я вспомню Ли Синг, потому, что она пришлет мне как предвестников смерти

четыре цветка мимозы. Смерть придет ко мне после того, как я получу четвертый цветок... Вы улыбаетесь? Я тогда тоже рассмеялся и дал пинка китайцу. А ведь я много слышал о ворожбе, мне приходилось встречать здесь, на Востоке, людей, над которыми тяготело проклятие и которые день ото дня худели и сохли, а врачи ничем не могли им помочь. Три месяца назад я получил первый цветок и, может быть, засмеялся бы, если бы... если бы это произошло не в Лондоне.

— Где?!

— Вы не ослышались. Цветок лежал в моей лондонской квартире, на полу в ванной, и никто не мог объяснить, как он туда попал. После этого я тяжело переболел гриппом... С тех пор я поверил... Да... С тех пор я начал бояться... Я начал плохо спать... худеть...

— Сколько вы весили до того, как начали худеть?

— Больше двухсот фунтов, — ответил с глубоким вздохом больной и закурил. — Я пытался разыскать Ли Синг, но она исчезла из Куала Лумпура. Я потратил не одну тысячу, расспрашивая сотни людей по всей Азии, но все напрасно. Два месяца назад в Коломбо, садясь завтракать, я нашел на столе вторую мимозу...

— Прошу прощения, — перебил его молодой человек в белом халате, — но разрешите полюбопытствовать, кто вы по профессии?

Мгновенно взгляд коренастого блуждал по стенам комнаты.

— Я — рантье...

Неловкое молчание. Врет, скорее всего. Молодой человек бросил взгляд на уставленный закусками столик.

— А вчера, — продолжал коренастый, — произошла катастрофа.

— Новая мимоза?

— Да.

Коренастый вытер покрытый холодным потом лоб. Неважные дела у этого человека. Пожелтевшая кожа, бегающий взгляд и впрямь наводили на мысль о близкой смерти.

— Маркхейт сказал, что попросит вас зайти ко мне, мистер Рейли, потому что вам удалось уже однажды справиться с подобным случаем у одного морского офицера...

— Да, да... был такой случай.

— Такой же, как и у меня?

— Не совсем. Там присылали нарциссы, но худел он точно так же.

— Я уже потерял всякую надежду... Ничего не ем, нервы на пределе, тяжело дышать... но хуже всего потеря аппетита. Совершенно не могу есть...

— Невероятно, — тяжело дыша, ответил Феликс и проглотил слюну.

— Вот эти закуски стоят здесь весь день. Я надеялся, что мне все-таки захочется... но увы!... Не знаю, так ли это было и у того моряка?...

Лицо молодого человека прояснилось.

— Точно так же. И именно здесь-то мне и удалось ему помочь!

— Каким образом?

— Внушением! Это единственный способ. Вы поддаетесь влиянию более сильной воли...

— Вправду?! Это не повредило бы и мне!... Знаете, я просто пришел в отчаяние, когда Маркхейт сказал, что вы сможете прийти только в том случае, если сегодня не будет, — тут у него передернулось лицо, — вскрытия... А я не могу ждать... Потому что близится мой конец... мой конец...

У молодого человека стало легче на душе. Все в порядке. Настоящий Рейли не появится — вскрытие ведь состоялось.

— Что ж, попробуем... Начнем сеанс гипноза. Вы должны во всем слушаться меня, каким бы трудным вам это ни показалось. Делайте то, что я вам скажу. Моряка я спас буквально за четверть часа до смерти, в таком же точно душевном состоянии, как и у вас... Встаньте... вот так... Смотрите мне прямо в глаза... Идите... Сядьте... Так...

Они сели за стол. Молодой человек широко раздутыми ноздрями вдыхал запах мяса и, глядя прямо в глаза удивленно уставившемуся на него Брунсу, хрипло командовал:

— Режьте! Так... Кладите в рот! — Молодой человек показал пример... — Так... Жуйте!... Жуйте!... Вот так... Еще раз... — Он отрезал и со сверкающими глазами поглощал пищу. Коренастый с несчастным, как у ребенка, лицом, давась, подражал ему. — Еще раз... Хороший пример заразителен... Так было и с моряком... ешьте... жуйте! Жуйте! Смотрите мне в глаза: жуйте... ешьте... Горчицы не надо?

Больной, совершенно обалдев, смотрел на него. С помощью метода внушения и нового врача закуски в молниеносном, темпе

исчезали со стола...

В конце концов, глядя на жующего с таким аппетитом врача, Брунс и сам начал получать удовольствие от еды... Чудо, а не врач.

— А теперь налейте виски...

— Я не пью...

— Тихо! Делайте то же, что и я! Вот так! К чертовой матери... И пейте! Пейте!

Брунс опорожнил свой бокал.

— А теперь что?

— А теперь мы с вами вместе десять раз споем «Путь далёкий до Типперери...»

... Несколько позже живший в соседнем номере миссионер колотил обеими руками в стену, пытаясь прекратить этот невыносимый концерт и грозясь пожаловаться управляющему, но так ничего и не добился. Больше того, за стеной пустились в пляс да так, что начали дрожать стекла!

Глава 19

Придя в себя, синьора Релли так и не объяснила причину своего обморока.

— Со мной часто случается такое в период дождей. Не зря я еще два дня назад хотела уехать в горы.

— Но все-таки при виде кинжала вы... — начал было капитан.

— Что? Вы меня в чем-то подозреваете?...

— Об этом и речи быть не может... Мне показалось, что вы что-то вспомнили...

— Такое ужасное зрелище и такое ужасное время года... Этот карантин может стоить мне жизни, если я не смогу вовремя уехать в горы...

Капитан беспомощно посмотрел на Элдера. Инспектор взял в руки кинжал.

— Как зрелище он ничего особенного не представляет. А вот не могли бы вы нам сказать, синьора, почему он такой легкий?

— Откуда мне знать? Может быть, это игрушка...

— А что может означать эта римская двойка?...

— Может быть, цену... Элдер кивнул.

— Может быть... Хотя обычно цену обозначают арабскими цифрами. Мне кажется, что это, скорее, какой-то знак.

Вдова нервно теребила свое ожерелье...

— Не знаю, — быстро ответила она. — Полагаю, что я могу уже уйти, не так ли?...

— Я просил бы вас задержаться еще на минутку... — с улыбкой проговорил Элдер.

— Вы считаете себя вправе вести допрос? Мне казалось, что это дело капитана.

Элдер с довольным видом кивнул.

— Вы совершенно правы, синьора. Надеюсь, капитан поинтересуется, откуда вам известно, как главное управление распределило между нами обязанности?

Синьора Релли, побледнев, поднялась с места.

— Можете арестовать меня, если посмеете, но этого унижительного допроса я не потерплю!

— Мы задаем вопросы в самой вежливой форме, и мне совершенно непонятно, почему вы так нервничаете...

Синьора Релли села снова.

— Si! Можете задавать мне вопросы, капитан, но этот господин в штатском...

— Старший инспектор Элдер — известный сотрудник полиции, и я попросил его принять участие в следствии... — ответил капитан и покраснел, чувствуя, что это капитуляция с его стороны.

— Не понимаю, почему вы сердитесь на меня, синьора, — сказал Элдер. — Я отношусь к вам с безусловным уважением и ни в коем случае не собираюсь впутывать вас во что бы то ни было. Я лишь хотел бы задать несколько вопросов.

— Va bene... давайте... О кинжале мне ничего не известно и...

— Но, простите, — улыбнулся Элдер, — кто говорит о кинжале?... Мне лично хотелось бы узнать, когда умер синьор Релли?...

— Почему это вас интересует?

— Старая привычка уточнять все данные о людях.

— Мой муж умер восемь лет назад.

— Как его звали?

— Может, вас интересует и национальность?

— Упаси бог. Только имя.

— Да? Его звали Арнольдо.

— И где он похоронен?

— В Виченце... Вы можете сказать, какое все это имеет отношение к делу?

Капитан тоже бросил на Элдера недоуменный взгляд.

— Это действительно так важно, Элдер?

— Если нет, то почему синьора Релли так нервничает?

— Потому что мне не нравится, когда суют нос в мою личную жизнь. Я этого не терплю.

— Ну, тогда не буду, — спокойно ответил инспектор. — Скажите только, пожалуйста, что означает двойка на кинжале?

С дрожащими губами она вскочила с места.

— Я уже сказала, что не знаю... Это... какой-то игрушечный кинжал... Детская игрушка.

Элдер встал перед нею и посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы ошибаетесь, синьора Манзини! Это игрушка для взрослых.

Женщина впервые за весь разговор растерялась, потом она пожала плечами и уныло прошептала:

— Sì! Вам все известно... Да, я Недда Манзини... Удивленные взгляды всех присутствующих обратились к ней. Капитан потер лоб.

— Где-то я уже слыхал это имя...

— Слыхали. Оно известно было всему миру. Я была оперной певицей. Девятнадцать лет назад... Потом я ушла со сцены и уехала с одним миссионером на Борнео... А когда... он умер... — Ее глаза наполнились слезами, — я решила вернуться... Но я не хотела быть постаревшей артисткой... Вместо этого я стала играть роль молодой еще вдовы и приняла фамилию Релли... Унизительно, когда люди высказывают свое сочувствие человеку, когда-то бывшему знаменитым... Я стала синьорой Релли. Basta!... Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство...

— О, меня интересовали совсем другие вещи. Я только хотел узнать, сколько артистов сейчас в этом доме?

Маркхейт покачал головой. Куда снова метит этот хитрец?

— Почему вы спросили об этом? — нервно повернулась к Элдеру итальянка.

— Потому, — ответил Элдер, — что этот кинжал — театральный реквизит...

Молчание...

— И... что вы хотите этим сказать?

— Что мне необходимо познакомиться со всеми находящимися в этом отеле артистами, которые могли сохранить в качестве сувенира этот реквизит, — он бросил взгляд на кинжал, — которым они пользовались во втором акте оперы.

— Вы... меня... подозреваете?...

— Нет. Но, найдя кинжал из театрального реквизита, я должен знать, есть ли в этом доме и другие артисты помимо господина Линднера...

— Линднер — добросердечный и безусловно порядочный человек.

— Никто его и не подозревает. Мы лишь хотим выслушать его показания насчет кинжала. Лейтенант Седлинц попросит сейчас его прийти сюда...

— Прошу вас... умоляю... он наверняка не имеет никакого отношения к этому кинжалу...

— Успокойтесь же, синьора...

— Нет! Линднер — человек с больным сердцем и нервами, он так мнителен... Вы убьете его...

Она чуть не плакала, ломая себе руки, а полицейские не могли прийти в себя от изумления. Колдун, что ли, этот Элдер? Откуда, черт возьми, он извлекает свои сюрпризы?

— Положитесь на нашу тактичность, синьора. А сейчас, пока мы будем беседовать с господином Линднером, я попрошу вас побыть в канцелярии вместе с лейтенантом Боргеном.

— Хорошо. Да, я жалею и люблю этого большого ребенка. Поверьте мне, он не имеет ничего общего со всем этим делом, и... и... не подозревайте его... Будьте с ним поосторожнее... пожалуйста... — У нее на глазах выступили слезы. — К нему надо относиться очень бережно.

Синьра Релли вышла из комнаты вместе с лейтенантом Боргеном.

— Откуда вы все это узнали? — спросил у Элдера капитан.

— Не забывайте, что я тоже интересовался жильцами этого отеля. Лицо итальянки показалось мне знакомым, и я позвонил в их консульство. Там история этой женщины хорошо известна и, учитывая обстоятельства, они не стали делать из нее тайны... Вы действительно предлагаете мне принять участие в следствии, господин капитан?

— Гм... да. Признаюсь, мое мнение о вас изменилось... Раньше я думал, что вы обязаны своими успехами больше везению, чем знаниям.

— Чтобы чего-то добиться, нужно и то, и другое. Вошел Седлинц вместе с толстым, похожим выражением лица на ребенка, певцом. Правда, дряблые мешки под глазами и жирные складки на подбородке говорили о том, что годы дают о себе знать... Он тяжело дышал, пожелтевшие, усталые глаза свидетельствовали о бессонной ночи.

— Садитесь, господин Линднер...

— Спасибо... — Линднер, пыхтя, сел. Капитан хотел показать ему кинжал, но тот исчез со стола... Куда же это он мог деваться?

— Небольшая формальность, — улыбаясь, проговорил Элдер. — Мы провернем по очереди алиби всех жильцов. Вы, насколько я помню, стояли в холле, когда капитан зачитывал распоряжение о введении карантина?

— Да.

— Но сразу же после этого вы вышли?

— Совершенно верно. Я поднялся к себе в номер, потому что устал... и мне было неинтересно...

— Что ж, в холле действительно было скучновато. В коридоре вы никого не встретили?

— Ну... Встретил князя Сергея, и мы с ним поздоровались.

— Больше никого?

— На лестнице стояла девушка, которая тоже живет на моем этаже. По-моему, она ждала князя.

— Это была Мод Боркман... Вы прошли прямо к себе в номер?

— Нет. Меня неожиданно позвала синьора Релли...

— Но ведь синьора была внизу, в холле!

— Да, но тем временем она тоже поднялась наверх. Она ехала лифтом и поэтому обогнала меня. Она попросила меня принести ей сумочку с деньгами, которую она забыла в холле.

— И вы принесли?

— В холле я ее не нашел. Совершенно не понимаю, куда она могла деваться...

— Спасибо, — сказал Элдер. — Будем считать, что с формальностями мы покончили.

— Пожалуйста... я всегда готов помочь полиции... — Линднер тяжело поднялся с места.

— Мне бы хотелось еще мимоходом выполнить просьбу господина Вольфганга, — с улыбкой проговорил Элдер. — Его люди во время уборки нашли в мусоре вот эту безделушку, и он не знает, кому она принадлежит.

Элдер вытащил из кармана кинжал. Глуповатое лицо Линднера прояснилось.

— Это моя вещь... сувенир. Память о втором акте «Волшебного стрелка». Это была моя лучшая роль.

— Как же это кинжал оказался в мусоре?

— Может быть, упал с письменного стола. Он у меня всегда там и лежал...

— Будьте добры обратиться за ним в дирекцию отеля... Это только формальность. Сами мы не можем возвращать найденные вещи... Еще только вот что... А коричневое пятно с ковра у вас не исчезло?

Дверь из соседней комнаты распахнулась и ворвалась синьора Релли.

— Довольно!

Линднер удивленно уставился на нее.

— Я хочу дать показания.

— Но... синьора...

— Пусть господин Линднер на минутку выйдет. Не бойтесь, ничего страшного не произойдет. Я просто хочу объяснить одно недоразумение...

— Я не уйду! Я хочу знать, что происходит... Что все это значит?

Элдер закурил сигарету и сказал:

— Садитесь, господин Линднер, и вы тоже, синьора. S'accomodi...

Услышав итальянское слово, женщина с выражением легкого удивления на лице села.

— Мне кажется, самое разумное — сразу же выяснить все. Мы никого ни в чем не подозреваем, и не случится ничего страшного, если и господин Линднер услышит правду. Так что прошу вас, синьора, мы вас слушаем.

Итальянка уже заметно успокоилась.

— Когда господин капитан начал уже зачитывать распоряжение, я увидела, что Линднер направился к лестнице. Походка у него была немножко неуверенной. Мне не хотелось, чтобы он продолжал пить — день и без того обещал быть достаточно трудным. Я решила зайти к нему и села в лифт. Подойдя к его номеру, я увидела, что дверь приоткрыта. Внутри в луже крови лежал труп...

Линднер слушал ее с окаменевшим лицом.

— Это был доктор Ранке, — сказал Элдер.

— Sì! Это был он. Я знала, что все гости внизу, в холле...

— Тут вы ошибались.

— Тогда я считала, что ушел только Линднер. Ушел и, значит, алиби у него не будет, а в его комнате лежит труп. Я — хладнокровная

и сильная женщина. Годы, прожитые с миссионером на Борнео, не прошли для меня зря. Дверь в номере напротив была открыта и подперта метлой. Видимо, уборщицу вызвали прежде, чем она управилась с работой. Я схватила труп — сила у меня, как видите, есть — и быстро перенесла его в тот номер. Номер был Вангольда, а у него-то ведь есть алиби. В этот момент я услышала голоса и прижалась к стенке. Дверь распахнулась, скрыв меня от глаз стоящего на пороге. Увидев труп, этот человек захлопнул дверь и куда-то побежал. Я тоже выскочила из номера. Выдернуть из Ранке кинжал я уже не решилась. Как раз тогда я и встретила в коридоре Линднера. Я отослала его в холл... Может быть, никто и не обратит внимания, что он уходил... А сама я поспешила к себе в комнату.

— По пути вы никого не встретили?

— Ну... Мод Боркман прощалась с князем Сергеем... на лестнице...

— Для меня было очевидно, что Ранке убили не там, где он был найден... — сказал Элдер. — На полу крови почти не было, а судя по протоколу вскрытия, ее должно было быть немало. Я сразу же задал себе вопрос: куда девалась кровь?

Линднер встал.

— Господа, я должен сделать признание. Это я убил доктора Ранке!

Вдова вскочила, но капитан вмешался на сей раз достаточно энергично:

— Сядьте, синьора, здесь ведется допрос! Вы должны только отвечать на вопросы.

Теперь надо быстренько выключить Элдера из допроса. До того, как наступит развязка. В течение получаса инспектор слишком уж оттеснил всех остальных на второй план. Хо-хо! Еще посмотрим, кто будет в выигрыше.

— Ваше имя? — задал вопрос капитан.

— Энрико Линднер.

Перед Седлинцем уже появился блокнот.

— Линднер — не итальянская фамилия.

— Мой отец был австрийцем, но я родился уже в Италии. В 1886 году, в Турине...

Усталый, изнервничавшийся человек выглядел сейчас спокойным и сдержанным.

— Вы хотите признаться?

— Да, я признаюсь, что убил доктора Ранке, убил в своем номере.

— Как это произошло?

— Доктор Ранке постучался ко мне со словами, что прибыла полиция и просит всех спуститься в холл. Я отворил дверь, доктор вошел и удивился, что в номере живу я. Он считал, что это все еще номер той дамы, с которой я обменялся.

Элдер вскочил с места.

— Как?... В том номере... раньше жили не вы?...

— Нет, не я. Я жил в семьдесят втором, но швейцар попросил меня обменяться с одной дамой...

— Вы не знаете, кто она? — спросил капитан.

— Мод Боркман, — сказал Элдер.

— Продолжайте.

— Доктор спросил, не знаю ли я, куда переехала та дама, которая здесь жила. Раздраженный его резким, нетерпеливым тоном, я ответил, что не знаю. Он схватил меня за плечо и начал орать на меня. Я оттолкнул его, он бросился на меня, и тут я ударил его случайно подвернувшимся мне под руку сценическим кинжалом...

— Почему вы решили сразу же после этого спуститься в холл?

— В дверь постучали снова. На этот раз спуститься в холл требовал уже полицейский. Я боялся, что он захочет войти, и поэтому сразу же вышел, а потом постарался поскорее вернуться назад, чтобы убрать труп. Синьора Релли, однако, отослала меня найти сумочку. Когда я вернулся к себе, трупа в комнате уже не было.

— А ковер? — спросил Элдер.

— Прошу прощения? — с непонимающим видом переспросил Линднер.

— Куда девался залитый кровью ковер? Я был вчера в вашей комнате и она оказалась единственной на всем этаже, где отсутствовал ковер.

— Да... сейчас, когда вы это говорите, мне и самому странно. Ковер исчез.

— Не понимаю, какое это может иметь значение, — перебил нетерпеливо капитан.

— По-моему, большое, — ответил Элдер. — Кровь убитого куда-то исчезла, а пролилась она, насколько я понимаю, на этот ковер.

— Каким образом убийца может не знать ответа на этот вопрос? Кроме него, никто не был заинтересован в том, чтобы прятать ковер!

Элдер откинулся на спинку стула и беззвучно присвистнул...

— Ну? — нервно спросил один из полицейских.

— Ковер — самое важное во всем этом деле. — Элдер внезапно повернулся к Линднеру. — Как вы стояли по отношению друг к другу, когда ткнули врача кинжалом в живот?

— Мы стояли напротив, и я ударил его в живот... — Линднер растерянно замолчал, поняв по ошарашенным лицам, что что-то тут не так.

— Ну вот! — сказал, поднимаясь, Элдер. — Теперь все ясно. Вы выдали себя, господин Линднер! Доктор Ранке был убит ударом не в живот, а в горло.

Линднер нервно провел рукой по редющим волосам.

— Я не понял ваш вопрос... Конечно, я ударил Ранке в горло. Он стоял напротив меня, и я еще подумал, что таким игрушечным кинжалом только горло и можно пробить...

Он испуганно умолк, потому что синьора Релли захохотала, захохотала во весь голос, облегченно, радостно, от всего сердца...

Глава 20

— Синьор Элдер... *Venissimo!* Вы, действительно, и дьявол и ангел в одном лице... — воскликнула вдова и, прежде чем кто-нибудь успел ей помешать, быстро наклонилась и поцеловала руку инспектора.

— Но, синьора...

— Послушайте... — Она шагнула к Линднеру. — О, как вам не стыдно, глупый вы ребенок! Так напугать меня... Никогда бы не поверила, что вы умеете так лгать! Как вам не стыдно!

Толстый, старый ребенок с убитым видом опустил на стул.

— Это я убил его... — попытался еще пробормотать он.

— *Basta!* Вот сумасшедший! Доктор Ранке был заколот ударом в спину, а вовсе не в горло и не в живот!

— Что все это значит, Элдер?

— То, что ковер все-таки важен. Кто забрал его и куда? На ковре были пятна крови.

— Но...

— Что касается господина Линднера, я думаю — часть его показаний правдива. Доктор Ранке искал Мод Боркман, но не знал, что она уже перебралась в другой номер. Господин Линднер сказал ему, что она не живет уже здесь. И...

— И что? — спросил капитан.

— Отвечайте же, господин Линднер! — сказал Элдер. — Сейчас каждое слово имеет значение.

Певец вновь превратился в прежнее нерешительное существо.

— Я только что сказал неправду... Я думал, что вы подозреваете синьору... и решил... взять на себя...

— Глупый большой ребенок, — воскликнула вдова.

— Попрошу соблюдать тишину, — вмешался капитан. — Короче говоря, вы намерены изменить свои показания?

— Да.

— Что произошло между вами и доктором Ранке?

— Я сказал ему, что прежняя жилища перебралась отсюда, но я не знаю — куда. Тогда доктор попросил у меня разрешения позвонить из

номера. Я не стал возражать и поспешил в холл. Через несколько минут мне пришло в голову, что врач, уходя, не закроет мою комнату, а ведь там лежат все мои деньги. Я решил вернуться, но по дороге встретил синьору, вновь отославшую меня в холл за сумочкой. Когда я попал наконец в свой номер, там все было в порядке.

— Ковер был на месте?

Линднер, задумавшись, наморщил лоб...

— Не помню... Честное слово, не помню...

— Не знаю, почему для вас так важен этот ковер, — вмешался капитан. — В любом случае, на основании услышанного мною...

— Прошу прощения, что перебиваю вас, — сказал Элдер, — но мне хотелось бы попросить наших невольных гостей пройти по одному в соседнюю комнату, чтобы я мог еще раз побеседовать с ними.

— Не возражаю, я и так решил на основании услышанного мною арестовать их...

— Этого-то я и боялся, — мрачно проговорил Элдер.

— Прошу вас, господин капитан... — пролепетал Линднер.

— Замолчите, Энрико! — с силой проговорила синьора Релли. — Правда на нашей стороне, и я верю в этого инспектора. Он намного умнее, чем капитан, и постарается не допустить конфуза для полиции. Я уже все сказала. Можете делать со мной все, что вам заблагорассудится.

У капитана кровь отлила от лица.

— Боюсь, что вы разочаруетесь в инспекторе. Седлинц, Ульрик! Отведите этих господ по их комнатам. Не разрешайте им разговаривать друг с другом и поставьте часовых у дверей.

— А как Вангольд? — спросил Элдер. — Ему можно разгуливать на свободе? У него нет алиби, и вещественные улики...

— Само собою, поскольку серьезные подозрения существуют и против господина Вангольда, он тоже будет находиться под домашним арестом...

— Есть еще князь Сергей и Мод Боркман, — продолжал безжалостно Элдер. — Многие свидетели видели их в коридоре, а алиби и у них нет!

Капитан оторопел. Теперь ему было ясно, что его снова поймали в ловушку.

— Мы допросим их, — ответил он решительно, — и, если нужно, арестуем. По закону любой подозреваемый может быть подвергнут аресту на двадцать четыре часа...

— ...Если это нужно, чтобы помешать им скрыться. Но ведь отсюда и муха не улетит незамеченной.

— Ошибаетесь! Миссис Вилльерс и след простыл. Можете увести их, Седлинц.

— Bravo, инспектор! — воскликнула синьора Релли выходя.

— Господин инспектор! — строго проговорил капитан. — В ходе следствия вам удалось получить сведения, которые вы сохраняли в тайне, а потом использовали для создания театральных эффектов. Готов признать ваши выдающиеся способности, но такое поведение — явное нарушение дисциплины.

— Вы с самого начала попросили меня не вмешиваться в ход следствия. Сейчас я сделал это только для того, чтобы уберечь полицию от крайне неприятного скандала.

— Какого еще скандала?

— Сейчас под арестом находятся три человека. На том же основании необходимо арестовать еще двоих. Итого пять. Пятеро влиятельных людей, из которых преступником, в самом лучшем случае, может быть лишь кто-то один, остальные четверо будут потом жаловаться, подымут шум в прессе... И по праву.

— Каких еще двоих вы имеете в виду?

— Князя Сергея и Мод Боркман.

— Мы допросим и их. Сейчас я пошлю за ними. Маркхейт встал.

— Я не хочу вмешиваться в работу полиции, но, по-моему, Элдер хочет вам только добра. Нет смысла провоцировать неприятности, пока у нас нет еще никакой уверенности.

— Пока мы не знаем, куда девалась миссис Вилльерс, необходимо держать под арестом всех подозреваемых. К сожалению, введение карантина не дало нам достаточных гарантий... — добавил он, направляя шпильку в адрес Маркхейта.

— С этим приходится согласиться, — сказал со вздохом Элдер. — Хотя, на мой взгляд, миссис Вилльерс не покинула этот отель...

— С чего вы это решили?!

— Она не стала бы рисковать, пытаясь тайком передать письмо, если бы могла спокойно вынести его сама.

— Согласен! Мы сегодня же еще раз обыщем весь отель, каждую комнату, каждый закоулок.

Князь пришел вместе с Мод. Он был уже одет к обеду: в смокинге и белых перчатках.

— Господа, синьора Релли и господин Линднер видели вас в коридоре неподалеку от того места, где произошло убийство, и примерно в то же время, когда оно случилось.

— В коридоре... да... я шел по нему с мисс Боркман.

— Вы не заметили ничего подозрительного? Князь, помедлив, ответил:

— Я услышал какой-то шум из семидесятого номера, где живет Вангольд. Я знал, что он внизу, в ресторане...

— И что?

— И я, оставив Мод на минутку на лестнице, вернулся, чтобы узнать... — он замялся.

— И заглянули в комнату, — сказал Элдер.

— Да... — Князь снова умолк.

— Что вы увидели там? Князь очень тихо ответил:

— Увидел лежавшего на полу седого мужчину... Он был заколот.

— Это подтверждает показания синьоры Релли, — кивнул Элдер. — Кто-то заглянул в дверь после того, как она перенесла труп Ранке в семидесятый номер.

Капитан постучал ручкой по столу.

— Допрос веду я.

— Прошу прощения.

— Что вы сделали после этого? И руки, и голос князя дрожали.

— Я сказал... я сказала мисс Боркман, чтобы она вернулась в номер... я тоже вернулся к себе... Чтобы не быть ни в чем замешанным... Можно попросить немного воды?...

— Пожалуйста... — Один из полицейских услужливо наполнил стакан.

— Спасибо...

— Вы встретили кого-нибудь? — спросил капитан.

— По коридору проходил господин Линднер.

— Ну, а потом?

— Я подождал, пока мисс Боркман уйдет к себе, и тоже вернулся...

Мод, побледнев, смотрела на все больше и больше запутывающегося князя.

— Будьте добры подождать немного в соседней комнате — сказал капитан и жестом показал Седлинцу, чтобы он проводил князя.

Старик бросил с порога озабоченный взгляд на Мод.

— Все будет в порядке, — сказала девушка. Князь вышел, опустив голову.

— Мод Боркман?

— Да.

— Без определенных занятий?

— Почему же? Я — ассистентка профессора Декера. Маркхейг удивленно приподнялся с места.

— Что?!

Почему это вас так удивило?

— Но ведь... разве вы не знаете... что человек, умирающий от бубонной чумы, и есть профессор Декер?! Воды... скорее... коньяку... положите ее сюда на диван.

Слова Маркхейта словно громом поразили Мод, и она без чувств повалилась на пол.

Глава 21

Капитан с забавным выражением беспомощности на лице почесал себе затылок.

— Черт его знает...

— Вам лучше? — спросил Маркхейт у девушки.

— Да...

Она приподнялась и медленно опустила ноги на пол.

— Что... что с профессором?

— Бубонная чума... Надежды почти не осталось. Он все время без сознания, сильная горячка и типичные признаки сепсиса. Лимфатические узлы распухли... одним словом... медицина тут беспомощна... Все, что мы можем сделать, это давать ему болеутоляющие...

— Никакой надежды?...

— Ну... Бубонная чума, что ни говорите... Очень жаль, одним словом, потому что это большой ученый...

— Чем вы объясняете, мисс Боркман, — спросил капитан, — то, что шеф не сообщил вам, что тоже собирается приехать сюда? У вас были неважные отношения?

— Нет. Профессор очень хорошо относился ко мне и... Она умолкла.

— Может быть, я могу объяснить это, — сказал Маркхейт. — Мне удалось несколько минут поговорить с больным. Он приехал сюда инкогнито. Хотел, не вмешивая в это дело полицию, перехватить здесь одного из своих сотрудников, обманувшего его доверие... — Маркхейт выразительно посмотрел на Мод.

— Вам что-нибудь известно об этом? — спросил у Мод капитан.

— Нет. Во всяком случае речь не могла идти обо мне.

— А что вы знаете о преступлении, совершенном в семидесятом номере?

— Многое!

— Расскажите, пожалуйста. Мод спокойно ответила:

— Это я убила доктора Ранке.

Глава 22

После мгновенья мертвой тишины капитан так стукнул кулаком по столу, что подскочила чернильница.

— Черт бы побрал...

— Не понимаю вас... — удивилась девушка. — Я хочу признаться во всем. Доктор Ранке в 11 часов вечера накануне убийства — он ведь уже тогда был у больного, но только на следующий день констатировал чуму — прислал мне письмо. Вот оно.

Капитан прочел вслух протянутое ему письмо. Вот что стояло в нем:

«Многократный убийца Боркман и его дочь могут ждать пощады лишь от меня. В три часа ночи выйдите в холл и принесите с собою записи. Д-р Р.»

— О каких записях идет речь?

— Я не знаю...

— Кто этот «убийца Боркман»?

— Мой отец.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Когда начались репрессии, он бежал из Москвы. Мы с матерью тоже бежали и поселились в Батавии, воспользовавшись покровительством и гостеприимством князя Сергея.

— Что хотел от вас Ранке?

— Шантажировать меня. Я пошла на ночную встречу с ним. Он сказал, что скроет ото всех мое происхождение и то, что я — дочь убийцы, если я добуду для него у князя десять тысяч гульденов.

— И что же?

— Он дал мне срок до следующего дня.

— Что произошло на следующий день в коридоре, где вас видели вместе с князем примерно в то же время, когда произошло убийство?

— Князь пошел к себе в номер за перчатками — он всегда надевает их к обеду. Как раз в это время из номера господина Линднера вышел доктор Ранке, увидел меня и, пригласив и комнату, начал требовать денег. Я заметила небольшой кинжал, лежавший на столе, схватила его, ударила доктора в спину и поспешила вдогонку за

князем. Он удивился, увидев, что я жду его у дверей, но ничего не сказал. Мы снова вышли в коридор к семидесятому номеру. Уже на лестнице князь сказал мне, что на минутку покинет меня, а затем пришел и попросил меня вернуться в мой номер.

— На основании сделанного вами признания я должен арестовать вас.

— Разумеется. Я бы только хотела, чтобы вы разрешили мне ухаживать за профессором Декером. Ведь все равно, где держать меня под арестом...

— Я не могу разрешить это...

В комнату вбежал полицейский.

— Прошу прощения, господин капитан!... Князь заявил, что желает сделать признание... Это он убил доктора Ранке...

На мгновение капитану почудилось, что он сходит с ума.

Глава 23

— Это неправда, — сказала Мод. — Князь думает, что может спасти меня, взяв на себя вину. В это мгновение вошел князь.

— Оставь, Мод... — сказал он тихо. — Я убил доктора Ранке еще прежде, чем постучал к тебе. Он стоял у телефона в номере Линднера, дверь была приоткрыта. Я услышал, как он просит соединить его с семьдесят вторым номером. Меня охватила ярость. Я вырвал трубку у него из рук, начал что-то говорить, но он только рассмеялся и повернулся, чтобы уйти. Моя рука нащупала случайно кинжал... я схватил его и...

— Неправда! — крикнула Мод.

— Не надо пытаться спасти меня. Это сделал я. Можете меня арестовать.

Элдер сидел, не вмешиваясь, и делал какие-то заметки в своем блокноте. Капитан по временам обменивался с ним взглядом.

Наконец капитан кивнул Седлинцу и повернулся к допрашиваемым.

— Я принял к сведению все услышанное. Сейчас я прошу вас вернуться в свои комнаты и впредь до дальнейших распоряжений находиться там.

После того как Седлинец вышел вместе с князем и Мод, капитан повернулся к Элдери.

— Чертова история. Такого со мной еще не бывало. Три кандидата на одно убийство.

— Четыре. Ведь окровавленная салфетка была в кармане у Вангольда.

Капитан опустил глаза, разглядывая свои ногти.

— Гм... По-моему, вы что-то записывали, — сказал он наконец совсем тихо.

— Да... Несколько основных моментов этого дела.

— Серьезно? Кто же, по-вашему, наиболее подозрителен?

— Тот кто унес ковер.

— Но почему?

— Потому что он ушел из номера самым последним, а значит, прятался там, когда вошел первый подозреваемый, и, увидев, что труп забрали, ушел, унося с собою ковер.

— Этот человек не может быть князем, Линднером, мисс Боркман или синьорой Релли?

— Нет. Все они встречались друг с другом сразу после убийства. Ковра ни у кого из них не было.

— Самая подозрительная — эта итальянка!

— Все одинаковы, — сказал Элдер. — У каждого из них нет алиби на несколько минут как раз около времени убийства.

Маркхейт встал.

— Я иду обедать. Хотел бы только еще услышать, что вы-то, Элдер, думаете обо всем этом деле?

— Немного застопорилось. На мой взгляд, лучше было бы разрешить нашим подозреваемым свободно разгуливать по дому и понаблюдать за ними.

— До тех пор, пока мы не знаем, куда девалась миссис Вилльерс, я не могу согласиться на это, — коротко ответил капитан.

— Во всяком случае, господин капитан, разрешите мне поискать ковер.

— Каким образом?

— Общем все комнаты без исключения. Речь идет о ковре размером два на три метра. Он может быть спрятан только где-нибудь в шкафу или под кроватью. Там, где ковер, там и убийца.

— Не возражаю. Можете осмотреть комнаты.

— Это может оказаться полезным, даже и невзирая на ковер, — сказал Элдер и вышел.

Глава 24

Молодой человек проснулся. Его не удивило ни то, что он спал в ванне, ни то, что он совершенно голый, если не считать надетого на голову тропического шлема. Такие вещи последнее время были, так сказать, в порядке дня. Поразился он тому, что вода, хлещущая из крана, давно уже переполнила ванну и слоем в несколько миллиметров залила пол.

Где он?

Постепенно в голове у него начинало проясняться... Ли Синг... Брунс... доктор Рейли и цветки мимозы...

Он закрутил кран. Из соседней комнаты доносился храп. Надо уходить... надо уходить... Ни в коем случае нельзя задерживаться здесь. Он бросил мрачный взгляд на свой халат, мокнувший на дне ванны в компании с несколькими кусками ветчины и вылез из воды. Брунс спал в соседней комнате, улегшись прямо на полу между диваном и столом и прислонив голову к перевернутому креслу. Уже начинало смеркаться, наступал вечер...

Молодой человек поспешил к гардеробу. Никакие соображения нравственного порядка его сейчас не смущали, он чувствовал себя загнанным зверем. Если его схватят, останется только покончить с собой. Не говоря ни о чем другом, у них будут все доказательства, уличающие его в убийстве.

Он начал лихорадочно рыться в одежде. Искал он что-нибудь похуже и наконец вытащил мешковатый летний костюм.

Но тут наступило горькое разочарование. Его приземистый хозяин был ниже на добрых полметра. Рукава по локоть, брюки едва доходили до колен... Он продолжал отчаянно искать. Сейчас этот ненормальный проснется, и тогда всему конец. Первое, о чем он спросит: чем занимается голышом в его комнате этот странный врач?

Он начал выдвигать один за другим ящики. Куча писем. В одном из ящиков громадного комода — ковер. Два на три метра, но цвета ржавчины. Не пойдет... Он выдвинул следующий ящик комода...

В нем было добрых два десятка самых разнообразных пистолетов и ручная граната. Что за чертовщина? Автоматический пистолет и тут

же старый шестизарядный «бульдог»... Н-да! Любопытный пациент. Он выдвинул еще один ящик.

Час от часу не легче.

Ручной пулемет. Не совсем обычное содержимое комода в этом номере «Гранд-отеля». Ковер и ручной пулемет. И так уж, совсем мимоходом, — противогаз.

Однако никакой одежды! Отчаянное положение! На кой черт ему весь этот арсенал? Сплошные загадки. Молодой человек вернулся в ванную и отворил окно.

Из открытого окна напротив доносились голоса. Кто-то сердито говорил:

— Я не виноват, что застрял здесь. А работать меня никто не имеет права заставлять!

— Ошибаетесь, господин Хеккер! Пока здесь карантин, работать обязаны все, — строго ответил другой голос. Он принадлежал управляющему Вольфгангу.

— Хорошо! Но тогда пусть работает и губернатор Шиллинг! А я слонялся перед «Грандом» не для того, чтобы искать работу!

— Вот так-так! Прошу прощения, но вам должно быть известно, что у нас слишком мало персонала, чтобы обслуживать такое количество гостей, и власти разрешили нам использовать в качестве вспомогательной силы тех, кто на время карантина содержится здесь за счет казначейства.

— Я работать не буду, — ответил Хеккер.

— И правильно, — поддержал его старый продавец газет. — Нас здесь задержали...

— Заткнитесь, — оборвал его Вольфганг. — А что касается дармовой кормежки, то тем, кто не захочет работать, она будет основательно урезана. Зарубите это себе на носу!

— Тогда я подам на вас в суд! — воскликнул Хеккер. — Нас и без того поселили по двое в одной комнате, а это во время эпидемии не допускается!

— А если... мы согласимся платить вам за работу?

— Меня вам подкупить не удастся.

— Так. Тогда примите к сведению, что, если вы не будете работать, мы не станем вас кормить.

— Попробуйте только! Я сам раздобуду себе пропитание! И ошибаетесь, если думаете, что меня потом обвинят в воровстве. В такой ситуации я просто вынужден пойти на это. Мой сосед засвидетельствует это. И Лидия, которую вы обрекли на принудительную работу, тоже.

— Вы бы лучше взяли с нее пример! Она ежедневно получает от двух до трех гульденов одних чаевых.

— Я собираюсь не зарабатывать, а отдыхать.

— Отлично, — сказал Вольфганг. — Если вы не возьметесь за ум и не явитесь немедленно к старшему по этажу — Мартину, будете получать только пустую похлебку и хлеб...

— Чудесно, я как раз хотел немного похудеть!

Старый продавец газет, не слишком прислушиваясь к разговору, занимался тем, что погрузился в чтение своих запасов. Там были и газеты, и иллюстрированные журналы — словом, как раз то, что нужно.

— А насчет развлечений, то читать вы сможете только днём, потому что я отключу у вас свет.

— На это вы не имеете права, — возмутился Хеккер.

— Совершенно верно! Никакого права, — тоном опытного юриста подтвердил газетчик.

Вольфганг, однако, уже вышел.

— Вот подлец! Хочет эксплуатировать нас, раз уж мы тут очутились, — фыркнул Хеккер.

— Лидия подвела нас. Типичная алкоголичка, сразу видно, и, конечно, согласилась пойти в горничные...

Бум! Свет в комнатке погас. Похоже, что Вольфганг выполнил-таки свою первую угрозу. Хеккер выругался.

— Черт побери! Сейчас семь часов, а я никогда не могу уснуть раньше десяти. Эта свинья считает, что таким способом сможет принудить нас.

— Ну, развлекаться мы все-равно будем, — ответил старик, начиная наигрывать на шарманке. — Это и в темноте можно...

— Хотел бы я уметь дрыхнуть весь день, как этот стервец. — Он показал на угол комнаты, где храпел торговавший сувенирами малаец. — Его-то работать не зовут...

— Потому что цветной, — сказал старик и вновь заиграл на шарманке. — Их в официанты не берут, разве что в бои...

Некоторое время слышно было одну шарманку.

— Слушай... Там, напротив, толстяк наверняка ушел в ресторан... По-моему, не вредно притащить из его комнаты немного выпивки и сигарет... Чтобы и нам было повеселей...

— Идея недурна... Если попадется малость денег, тоже не оставляй.

Снова только шарманка.

Хеккер выбрался в окно и через мгновение уже скользнул в окно ванной напротив.

Лужа! Черт... Что это — плавал, что ли, кто-то в этой комнате? Он сделал еще несколько шагов и включил свет.

И остановился, словно пораженный громом! Напротив стоял совершенно голый мужчина в противогазе и с ручным пулеметом в руках. Хеккер не в силах был оторвать от него взгляд или произнести хоть звук. Ствол пулемета качнулся. Хеккер, опомнившись, схватил его рукой, но в тот же момент могучий удар кулаком в челюсть послал его в нокаут и он, подняв фонтан брызг, свалился в ванну...

Старик продолжал играть на шарманке. Минут через десять какая-то тень с легким шумом скользнула в окно.

«Ага! Хеккер, этот отчаянный безработный, наконец-то вернулся», — подумал старик, который не мог, конечно, в темноте увидеть, что единственной одеждой появившегося в окне господина служит противогаз.

— Что принес? — спросил старик у направившейся к платяевому шкафу тени.

— Тс-с... — прозвучало в ответ.

«Что — то неладно, — подумал старый продавец газет и молча продолжал играть на шарманке. Потом разберемся, почему сейчас нельзя разговаривать...» Тем временем вошедший вроде бы начал раздеваться. Стукнул упавший на пол ботинок...

Еще минут через пять скрипнула дверь. Смывается! Уж не натворил ли он там какой-нибудь беды? Куда это он? Встревоженный старик еще с большим усердием закрутил шарманку.

Через десять минут перед Мартином появился молодой человек. Это был Феликс.

— Директор велел, чтобы я поработал у вас.

— Это вы тот самый докер?

— Я.

— Что это на вас за наряд?!

Феликс оглядел себя. На нем была куртка с золотыми пуговицами — из тех, какие носят лакеи и официанты. Это куда ни шло. Но к ней были одеты до невозможности замызганные брюки из мешковины — часть костюма малайского торговца сувенирами. Что поделаешь? Одеваться пришлось в темноте.

— А на ногах?

Феликс опустил взгляд. Что это?... На мгновение у него закружилась голова!... На нем были белые теннисные туфли со знакомым коричневым пятном.

Глава 25

— Прошу прощения... Господин управляющий выключил свет, и мне пришлось одеваться в темноте... — про говорил он, когда к нему наконец вернулся дар речи.

— Ну, ладно... пойдете вон туда, рядом с лестницей, в девяностую комнату. Попозже я пришлю вам другие брюки.

Если на доске загорится какой-нибудь номер, отправитесь к гостю и выясните, что ему нужно. Заказы передавайте по телефону в ресторан. Если не будете знать, как поступить, можете позвонить на пятый этаж: там работает опытный персонал.

Феликс отправился в указанную комнату, уселся поудобнее и закурил. У него хватило присутствия духа сунуть сигареты в противогаз, прежде чем полезть в окно. Сигареты были с позолоченным ободком и надписью «Брунс». Ага, этот парень, как часто делают богатые люди, сам набивает гильзы своей любимой смесью.

На доске вспыхнул номер. Шестидесятый. Он направился туда. Дверь отворил совсем молодой, миловидный мужчина.

— Не могли бы вы сказать... где здесь можно постирать рубашки?! Просто ужас, как они выглядят.

— Прошу прощения, я здесь человек новый, но полагаю, что в отеле есть прачечная.

— Распорядитесь, чтобы оттуда прислали кого-нибудь ко мне. Меня зовут Эрих Крамарц.

— Слушаюсь.

Феликс позвонил в ресторан, но старший официант отказался принять такой заказ шестидесятого номера.

— Мы прачками не распоряжаемся.

— Ну, пришлите уборщицу. Мне-то какое дело.

— Ладно, передам в хозяйственную часть.

— А по мне хоть... — ответил новоиспеченный служащий и повесил трубку.

Сейчас ему хотелось повидать Мод. Теперь, когда его положение в отеле стало чуть надежнее, он сразу же подумал о ней. Что-то с ней

неладно, очень неладно... Загадка теннисных туфель во многом прояснялась. Письмо принес человек именно в этих туфлях, это точно. У пятна достаточно характерная форма. Чьи они могут быть? Только малайца, потому что Хеккер и продавец газет были в ботинках. Стало быть, письмо принес от кого-то малаец. А во время вскрытия он мог подавать инструменты или что-нибудь еще в этом роде. Там ведь нужны не только врачи, но и обслуживающий персонал. Сразу тогда он об этом не подумал.

Он свернул в коридор, ведущий к семидесятому номеру...

И быстро отскочил назад...

По коридору осторожно шел малаец. Он был в довольно аккуратном пиджаке, но босиком и в кричащих, синих в красную клетку пижамных брюках. Словно змея, он скользнул к двери Мод, наклонился, сунул в щель конверт и поспешил дальше. Конверт наполовину торчал из двери, но через несколько мгновений исчез. Девушка приняла письмо!

Немедленно туда!

В этот момент на этаже погас свет. Откуда-то послышался голос дежурного полицейского:

— Алло! Что там у вас: короткое замыкание? Феликс чувствовал, что внезапная темнота как-то связана с появлением посланца-малайца.

Он быстро подошел к двери девушки и негромко постучал. Дверь приоткрылась. Он хотел войти, но наткнулся на вытянутую руку Мод. Что-то сунув ему, она прошептала:

— Ради бога, уходите... Уходите. И будьте прокляты, сатана...

Он инстинктивно взял протянутый ему предмет... Что-то вроде тетради. Послышались приближающиеся шаги... Хлопанье дверей... Он столкнулся с кем-то, и сильная рука сжала его плечо...

— Это кто еще?!...

— Рассыльный... Что вам угодно?

Тень направилась к двери Мод. Феликс, сам не зная, почему, толкнул ее в грудь так, что она покачнулась, и сразу же бросился прочь, потому что приближались голоса... Шаги ног, обутых в тяжелые сапоги...

Вбежав в свою служебную комнатку, он включил свет.

У него в руках была синяя тетрадь с подписью на обложке:

ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ БАНАНОКСИДА

профессор Рихард ДЕКЕР

Где — то бегали полицейские, раздавался стук, но постепенно все успокоилось. Ничего страшного не произошло. В комнатку к молодому человеку вошел Мартин.

— Ну? Что там было?

— Погас свет.

— Это не страшно. Больше ничего?

— Ничего. Один из гостей сделал заказ, но ресторан его, наверное, уже обслужил.

— Тогда можешь завалиться спать. Я переключу щит на сигнал звонком. И сам тоже пойду спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мартин вышел. Феликс раскрыл тетрадь.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА БАНАНОКСИДА

Это было заглавие раздела. Гм... Эта тетрадка явно играет какую-то важную роль во всем деле. Смешная случайность. Малаец наверняка передал записку, в которой было сказано, что кто-то явится за тетрадью. Между тем в дверь постучал он — Феликс. Девушка отдала тетрадь, заодно прокляв его. Тот, кто должен был в действительности прийти за тетрадью, остановил его у двери, заподозрив, что что-то неладно, но приближались полицейские и ему пришлось бежать.

Свет снова погас.

Что это значит? Кто-то бесшумно проскользнул в комнату не замеченный им и выключил свет. Феликс спокойно сунул тетрадку в карман. Он подозревал, что дело именно в ней.

— Кто это?

В ответ раздался шепот:

— Отдай тетрадь, которую ты держишь в руках.

— Должен обратить ваше внимание на то, что я человек не нервный. С кем имею честь?

— Я Петер Боркман.

Феликс вздрогнул. Боркман... Но ведь и Мод тоже...

— Ну? — с угрожающим холодком прошептал голос — Так как?

— Это так срочно? Может, немного побеседуем?

— О чем?

— Вы — родственник Мод?

— Я ее отец.

Ну и история.

— Вы отдаете себе отчет, — спросил молодой человек, — в каком положении окажется девушка, если отдаст секретные записки своего шефа?

— Ничего с ней не станется. Сбежит потом куда-нибудь. За промышленный шпионаж не выдают, так что этим вы меня не испугаете. Сами-то вы кто?

— Рассыльный в отеле. Из тех, которые очень близко к сердцу принимают дела гостей.

Что — то блеснуло в темноте.

— У меня в руке заряженный револьвер, — сказал Боркман. — Если немедленно не отдадите мне тетрадь, я просто застрелю вас и делу конец.

Отдать? Отец Мод вполне может оказаться мерзавцем, который не остановится перед тем, чтобы погубить девушку. Этому необходимо помешать.

— Что ж, берите, — сказал Феликс.

Вошедший не мог в темноте увидеть, куда ему потянуться за тетрадью и, выставив вперед руку с револьвером, сделал шаг вперед. В этот момент молодой человек перевернул стоявший между ними столик и отпрыгнул в сторону. Боркман рванулся назад и, наткнувшись на подставленную ногу, растянулся на полу...

Он не выстрелил — все равно было непонятно, куда стрелять. Вскочив на ноги, он получил удар кулаком в лицо и вслепую нанес ответный удар, который пришелся по воздуху.

Хлопнула дверь, и послышался звук поворачиваемого ключа. Боркман остался запертым в темной комнате.

Метра на два ниже окна комнаты была застекленная крыша ресторана. Загадочный посетитель, завернувшись в покрывало, начал осторожно спускаться.

Глава 26

Молодой человек выскочил в коридор. Куда теперь? После темноты яркий свет слепил глаза. Он решил, что пойдет к Мод. Но едва успел сделать один шаг, как внезапно, словно выскочив из-под земли, на него кто-то бросился сбоку. Сверкнуло лезвие кинжала. Защищаться от удара было уже поздно, он лишь отклонился в сторону, и кинжал, вместо того, чтобы вонзиться в горло, попал в плечо, скользнул вниз и, основательно распоров кожу, не нанес глубокой раны. Феликс схватил нападавшего за запястье и...

У него перехватило дыхание от изумления... князь Сергей!

— Вы...

Кинжал упал на пол. Князь испуганно взглянул на него.

— Да... Я решил, что убью... — он почти задышался. — Вам не удастся погубить Мод... Я... убью вас, если это вы забрали... ту тетрадь...

Молодой человек извлек из кармана тетрадь и взглянул в сторону двери, из которой появился князь.

— Прежде всего зайдем туда. Мне надо поговорить с вами, князь, только не нервничайте так, как сейчас — Он взял князя за плечо и подтолкнул вперед.

Князь Сергей топтался на месте, с испугом глядя на Феликса.

— Куда вы хотите идти?

— К Мод...

— Нет!

Безусловно, то, что сделал Феликс, было крайне непочтительным, если учесть, что речь шла о пожилом аристократе. Он схватил князя за шиворот и потащил за собой. Постучавшись в дверь девушки, он, не дожидаясь ответа, втолкнул туда князя, вошел сам и запер дверь. Мод сидела, полуодетая, за столом и что-то писала. При виде их она испуганно вскочила.

— Скорее дайте бинт, — сказал Феликс. — Он меня не зарезал.

Князь упал в кресло и закрыл лицо руками. Слышно было только его тяжелое, прерывистое дыхание. Мод с удивительным

самообладанием, не задавая никаких вопросов, подошла к шкафу и вытащила оттуда бинт.

— Постарайтесь осторожнее, — сказал молодой человек, — чтобы кровь случайно не капнула на пол. В этом отеле неизвестно, к каким осложнениям это может привести.

Он сбросил куртку и расстегнул рубашку.

Мод до сих пор не произнесла ни единого слова. Видно было, что она предельно собрана.

Растворив в воде какую-то таблетку, она продезинфицировала рану и перевязала ее. Затем аккуратно убрала все, не оставив даже малейших следов.

— Выключите свет, — сказал молодой человек, — дежурный полицейский прохаживается снаружи и может обратить внимание.

Девушка погасила свет и спросила:

— Где вы встретились с князем?

— Только что в коридоре. Я попросил его зайти вместе со мной сюда, а он не захотел. Пришлось применить силу.

...Зловредные, пахнущие плесенью, сырые испарения дождливого сезона сгущались в комнате. Безустанный дождь стучал за окном, назойливо гудел москит. В комнату врвался тяжелый, удушливый запах тропических растений.

— Кто же вы, в конце концов? — спросила девушка.

Что ей ответить? Он был уже миссионером, врачом и рассыльным. Кем еще будет? Он закурил сигарету Брунса.

— Будьте осторожны, Мод, — проговорил вдруг князь. — Это он забрал заметки.

— Что?... — Девушка вскочила с места. — Вы... вы человек Боркмана?

— Спокойно, давайте-ка разберемся во всем. Тетрадь у меня, но я вовсе не человек Боркмана. Я видел, как какой-то ужасно ободранный посыльный сунул письмо вам под дверь. Потом я постучался, потому что хотел переговорить с вами, но вы, вместо этого, сунули мне тетрадь, наскоро прокляли и захлопнули дверь. Тут же появился какой-то господин, от которого мне с трудом удалось отделаться. Чуть позже он же пытался меня застрелить, потому что я не отдавал ему тетрадь.

— Где... где сейчас... этот человек?

— Я запер его в комнате номер девяносто.

Девушка подошла к двери и остановилась, прислушиваясь.

— Посидите тихонько, — прошептала она и выскользнула наружу.

— Изумительная девушка, — сказал молодой человек. — Что за характер!

— Господи... — прошептал князь. — И из-за меня... Ведь все это из-за меня...

— Если вы не сочтете мой вопрос слишком бестактным, князь, то скажите: что связывает вас с мисс Боркман?

Молчание. Только дождь, не переставая, стучал за окном. Две сигареты еле заметно светились напротив друг друга. Потом послышался еле слышный ответ князя:

— Она — моя дочь...

Глава 27

...Мод вернулась.

— Он выбрался в окно. Вы ранили его?

— Нет. У него был револьвер. Я рад, что сам улизнул целым в коридор.

— Отдайте тетрадь.

— И не подумайте. Вы же, наверняка, отдадите ее этому мерзавцу.

— Я должна это сделать!

— Черт побери... Прошу прощения, но я вне себя... Эта тетрадь принадлежит профессору Декеру, не исключено, что он уже разыскивает ее.

— Не разыскивает и не будет разыскивать. Быть может, его уже нет в живых... — со вздохом ответила девушка.

— Не смейте так говорить.

— Профессор Декер и есть тот больной чумой, из-за которого установлен карантин.

Молодой человек присвистнул.

— Добрый, замечательный человек, — продолжала девушка. — Разумеется, он поехал вслед за мною, потому что не хотел обращаться в полицию. От него доктор Ранке и узнал, что записи у меня.

— Это тот врач, которого я убил? — спросил с любопытством молодой человек.

— Глупости! Теперь-то я уже знаю, что его убили не вы. Зачем вам нужна была эта ложь?

— Видел, что вам очень хотелось, чтобы это было правдой... — чистосердечно признался он. — Вы ведь думали, что его убил князь. Потому и унесли с собой улику: кинжал.

— Да... Но теперь это уже не имеет значения. Ранке занялся шантажом и кто-то убил его. Скорее всего — Боркман.

Если он немедленно не получит тетрадь, многие люди будут в опасности... От него не приходится ожидать жалости...

— Если вы хотите, чтобы я отдал тетрадь этому мерзавцу, вам придется откровенно рассказать обо всем.

— Вы... вы... из полиции или частный детектив?

— Частный, — безо всяких колебаний ответил молодой человек, так что вы можете спокойно довериться мне, если только честно ответите на все мои вопросы.

— Быть может, вы и сейчас лжете?

— Я на все способен, — мрачно ответил молодой человек, — но, даю слово, я отдал бы не один год моей жизни, чтобы иметь возможность помочь вам.

Наступило долгое молчание. Жара, сырость, волнение обволакивали их, словно удушливое покрывало.

— Я все расскажу вам, — начала Мод. — Приходится. Мы в ваших руках. А судьба нескольких людей, не считая нас, зависит от того, отдадите ли вы эту тетрадь Боркману.

Начинало светать. Точно в четыре утра, словно по часам, дождь прекратился. Лил он с трех часов дня до самого рассвета. Под действием тропической жары массы воды испарялись, превращая остров в подобие огромной прачечной, погруженной в малярийный, тифозный, ревматический туман.

— Рассказывать буду я, — вмешался князь. — Видите ли... вы согласны, Мод?... Кроме меня, никто этого не сможет сделать...

Вместо шума дождя тишину теперь нарушал пронзительный крик попугаев, а за окном в предрассветных сумерках начали вырисовываться очертания крон пальм.

— Я родился в семье русского офицера. Мой отец, генерал Сергей Миленко, погиб, сражаясь на стороне адмирала Колчака. Я и сам пытался бежать от революции, но мне никак не удавалось перебраться через границу. Я скрывался в Москве. В конце концов мне удалось на черном рынке, торговавшем, помимо всего прочего, и паспортами, купить нужные документы. В них стояло имя Петера Боркмана. Тогда я услышал его в первый раз. Моя жена, ребенок и несколько родственников еще в первые дни революции выехали в Париж, прихватив все, что удалось спасти из моего состояния. Теперь, с документами Боркмана, я мог надеяться перебраться к ним. Этого не случилось, потому что я встретил Анну Мирскую и влюбился в нее. Она была молодой студенткой университета — революционеркой. Во время своих скитаний я познакомился с нею, назвавшись Боркманом и, естественно, умолчав о своем настоящем имени. Мой первый брак не был счастливым. Мы с женою уважали друг друга и очень любили

нашего сына, но это было единственное, что нас связывало. Конечно, это не оправдывает того, что я сделал. Двоеженство... большой и тяжкий грех, но меня толкнули на него страсть и неудачный первый брак. Я женился на Анне... Мы поселились вдалеке от больших событий — в Сибири, в Ачинске. У нас родились два ребенка — Мод и Петер. Девять лет мы прожили, тяжело работая, но счастливые. Старая барская страсть к охоте пригодилась мне: я стал добывать пушнину. Анна знала уже мою тайну, поняла и простила меня. Она давно уже не была революционеркой, а просто женой и матерью, да и я не тосковал за княжеской жизнью. Я был просто счастлив. Однажды меня разыскал начальник местной милиции. Человек этот был моим ближайшим другом, но сейчас голос его звучал холодно. Он сообщил мне, что есть приказ о розыске некоего Петера Боркмана — крупного преступника, совершившего во время и после революции немало грабежей и убийств. Список его преступлений был просто чудовищен. Начальник милиции сказал, что даст мне день, чтобы скрыться, но я должен поспешить. Представляете мое положение? Защититься от обвинения я мог, только признавшись, что я — князь Сергей, бывший казачий ротмистр. Сын белого генерала. Это верная смерть, как Боркмана меня немедленно расстреляют...

Надо было бежать. Я направился в Китай. Моя жена заболела и не могла перейти границу. Я оставил ее с детьми в Хабаровске, а сам двинулся дальше. Мы договорились, что я буду ждать их в Шанхае. В Шанхае, однако, я в первый же день попал в больницу с тифом. Несколько недель был на грани жизни и смерти. Врач — тоже из русских эмигрантов — узнал меня и немедленно телеграфировал в Париж. Когда я пришел в себя, рядом со мной уже были моя первая жена, сын и брат... Они нашли, наконец, меня. Бежать? Невозможно. Если бы сейчас раскрылось, что князь Сергей оказался двоеженцем, я разрушил бы обе семьи. Мне не оставалось ничего другого, как написать обо всем Анне и уехать с моей семьей в Париж. Анна была разумной женщиной и все поняла. Ради наших детей она примирилась со всем.

Тяжело дыша, он умолк на несколько секунд. В свете рождающегося дня сверкали бесчисленные дождевые капельки, а крупные, яркие цветы хибискуса покачивались под утренним ветерком на стеблях с длинными, похожими на сверкающие сабли листьями.

Молодой человек закурил новую сигарету и глубоко вздохнул. Приближение убийственного для европейцев сезона дождей ощущалось во всем.

— ...В Шанхае Анна встретила со своим старым и добрым другом, чудесным человеком — доцентом Декером. Тогда он был еще только начинающим приобретать известность ученым. Когда-то они вместе проходили практику в одной из московских больниц. С помощью Декера моей второй жене удалось переехать в Бейтензорг. Старый товарищ помогал ей все то трудное время, пока я, наконец, смог начать помогать им из Парижа. Мой сын, брат Мод, поступил на голландскую военную службу и сейчас он — капитан. Мой другой сын — князь Иван — тоже военный. Служит во французской армии. Анна умерла в прошлом году. Это была незаурядная, умная и добрая женщина... Мод унаследовала ее характер...

...От нагревающейся земли поднимался пар. Слабый юго-западный ветер нес в глубину острова сероводородный запах болот. Листья пальм вздрагивали под ударами ветра, огромные красноватые папоротники качались под окном...

— ...Между тем я почти разорился, потому что в мою жизнь вторглось чудовище. Боркман! В Париже я получил от него письмо. Он потребовал десять тысяч франков ежемесячно, а потом писал лишь, на какой счет я должен выплатить деньги, если не хочу, чтобы все узнали, что князь Сергей под именем Петера Боркмана был грабителем и двоежцем. Вы понимаете? Я вынужден был платить и молчать. Страшное искупление за совершенный грех! Самого Боркмана я никогда не видел. Деньги выплачивались на счета банков в Африке, Южной Америке или Австралии... За десять лет, в течение которых Боркман меня шантажировал, он выжал из меня почти все. И, наконец, последовал еще и этот удар...

Горьковатый запах сигарет «Брунс» заполнил всю комнату.

— Теперь продолжу я, — сказала Мод. — Я стала ассистенткой профессора Декера. Созданные им сыворотки выдвинули его в ряды крупнейших ученых мира. О нас он продолжал заботиться по-прежнему, а со мной был всегда исключительно добр. Последнее время он работал над самой замечательной из своих сывороток — «Бананоксидом». Возможно, вы слышали о проблеме «банановой болезни»?

Боль пронизывала сейчас каждую клеточку в голове молодого человека.

— Как же, — ответил он устало. — Если срезать банан неспелым, дерево немедленно заболит и погибнет. Однако, перевозить их можно только в незрелом виде... потому что... они испортятся... и...

— Что с вами? — спросила девушка.

— Это... погода... я тяжело переношу ее... — Он вздохнул. — Продолжайте, пожалуйста.

— Сыворотка, способная сохранить деревья от гибели после того, как с них собрали незрелые плоды, принесла бы миллионы. До сих пор создать ее не удавалось никому. Декер сделал это. Государство заплатило ему за решение этой задачи пятьсот тысяч гильденов. И тут пришло письмо от Боркмана. Он требовал, чтобы я похитила описание «Бананоксида» и доставила ему. Обокрала замечательного человека, нашего благодетеля! Если я это сделаю, писал он, мы будем в расчете. Если нет... Что мне сказать вам? Вы знаете моего отца и меня, мой брат — офицер... Одним словом, это означало бы гибель для многих людей... В письме были точные указания, как забрать записки из сейфа Декера, когда профессор уедет в Велтереден, где он должен был участвовать в конгрессе. Здесь, на Малой Лагонде, я должна была поселиться в номере, комнаты рядом с которым были бы свободны. Когда надо будет передать записки, мне сообщат. Приходилось подчиниться. Когда по соседству со мной кто-то поселился, я воспользовалась добротой бедняги Линднера и перебралась сюда. Тогда, на рассвете, когда вы забрались ко мне в окно, у меня была встреча с доктором. Он пытался шантажировать меня, потому что доверчивый Декер на смертном одре рассказал ему обо всем. Бедный профессор приехал вслед за мной, чтобы все уладить... Добрый, золотой человек, он не донес на меня в полицию... А теперь... он умирает...

Жара начинала становиться невыносимой. Сад будто дымился, над ним поднималось облако испарений. Сидящая на карнизе ящерица, похожая на миниатюрного крокодильчика, с любопытством заглядывала в комнату.

— Чи-чокк! — громко выкрикнула рептилия, потом, чуть подождав, повторила: — Чи-чокк! — и исчезла с окна.

Мод закурила. Все хранили молчание.

— Пожалуй, вы правы. Я отдам вам тетрадь, — хрипло сказал Феликс и, положив сигарету, сунул руку в карман.

Раздался стук в дверь.

— Кто там?

— Полиция!

Молодой человек в костюме рассыльного бесшумно исчез в шкафу.

Глава 28

В комнату вошли капитан и инспектор Элдер.

— Прошу прощения, — сказал капитан. — Из отеля исчезла женщина — некая миссис Вилльерс. Совершенно непостижимый случай. Не встречали ли вы ее в течение последних суток?

— Нет, но встречала, — ответила Мод. Князь Сергей задумался.

— Я видел ее. Она постучалась в дверь комнаты, расположенной напротив моей, и я слышал, как кто-то ответил: «Да». Женщина вошла. На дверной ручке я увидел на мгновение руку мужчины в темном пиджаке... В этом я уверен.

— Вы не знаете, какой номер этой комнаты?

— Конечно, знаю. Сто второй.

— Спасибо...

Капитан подошел к телефону.

— Разрешите, мисс Боркман? Девушка закурила.

— Пожалуйста.

Капитан попросил соединить его с портье.

— Говорит капитан Вуйдер. Кто живет в сто втором номере... Что? Это точно?! Спасибо...

Он с удивленным видом положил трубку.

— Ну? — спросил Элдер. — Кто же живет в сто втором?

— Никто. Он пустует уже две недели.

— Чудненько!

Это было все, что сказал Элдер. У Мод перехватило горло от волнения. Этот мужчина сейчас здесь — в шкафу. И он вовсе не частный детектив! Такая же выдумка, как и то, что он убил доктора. Но кто же он тогда? Несмотря на все происходящее, этот человек заинтересовал ее уже с первой встречи. Преступник?... Нет! Этого не может быть... Нет... только не это!...

— Так вы заболете, мисс Боркман, — сказал Элдер.

— Я?... Почему?

— У вас в пепельнице еще дымится сигарета, а вы уже закурили новую.

Он взял в руки толстую, с золотым концом сигарету, оставленную Феликсом в пепельнице. Князь сидел слишком далеко, чтобы она могла оказаться его.

— Она мне не понравилась... Это кто-то меня угостил.

— Вижу. Мистер Брунс. А я и не знал, что вы знакомы... Мод ничего не ответила. Она чувствовала себя загнанной в тупик.

Никакого Брунса она не знала!

— Если не возражаете, — сказал капитан, — мы осмотрим вашу комнату.

Мод проглотила слюну, сердце у нее отчаянно колотилось, но ответила она спокойно.

— А... что вы ищете?

— Один небольшой ковер...

— Я нахожусь под арестом?

— Нет... Об этом и речи нет, такое распоряжение уже давно отменено.

— Тогда я попрошу вас предъявить ордер на обыск. Насколько я знаю, без него осмотр будет незаконным.

Капитан удивленно поднял на нее глаза.

— Пожалуйста, — с изысканной вежливостью проговорил Элдер, доставая из кармана бумагу. — Разумеется, даже малейшее нарушение закона совершенно недопустимо.

Это была подписанная прокурором бумага, дававшая старшему инспектору Элдеру право проводить, без указания поводов, обыск любого из помещений «Гранд-отеля».

Капитан был удивлен, наверное, еще больше, но, не теряя времени, приступил к обыску и уже заглядывал за зеркало, где две стены, сходясь, образовывали небольшое пустое пространство.

— Тут ничего нет.

— Он может быть только под кроватью или в шкафу, — сказал Элдер и направился к шкафу.

Сейчас они найдут его!

Мод готова была расплакаться. Князь кусал побледневшие губы.

Капитан заглянул под кровать.

— Тут ничего нет.

Элдер открыл дверцу шкафа. Какую-то долю секунды они с Феликсом смотрели друг другу прямо в глаза.

— Тут тоже, — сказал инспектор и затворил дверцу. Затем они попрощались и вышли.

Глава 29

Молодой человек выскочил из шкафа. Голова у него была обмотана в легкое клетчатое демисезонное пальто. Мод и князь, все еще не пришедшие в себя от изумления, сидели молча.

— Мне надо исчезнуть! — выпалил на одном дыхании молодой человек. — Элдер сейчас вернется. — Он бросил пальто на спинку стула.

— Подождите! — воскликнула Мод. — Мы раскрыли перед вами все наши тайны. Не можете вы быть таким крупным преступником, чтобы продолжать и дальше опасаться нас.

— Не в том дело... Если бы я был преступником, я бы во всем вам признался. К сожалению, я всего лишь болван, а в этом признаваться стыдно. Зовут меня и впрямь Феликс, и то, что я вам рассказал в первый раз, было, в основном, правдой.

— Но ведь полиция не разыскивает за такие вещи! Элдер сказал...

— Что я — «Ужас Явы»? — Он махнул рукой. — Это была военная хитрость. Он хотел, чтобы вы испугались и выдали меня, если я прячусь у вас. Кто же осмелится скрывать грабителя и убийцу. Вы, однако, оказались исключением, и Элдеру его трюк не принес ничего, кроме разочарования. Вы, поверив, что я — «Ужас Явы», все же продолжали прятать меня. И за это низжайший вам поклон

— Но, — вмешался князь, — почему инспектор не задержал вас только что?

— Потому что это впутало бы меня в развернувшуюся здесь уголовную историю, а Элдер знает, что, в общем-то, я — неплохой парень. Кроме того, он и не собирается арестовывать меня. Только пугает.

— Почему же вы тогда так бежите от него?

— Потому что не хочу жениться. Хотя, — добавил он быстро, — решение это, пожалуй, не окончательное. Со временем человеку становится ясно, что плоха не женитьба сама по себе, а...

Легкий шорох...

В щель под дверь просунулось письмо. Феликс, словно кошка, прыгнул к двери и распахнул ее. Глухой звук, словно от вылетевшей

пробки, вскрик, и молодой человек отшатнулся назад, обеими руками закрывая глаза.

— Что с вами? — испуганно спросила девушка.

— Кажется... я ослеп... или что-то в этом роде...

— Покажите... покажите, ради бога!

Глаза покраснели и ужасно горели, но постепенно зрение восстановилось.

— Вот мерзавец! У него был газовый пистолет...

С глазами все было уже нормально, но голова продолжала кружиться. Но от газа ли? Молодой человек уже несколько часов чувствовал себя очень плохо, похоже было на приступ малярии — вещь в этих местах вполне возможная. Девушка мокрым полотенцем протирала ему лицо.

— Ну и разбойник... — буркнул Феликс.

Князь закончил читать письмо и протянул его Мод.

«Завтра в полночь положите тетрадь у порога. Если вы этого не сделаете, послезавтра утром весь мир узнает правду. В том числе и то, что Мод Боркман обокрала своего шефа, а Феликс Крикли, сын губернатора, убил доктора Ранке и совершил в „Гранд-отеле“ еще целый ряд преступлений. Это последнее предупреждение.

Боркман.»

— Вы?... — удивленно спросила Мод, и много сразу же стало ей понятным.

— Да. Я действительно сын губернатора Крикли... Отец велел мне вернуться домой из Парижа, потому что... потому что я слишком уж много тратил в... гм... в университете... В Париже любое развлечение стоит так дорого. Один только приличный слуга обходится в восемьсот франков ежемесячно... Остальное вы знаете... Требование жениться... то, как у меня отобрали одежду и как я в одной пижаме бежал на парусной лодке и причалил у вас в шкафу... Не мог же сын губернатора явиться полуголым и попросить себе номер? А теперь я совсем пропащий человек, потому что тут случилась добрая сотня преступлений, а алиби у меня никакого... Что мне делать?

Он проговорил это так жалобно, что девушка засмеялась.

— Зачем же тогда Элдер ищет вас, если он не собирается вас арестовывать?

— Чтобы задержать до тех пор, пока приедет отец. Тогда уж спорить не придется. Со стариком лучше этого и не пробовать...

В коридоре послышались тяжелые шаги, умолкшие у самой двери. Молодой человек мигом очутился на подоконнике, спрыгнул, словно кузнечик, вниз и исчез...

Мод, несмотря на серьезность своего положения, невольно поглядела вслед молодому человеку и была очень счастлива... он все-таки не был преступником...

Глава 30

В дверь постучали.

Вошел советник Маркхейт в сопровождении двух санитаров. Вид у него был мрачный и проговорил он прямо-таки ледяным голосом:

— Я пришел передать вам последнюю просьбу умирающего...

— Декер! — испуганно воскликнула девушка.

— Да. Его конец уже близок. Пульс едва прощупывается. Я ежедневно захожу к больному, и сегодня дежурный санитар, который сейчас стоит рядом со мною, сказал, что, по его мнению, Декер хотел бы что-то сказать, но слишком слаб для этого. Мы сделали инъекцию камфоры...

— Он очень... страдает?...

— Вам любопытно, в каком положении он очутился по вашей милости?... Его тело покрыто язвами, лимфатические узлы страшно распухли, кожа, даже смазанная бальзамом, невыносимо горит...

— Не надо... умоляю вас... — прошептала Мод. Князь Сергей выпрямился.

— Прошу прощения, но во всем виновен только один человек... Это я...

— Тогда то, что я скажу, будет относиться и к вам. Этот ученый, человек большого сердца, приехал сюда, чтобы спасти мисс Боркман от тюрьмы и вернуть государству его законную собственность. Даже сейчас, умирая, он велел мне отослать санитару из комнаты, чтобы у нашего разговора не было лишних свидетелей, а меня попросил еще раз попытаться вернуть добром описание открытия. Для этого я и пришел сюда. Верните тетрадь, я передам ее Декеру и забуду о вашем существовании. Если вы не сделаете этого, я от имени Декера заявляю, что...

Мод испуганно переглянулась с князем.

— Простите... Тетрадь... Ее забрали у меня.

— Короче говоря, вы не отдадите ее?

— Поверьте, что у меня ее нет... Но, если вы подождете один только день...

— Хорошо. Я дам вам этот день. Думаю, что так сделал бы и сам Декер. Но после этого: никакой пощады!

Чуть кивнув головой, он вышел.

— Что будем делать? — спросил Сергей. Девушка решительно ответила:

— Вернем Декеру его собственность, и будь, что будет...

Глава 31

Капитан и Элдер стояли посреди сто второй комнаты. Часть размокшего от дождей потолка рухнула, и отверстие было сейчас прикрыто досками.

— Не ожидал увидеть такую картину в дорогом отеле.

— Не забывайте, — сказал Элдер, — что, если бы не карантин, в это время года отель был бы пуст. Как раз самое время заниматься ремонтом... А это что?

На полу лежал окурок сигареты с позолоченным обрезом. «Брунс».

— Любопытно. По-моему, не повредило бы заглянуть к мистеру Брунсу. Как вы полагаете, господин капитан?

— Не возражаю... Но зачем понадобилось кому-то звать сюда миссис Вилльерс? И кто был тот мужчина, руку которого видел князь Сергей?

— У меня есть соображения насчет роли миссис Вилльерс. Единственно возможное решение.

— Может быть, вы сообщите его мне.

— В общих чертах. Символически, если хотите. Скажем так: можно быть капитаном полиции и одновременно играть на скрипке.

— Попрошу без намеков. Я играю на скрипке только дома, для себя, и понятия не имею, откуда это стало вам известно!

— Прошу прощения, но я говорил просто так, ради примера. Можно взять и другой пример. Если человек ждет на вокзале свою жену и тем же поездом приезжает его хорошая подруга, это еще не значит, что они ехали в одном купе.

— Но это крайне правдоподобно.

— Больше я ничего не могу сказать, потому что иметь подозрения и докладывать о результатах следствия — две разные вещи.

— Одним словом, у вас есть подозрения насчет того, кто убил доктора Ранке?

— Да.

— Что-то определенное?

— Больше того: я знаю, кто убийца! Знаю, начиная с первого дня.

— Почему же вы не скажете об этом?

— У меня нет никаких доказательств. Пойдемте к Брунсу.

Глава 32

Брунс сидел в кресле с пожелтевшим лицом и темными кругами под глазами. Умиравший! Мысль об этом пришла в голову Элдери, как только они вошли в комнату.

— Я хотел бы спросить у вас, мистер Брунс, когда вы заходили в сто вторую комнату? — задал вопрос инспектор.

Брунс вздохнул.

— Какую комнату?

— На самом верхнем этаже. Там, где обвалился потолок.

— Никогда я там не был.

— Но этот окурок от вашей сигареты? Брунс взглянул на него.

— От моей.

— Вы угощали кого-нибудь своими сигаретами?

— Угощал. А что тут такого?

— Гм... У вас, мне кажется, неважное настроение, мистер Брунс?

— Вам правильно кажется! Я болен!

— Можно спросить, в чем собственно, беда?

— А вам-то что? Может, и это относится к делу?

— Слушайте! — вмешался капитан. — А может, вы будете разговаривать с нами другим тоном?

— Спокойно, господин капитан. Раздражение мистера Брунса вполне можно понять... Н-да... Где это все время вертят шарманку?...

— И это тоже, — сердито фыркнул больной. — Какой-то дьявол целый день пиликает где-то поблизости.

Элдер направился в сторону ванной, откуда тоже доносились какие-то звуки.

— Играют не там, — быстро проговорил Брунс — Это во дворике напротив.

Элдер нажал на дверную ручку...

— Ну, что там? — раздался голос изнутри.

— Кто там? — спросил капитан.

— Хеккер, — ответил голос. — Что вам от меня нужно? Я купаюсь.

— Это ваш гость? — спросил Элдер у Брунса.

— Да! Может быть, вы и против этого что-то имеете? Портовый рабочий по имени Хеккер застрял здесь из-за карантина. Это мой старый знакомый, зашел сюда выкупаться и почитать журналы.

— Хорошо... хорошо... не надо так горячиться, господин Брунс. Я хотел бы поговорить с вашим другом Хеккером.

Брунс подошел к двери ванной и стукнул в нее ногой.

— Эй! Выходи, да только пошевеливайся.

— Ладно! Чего орать-то, ты...

— Не надо выражаться! Тут полиция.

Капитан провел рукою по лбу. Влияние усталости все больше сказывалось. Сейчас снова пойдет дождь... В такую погоду человеку кажется, что у него нервы натянуты, словно струны.

Дверь ванной открылась, и в крикливо яркой пижаме вышел Хеккер.

— Что вам угодно? — спросил он с видом аристократа, вытаскивая из кармана сигарету «Брунс».

— Что вы делали в сто втором номере? — крикнул на него Элдер.

— Такой тон...

— Заткнись, а то так врежу, что зубы повывлетают! И вынь изо рта сигарету, когда стоишь передо мной!

Слова Элдера произвели изумительный эффект. Поведение Хеккера молниеносно изменилось. Одно движение — и погашенная сигарета исчезла.

— Прошу прощения... господин инспектор... я теперь совершенно переменялся...

— Молчать!

— Не разговаривайте в таком тоне с моим гостем, — вмешался Брунс.

— Вы, разумеется, правы. Пойдем, спустимся в прачечную, там я с тобою побеседую... да пошевеливайся, подонок!

— Прошу прощения, господин инспектор... не надо... я и так все вам расскажу... мистер Брунс не станет возражать, чтобы... вы расспросили меня здесь...

— Естественно... — вставил Брунс.

— Ладно. Но тогда я попрошу вас, мистер Брунс, оставить нас, потому что не исключено, что мне придется основательно избить этого

голубчика, а в такие минуты мы с Хеккером предпочитаем быть наедине.

— Да, но...

— Выбирайте то, что вам кажется предпочтительнее, мистер Брунс — Каждый раз, когда Элдер поворачивался к американцу, его лицо и голос становились изысканно вежливыми, мгновенно меняясь, когда он снова обращался к Хеккеру. — Ну, погоди, сукин сын! Я тебе все кости переломаяю! Ты меня попомнишь!

Брунс вышел в другую комнату. Элдер огляделся вокруг, словно в поисках чего-то. Наконец, найдя длинный ремень от чемодана, он сложил его в несколько раз и подошел к Хеккеру.

— Элдер... — сказал капитан. — Вы же знаете, что при допросах нельзя...

— Послушайте, господин капитан! Хеккер — это по моей части, я ведь работаю в отделе, который отвечает и за порядок в порту. Там приходится иметь дело совсем с другим народом, чем у вас в службе безопасности. Этот Хеккер другого языка не понимает...

— Прошу прощения... господин инспектор... Я признаюсь, что был там... еще перед рестораном... Но к велосипеду я и не притрагивался...

— Значит, запираешься?! — проговорил Элдер таким тоном, будто и впрямь его интересовал этот велосипед. — Выходит, не ты его разобрал?

— Это... это уже потом... Слипе сказал, что продаст меня, если я не помогу разобрать... Ну, я и разобрал, но продавать ничего не продавал... кроме фары и цепи... да и то за гроши...

— Слушай, Хеккер, ты мне надоел. Перебрался бы ты в английские колонии, там бы тебя полиция научила уму-разуму, а с меня хватит. Если ты пообещаешь, что навсегда уберешься с Явы, я отпущу тебя...

— И бить не станете?

— Это уже совсем другой разговор. Об этом мы поговорим после того, как ты мне скажешь, что тебе было нужно в сто втором номере.

— Так я же серьезно и не... Рука с ремнем шевельнулась.

— Я же серьезно... не делал ничего особенно плохого... Когда меня поселили в той камерке с шарманщиком, я несколько раз... залезал сюда, если... тут никого не было... И... воровал сигареты...

Но денег ни разу не брал. А по вечерам я удираю из своей каморки и спал в сто втором, потому что...

— Откуда ты взял ключ?

— У меня есть отмычка...

— Откуда...

— Сам сделал, из стальной проволоки... Вы же сказали, что бить не будете!!

— Такого я не говорил. Ну, давай дальше.

— Это и все...

— Не лги! Как все было, когда там встретились мужчина и одна женщина...

— Я не...

— Что?!

— Я не отрицаю: однажды вечером кто-то пришел туда... Я еле успел спрятаться в шкафу. Видеть я его не видел, только слышал, как он расхаживает по комнате. Потом в дверь постучали, и вошла еще и женщина...

— О чем они говорили?

— Почти и не говорили. Мужчина сказал, зло так: «Что ты от меня хочешь?» А женщина прямо прошипела в ответ: «Я вас погублю... Когда Артур обо всем узнает, вам конец... И убежать отсюда не удастся...» Мужчина сказал: «Хочешь денег?» А она ему: «Нет! С этим ты опоздал, мерзавец! Ты думал, что тебе все сойдет! Так ведь? Я собой пожертвовала... Ненавижу эту Вилльерс...»

— А потом?

— Больше я ничего не слышал.

— Ты! Не лги, иначе...

— Больше я ничего не слышал.

Элдер знал людей подобного сорта. Знал, что Хеккер что-то скрывает, но знал и то, что он будет упрямо молчать, чтобы самому не впутаться в беду.

— Чем ты шантажировал этого Брунса?

— Я не...

— Ты снова?

— Я ничего и не отрицаю. Я забрался сюда, думал прихватить чего-нибудь пожрать. Какой-то голый тип выскочил и огрел меня по

голове. Когда я пришел в себя, Брунс храпел без задних ног... я осмотрел комнату... и в ящике нашел письма... от какой-то дамы...

— Ты! — инспектор схватил Хеккера за шиворот и крепко встряхнул. — Снова лжешь, мерзавец!

Хеккер, однако, продолжал что-то скрывать. Элдер снова понял, что его старания напрасны. Хеккер не будет говорить, потому что сейчас это выглядело бы как донос, а он лучше выдержит любые побои, чем станет доносчиком...

— Ну, слушай тогда, подонок! Утром и вечером будешь являться ко мне в канцелярию, если хоть раз пропустишь — я тебя арестую. Понял?

— Понял, господин инспектор!

— Нам здесь больше нечего делать, господин капитан. Как только они вышли, в комнату вернулся Брунс.

— Ты хоть понимаешь, пиявка, что я мог запросто от тебя избавиться? — со злостью проговорил он и, вздохнув, закурил сигарету.

— Ничего подобного, — ответил Хеккер. — Я люблю хорошо пожить, а вы, как-никак, торгуете контрабандным оружием. Такие люди неплохо зарабатывают и малость помочь бедному шантажисту им ничего не стоит. Найдется чего-нибудь перекусить?

Похожий на мясника мужчина с измученным лицом мрачно вздохнул.

— Закажи у официанта все, что захочешь. Сукин сын. Хеккер не обиделся.

— Скажите, мистер Брунс, — спросил он, — что это с вами, что вы постоянно вздыхаете?

— Не твое дело. Ясно? Ешь и спи, а меня оставь в покое... Все равно долго ты мою кровь пить не будешь. Мне жить осталось самое большее несколько недель.

— Тоже неплохо, — по крайней мере о пенсии не надо заботиться. А почему бы вам подольше не пожить?

— Потому что не жилец я на этом свете. Хеккер закурил.

— Если б у вас не было такое желтое да измученное лицо, я бы сказал, что вы здоровы, как бык.

— Был... Когда-то... И не так давно. Торговать-то приходится с бандитами и пиратами, тут без здоровья не обойдешься. А теперь

заткнись и оставь меня в покое. Не понимаю, чего ради я тебя терплю, когда и так меня прокляли и мне все равно конец...

— Ради того письма, наверное, что я у вас из письменного стола вытащил — это ж для вас верных десять лет тюрьмы...

Несколько мгновений они молчали.

— Чертовски мерзкая погода, — пробормотал Хеккер. — Старею... Раньше плевать мне было на муссон...

И он с огорченным видом проглотил кусок...

— Жри все, что хочешь, только оставь ты меня в покое, — хриплым замогильным голосом проговорил Брунс. Хеккер, однако, только сморщил покрытый потом лоб.

— Нет... что-то аппетит пропал...

— А что ты чувствуешь? — любопытствовал Брунс.

— Словно чем-то сжимает голову...

— Вот и у меня то же самое. И еще ногам холодно, а в глазах по временам словно точки бегают.

Хеккер побледнел.

— А это самое... проклятие... не может быть заразным?

— Не думаю.

— Я ведь тоже... чувствую себя так, будто меня... прокляли.

— Очень даже может быть, — ответил Брунс — Если только мое проклятие могло подействовать...

Глава 33

Феликс отлично понимал, что в саду ему задерживаться нельзя... Прижавшись к стене, он пробирался по похожей на трясины, размокшей от дождя земле. Вот, наконец, окошко поменьше. Это не жилая комната.

Он огляделся вокруг и, быстро подтянувшись, оказался внутри. Он ошибся. Это была все же жилая комната, но из тех, что попроще. Вместо обоев — простые крашенные стены, жестяной умывальник, старомодная деревянная кровать, запыленное круглое зеркало.

Здесь вполне могла жить какая-нибудь горничная. Гляди-ка! На зеркале висели коралловые бусы. Комната напоминала ему о той голосистой женщине, которая приняла его за Мартина. Он прилег на потрепанный кожаный диван, который, похоже, поставили здесь по ошибке вместо того, чтобы отправить на свалку. Он чувствовал страшную усталость. Уж не малярия ли? Его тошнило, руки и ноги будто онемели. Такое ощущение появлялось у него сегодня уже не в первый раз, но быстро проходило.

Прошло оно и теперь, как только он лег.

Вот это да!

На столе лежал ключ. Общий, универсальный ключ! Именно его та женщина велела принести Мартину. Он же открывает все двери! Ура!

Теперь он немедленно заберется в какую-нибудь пустующую комнату. Мало того! Выкупается! Да и побриться не помешало бы, а то он чертовски зарос... Раз уж есть ключ... Господи... С таким ключом раздобыть бритву не шутка.

М — да... Вот что делает с человеком необходимость. Он сунул ключ в карман и отправился на охоту за бритвой. Он свернул в слабо освещенный боковой коридор... Чуть дальше отворилась дверь, мужчина в сером костюме вышел из номера, запер дверь, сунул ключ в карман и направился к лестнице, ведущей в холл или ресторан. Вперед!

Ключ легко повернулся в замке, и Феликс вошел в комнату. Искать долго не пришлось, на стекле туалетного столика лежал полный

набор: бритва, ремень для правки, крем и квасцы.

Он быстро засунул в карман бритву и крем. Все первого сорта. Отличное лезвие, на отделанной перламутром рукоятке золотыми буквами выбито: «Сидни Крик». Захватив ещё мыло и полотенце, он поспешил наружу.

Ну, а теперь. Какая из комнат пустует? Бельэтаж наверняка переполнен. Он начал подниматься по винтовой лестнице вверх.

Постой-ка!...

Перед дверцей кухонного лифта, удобно прислонившись к стене, сидел один из слуг.

— Ну, поехали! — крикнул он в окошко лифта. — Долго там еще?

— Послушай, незачем так орать. — В коридоре появился управляющий Вольфганг.

— Прошу прощения, но клиенты начинают нервничать.

— Все равно кричать не следует. Что там с ковром?

— Вышла небольшая путаница... Я его положил в коридоре, чтобы потом отнести на склад... А он исчез...

— Каким это еще образом?

— Мартин сказал, что по ошибке отнес его в номер господина Брунса. Только там его тоже не видно...

— Улетел, значит... Его разыскивает полиция... Куда он мог деваться из комнаты Брунса?! — вышел из себя управляющий.

— Может, он там и есть в каком-нибудь из ящиков. Господин Брунс не любит ковров и мог засунуть его куда-нибудь...

— Почему же ты не поискал его?

— Потому что... он ведь разрешил нам убирать комнату только в его присутствии, а к ящикам никто из нас и прикасаться не смеет. Ужасный грубиян.

— Улаживайте сами!... Если завтра ковра не будет, пожалеее... Ясно?

— Да .

Загудев, появился маленький лифт с подносами, на которых стояли заказанные блюда. Забрав их, слуга отправил лифт назад.

— Кроме того, в сто втором надо убрать белье с постели. Чтоб завтра его там не было! И приведите в порядок стену: она там совсем обрушивается.

Рассерженный управляющий отправился дальше. Ушел я слуга с подносами. Феликс сразу же покинул свое укрытие на винтовой лестнице. С комнатой все уладилось! Сто второй номер наверняка пуст, раз там начала обрушиваться стенка. В это мгновение появился лифт со вторыми блюдами. На тарелке лежала чудесная половинка жареного цыпленка. Феликс, недолго думая, сунул ее в карман и поспешил в сто второй номер.

Глава 34

Пустой номер был полон запаха заплесневевшей от сырости штукатурки. Феликс быстро прошел в ванную и повернул кран. Полилась теплая вода. Однако даже чудесное ощущение, что сейчас он будет купаться, не прогнало горьковатый привкус во рту и чувство недомогания... Что-то с ним неладно. Даже цыпленок не доставил удовольствия, хотя он давно уже не ел. Добрую половину Феликс выкинул за окно. Потом выложил все из карманов на стул. Ключ, мыло и бритву с надписью «Сидни Крик». Выкупавшись, он, не вылезая из ванны, поставил перед собой зеркало и начал бриться. Как раз когда он покончил с одной щекой, раздался скрип поворачиваемого в замке ключа... Кто-то идет!... Феликс, не выпуская из рук мыло и крем, бесшумно скользнул к окну. Ключ со стула он захватил, но одежда была далеко, на тремпеле у двери...

— Вот так!... Давайте сюда ковер, этот номер все равно пустует, — послышался голос Вольфганга. — И не надо болтать о нем, пока его как следует не почистят.

— А чем это его так испоганили?

— Опрокинули бутылку наливки. А тебе должно быть стыдно. Всего и надо было прямо спросить у Брунса. Он сразу сказал, что сунул ковер в комод...

У Феликса стало легче на душе. В ванную они не зайдут,

— А вообще-то лучше положить его в ванной. Гоп!

У Феликса времени хватило только на то, чтобы молниеносно выскользнуть в окно и, вцепившись в пожарную лестницу, прижаться совершенно голому к стене на высоте третьего этажа. Хорошо еще, что окно выходило в глухой внутренний дворик.

— Неслыханная наглость! — послышался голос Вольфганга. — Какой-то сукин сын забрался сюда, чтобы переодеться!... И выкупаться к тому же!... Заберите это тряпье в канцелярию! Если я узнаю, какой подлец это сделал, я ему это так не спущу! Банда какая-то! Ну, пошли! Пошли!

...Они унесли его одежду. Он стоял в комнате с выбритым до половины лицом, бритвой и ключом в руках, но без одежды.

Он завернул ключ, бритву и мыло в полотенце и привязал узелок к руке. После этого он снова выбрался на лестницу.

Снова начиналась волнующая охота за одеждой.

В полной темноте вовсю хлестал дождь. Одно утешение, что, будь он одет, все равно сразу же промок бы до нитки. Темных окон виднелось всего-навсего три. Первое, справа от него, было тоже окном ванной. Он влез в него.

Плохо. Сквозь неплотно прикрытую дверь пробивался свет и слышались голоса.

Вдова! Он сразу узнал глубокий голос синьоры Релли.

— ...У меня в жизни было не так уж много радости, но временами я была счастлива и поэтому мне не больно думать, что я старею...

— Он был добрым человеком? — спросил грубоватый мужской голос.

— Думаю, что да... Отчасти поэтому у меня сейчас и нелегко на душе. Я хотела попросить совета у вашего коллеги, но, странное дело, после двух коротких встреч он больше не попадался мне на глаза.

— Я не знал, что здесь, кроме меня, живет еще кто-то из миссионеров.

— А он даже из того же самого ордена, что и вы: такие же самые пуговицы, такая же бархатная куртка с серым пятном.

— Очень странно...Серое пятно просто-напросто выела на бархате моль...

— Любопытно...

— Гм... Я потом поищу этого странного коллегу... Одним словом, что же беспокоит синьору?

— Очень неприятное дело, и я скорее прошу у вас совета, чем утешения, потому что я, видите ли, обманула полицию. Я сказала, что не знаю Артура Коклина, а я ведь часто встречала его в Сингапуре.

— Почему же вы умолчали об этом?

— Потому что... я знала, что они расспрашивают меня из-за его жены... Она живет здесь в «Гранд-отеле» под чужим именем... а ее муж считает, что она гостит у меня... Ужасно, но у меня такой романтический характер... Эта женщина влюбилась в одного молодого человека... и они хотели бежать... Еще в Сингапуре она попросила меня написать мужу письмо о том, что я приглашаю ее погостить

несколько дней у меня. Тогда ей несложно будет уехать... Я написала...

— Вы поступили дурно...

— Я — итальянка... Речь шла о любви, о романтике, о несчастной женщине... Потом я пожалела о сделанном, потому что здесь же оказалась и другая женщина... которая тоже любила этого молодого человека — уже много лет... и пошла ради него на большую жертву... эта женщина тоже была артисткой и танцевала вместе с этим молодым человеком, а потом вышла замуж за старого, безобразного редактора газеты только для того, чтобы у Додди было много-много денег. Речь идет о миссис Вилльерс, той самой, которая исчезла... Перед этим она была у меня, плакала, падала в обморок. Тот молодой человек еще в Сингапуре бросил ее ради другой, и у нее не осталось ничего, кроме старого, нелюбимого мужа и... Она сказала, что напишет мужу той другой, потому что она не может без Додди...

— Грешники, заслуживающие адского огня...

— Sì, sì... теперь и я это понимаю... но в Сингапуре я все это видела в романтическом свете. И миссис Вилльерс все равно бежала бы так или иначе... Я не сказала полиции то, что я знаю... потому что эта грешная женщина живет здесь под псевдонимом, сказала, что ее фамилия Гулд. Она хочет убежать с этим молодым человеком, а ведь у нее такой чудесный малыш... Вот это я и хотела вам рассказать и попросить помочь советом: как я должна поступить?...

Феликс, позабыв о своем собственном положении, тихонько стоял в темной ванной, откуда было слышно каждое слово.

Советы миссионера не интересовали молодого человека, и он вновь выбрался на пожарную лестницу, чтобы продолжить отчаянную охоту за одеждой. Еще одно темное окошко ванной. Он, крадучись, пробрался к нему... Прислушался... Спрыгнул в комнату и испуганно застыл на холодных плитках паркета...

Комната была отделена от маленького салона одной лишь портьерой. В салоне кто-то как раз включил граммофон...

Miss Otis regrets she is

Inable to lunch to day

— Выключи ты эту проклятую музыку, — сказала белокурая, полная женщина в вечернем платье.

В этом номере жил фабрикант мороженого Хиллер со своею женой. Один из некоронованных королей Америки.

— Не указывай, что мне делать, Мей... — ответил он, продолжая повязывать галстук.

— Постыдился бы лучше! Что обо мне будет думать прислуга! Ты же флиртуешь с горничной. А еще американский миллиардер!

Хиллер, насвистывая, надел смокинг и поправил узел галстука. Его жена сорвала с головы украшенную алмазами заколку ценой в верных десять тысяч и швырнула ее в граммофон.

— Отвечай мне!... — закричала она тоном базарной торговки. — Я тебе не комнатная собачка! Ясно?!

Хиллер с равнодушным видом закурил сигарету.

— Не кричи, пожалуйста, — ответил он скучающе, — ты не за стойкой бара.

— Подлец! Если тебе не нравится, что я была кассиршей, надо было жениться на какой-нибудь аристократке. Да только кто пошел бы за такого базарного зазывалу? Из тех, что кривляются перед ларьками... Ты и сейчас остался тем же, что и был: мелким лавочником! Несмотря на все твои миллионы.

Хиллер, насвистывая, посмотрел на часы. Граммофон продолжал свое:

Miss Otis regrets she is

Inable to lunch to day

Его жена швырнула на пол вазу, и ее пухлое, начавшее уже увядать, кукольное личико исказилось от ярости.

— Мерзавец! Зазывала! Тебе бы в тюрьме сидеть!

— Пожалуйста, без скандалов, — негромко сказал Хиллер, — потому что...

— Ударишь меня?!... Ты на это способен! Фу!... Рыцарь для горничных.

— Слушай, Мей, прекрати-ка это... Горничная ничем не хуже, чем шофер... Мой собственный шофер. Ты думаешь, что я совсем уж идиот?...

— Мерзавец! Я тебя засажу в тюрьму за клевету... — И она рванула с себя великолепное парижское платье, разодрав его чуть не напополам...

...Феликс поспешно сбежал.

Снова по нему хлестал дождь, а издалека глухо доносилось сквозь ливень, что:

Miss Otis regrets she is
Inable to lunch to day.

Глава 35

...Он снова был в ванной. Оттуда он осторожно пробрался в темную спальню. И...

...Из соседней комнаты кто-то вошел. У него хватило времени лишь на то, чтобы прижаться к стенке за шкафом. На пороге стояла горничная в аккуратном чепчике, залитая светом из соседней комнаты. Там сидели три женщины. Молодая и красивая графиня Ольга Петрова — известная теннисистка, Урсула Гугерсгейм, по крайней мере, семидесятилетняя вдова барона фон дер Фрюварта, и Хельга Йоринс — шведка, автор многих работ по метафизике, основательница индийского движения Обновления Душ. Сухопарая седая женщина в черной блузке с высоким воротником и пенсне, Хельга Йоринс (основательница движения Обновления Душ) как раз говорила горничной:

— Вода в ванной должна иметь сорок градусов...

Бежать Феликс не мог, потому что горничная вошла в ванную. Зашумела вода. Гости начали прощаться.

— Я пришлю вам эту настойку, — сказала Урсула Гугерсгейм (вдова барона фон дер Фрюварта). — В такую сырую погоду человек должен беречься от ревматизма.

— Это так мило с вашей стороны... — ответила Хельга Йоринс — Спасибо... Примите, дорогая, в знак благодарности мой скромный труд «Величие и бессмертие женской морали».

— Спасибо. Вы тоже идете, графиня?

— Задержусь еще на минутку. Мисс Йоринс обещала, что разрешит мне выбрать несколько книг... В такую погоду, когда нельзя ни поиграть в теннис, ни выкупаться в море, чувствуешь себя просто ужасно. Может быть, хоть хорошая книга выручит меня.

Петрова была настоящей красавицей. Белокурая, с тонким лицом и спортивной фигурой. В сером костюме из английской шерсти она напоминала героинь пьес Ибсена. Мягкой, ритмичной походкой она подошла к книжной полке и, помахивая сумочкой, висящей на пальце заложенной за спину руки, начала разглядывать корешки.

Урсула Гугерсгейм (вдова барона фон дер Фрюварта) вышла из комнаты в сопровождении мисс Йоринс.

Феликс продолжал стоять неподвижно. То, что он видел в соседней комнате, все больше делало его похожим на изваяние с вытаращенными глазами.

Графиня Петрова быстро оглянулась, выдвинула один из ящиков комода и сунула в сумочку две небольшие вещицы. Затем, обнаружив под стопкой белья пачку банкнот, она прихватила изрядную долю их. Закрыв ящик, она вынула пудреницу и начала приводить в порядок лицо... Для женщин это иногда бывает отличным средством успокоиться.

Воровка...

Вернулась мисс Йоринс.

— Выбрали что-нибудь, дорогая?

— Да, вот эту и эту, — ответила Петрова, показывая наугад на две книги. — Спокойной ночи.

— Это действительно великолепные вещи, — сказала седая теософка, беря в руки одну из подобранных книг. — Чудесно! Вы, оказывается, умеете читать по арабски?...

— Я... когда-то... занималась... Спокойной ночи...

— До свидания. Графиня вышла.

— Ванна готова, — сообщила горничная и, поклонившись ушла.

Мисс Йоринс направилась в ванную. Салон был теперь пуст.

Феликс с отчаянием огляделся по сторонам. Что накинуть на себя, чтобы можно было выскочить в коридор? Покрывало с кровати!... Из ванной слышался плеск воды... Старуха скоро вернется!

Бр — р-р!...

Он схватил покрывало и прыгнул на кровать, стараясь прикрыться им... Кто-то идет!

Поздно!... Кошмар...

Вошел слуга с настойкой и оторопело застыл перед зрелищем, представшим ему в свете, пробивавшемся из соседней комнаты.

Феликс стоял на кровати на четвереньках!... Лакей выронил настойку и метнулся назад в коридор, бормоча:

— Гадость... Что же это... Неслыханно. Вот это да!

Потом у него начался приступ икоты. Еще много недель беднягу передергивало при одном воспоминании об увиденном.

Мисс Йоринс так никогда и не смогла понять, почему Урсула Гугерсгейм (вдова барона фон дер Фрюварта) перестала здороваться с нею и при встречах смотрела куда-то в пространство над ее седой головой...

Глава 36

Было около одиннадцати часов. Мод еще читала, когда в дверь постучали.

— Войдите.

В комнату ворвалась диковинного вида дама. На ней была старомодная кофейного цвета блузка, нижняя юбка из темной тафты и лаковые туфли. Лицо с геометрической точностью было разделено на две половины, одна из которых заросла густой щетиной.

— Тс-с... Мне надо переодеться... Одежду я принес с собою... — В руках у странного создания был узел, из которого торчал конец шпаги.

Мод зажала руками рот, чтобы не расхохотаться во весь голос.

— Характерно для вас, — с горечью проговорил Феликс. — Вам бы только хихикать в самых драматических ситуациях.

— Откуда вы явились?

— Может быть, сами узнаете по костюму?...

Он исчез в ванной и через мгновение вернулся в форме командира линкора Дикмана. Рукава были коротки, брюки доходили только до щиколоток, а один из эполетов отлетел при первом же движении.

— Теперь мне надо кончить бриться, — сказал мрачно Феликс, сумевший пронести сквозь все невзгоды бритву с надписью «Сидни Крик», мыло и универсальный ключ.

— Да, вид у вас с половиной бороды ошеломляющий.

— Я так и думал, когда шел сюда, что лучше мне уж сразу умереть. Я хотел понравиться вам, а выгляжу до половины освежеванным козлом...

Он привлек девушку к себе.

— Мод... вам будет легче, если я скажу, что знаю о вас все... И все равно люблю вас...

Девушка стояла перед ним, печально опустив голову.

— Я рада... тому, что вы сказали это... И, может быть, если когда-нибудь... А, ладно...

— Слушайте, Мод... Вы можете бежать вместе с князем в Америку, я тоже приеду туда...

— Поздно. Я все равно пропала — заявит на меня Декер или выдаст Боркман... Самое лучшее, что я могу сделать, это ценой своего доброго имени спасти несколько хороших людей... Отдайте мне, пожалуйста, тетрадь.

— Те-традь...

Мод с испугом посмотрела на растерянное лицо Феликса.

— Что... с тетрадью?!

— Она... осталась в сто втором... в моем костюме рассыльного... она была в кармане... а они забрали его...

Глава 37

— Вы не можете... снова забрать ее?... — прошептала девушка.

— Они унесли одежду в канцелярию... Тетрадь была в куртке...

Девушка в отчаянии опустила руки.

— Тогда... все кончено. В полночь Боркман явится за тетрадью...

Если ее не будет, завтра он осуществит свою угрозу... и все... мой отец... мой брат...

Феликс изо всех сил старался что-нибудь придумать.

— Нам остается только одно... Вместо тетради мы оставим Боркману письмо, в котором скажем, что тетрадь случайно очутилась в куртке, которую забрали из сто второго номера... А я сейчас пойду в канцелярию...

— Нет! Вы не можете так рисковать. Ведь здесь произошло убийство! А у вас нет алиби...

— Послушайте, Мод, до сих пор я очень легко относился к жизни... За последние дни я во многом переменялся... И причина этого — вы. Какое мне дело до моего доброго имени, если в опасности ваше. Будем держаться вместе, что бы ни произошло...

— О... если вы серьезно... Он обнял девушку.

— Теперь вы не одна в этой схватке. Мод... И серьезнее этого быть не может... Напишите несколько строк Боркману и положите под дверь... А я пошел.

Он быстро выскользнул за дверь.

Глава 38

Время было уже позднее... Приближалась полночь... А с ней Боркман...

Мод честно описала в письме создавшееся положение и сунула листок под дверь. Потом она выключила в комнате свет, закурила и стала ждать.

По временам за окном тяжело падали капли, оставшиеся от прошедшего дождя, в саду квакали лягушки... Туман все гуще окутывал остров.

Потом издалека донесся тоскливый вой корабельной сирены — туман сгущался и над океаном. Прошло примерно с полчаса. Равномерный стук капель отсчитывал время.

Мод охватило беспокойство. Это не был страх перед ночной встречей, тяжело на душе у нее было из-за Феликса. Может быть, как раз сейчас ее веселый, отчаянный друг попал из-за нее в беду.

Где — то далеко по коридору прозвучали шаги... Хлопнула дверь, полилась из крана вода.. Снова тишина... В саду с глухим треском сломалась какая-то ветка. Запах цветов вместе с ночным воздухом медленно заполнял комнату. Несколько москитов жужжали под потолком, часы в соседнем номере пробили двенадцать...

Полночь!

Час Боркмана.

Летучая мышь ударилась в сетку, прикрывающую окно от москитов. Мод обернулась. Она была удивительно спокойна. За окном в призрачном лунном свете четко выделялись черные кроны пальм.

«Хо-хи, хо-хи, хо-хи...» — с равномерностью часового механизма выкрикивал маленький смелый мангуст, готовясь броситься на кобру...

Тишина.

Там кто — то уже погиб в схватке. Мангуст или змея, а может быть, оба?...

Тропическая ночь...

После полуночи ветер переменял направление, и затхлый запах болот примешался к аромату цветов...

Стук капель лишь подчеркивал мертвую тишину. Луна зашла, и ночь, словно бесконечная, неосязаемая, черная стена встала вокруг комнаты.

Мод взяла зажигалку и сунула сигарету в рот...

— Не зажигать!

Голос звучал в комнате, но не со стороны двери. Говоривший наверняка был уже здесь, когда Мод вернулась в номер. Прятался где-то добрых пару часов, если не больше.

Девушка послушно положила зажигалку и сигарету.

— Это вы, Боркман?

— Да.

— Значит, вы слышали, о чем я только что говорила с тем молодым человеком. Тетрадь в канцелярии, в костюме рассыльного. Под дверью я оставила вам письмо — я ведь не знала, что вы уже прячетесь в комнате. Дайте нам отсрочку, чтобы мы смогли вернуть заметки.

— Надо подумать. Завтра в дверях будет новая весточка от меня. Теперь сидеть тихо.

Мод не видела говорившего. Голос доносился откуда-то из дальнего угла комнаты. Девушка даже не повернулась в его сторону. Внезапно полоска света, пробивавшаяся под дверью от лампы в коридоре, исчезла. Ее непрошенный гость в несколько прыжков очутился у двери, нажал на ручку и выскочил наружу...

Пару секунд казалось, что снова вернулась гнетущая тишина...

Но вдруг словно все черти вырвались на волю из ада...

— Есть! — прогремел чей-то голос, и тут же какое-то звяканье; звук удара и бегущих людей, а потом чей-то задыхающийся, зловещий крик:

— Держите! Убийца! Держи-и-и! Бах! Бах! Бах!

Три выстрела!

Мод продолжала сидеть, словно оцепенев. Снова стало светло. Шум... хлопающие двери... голоса в коридоре.

— Вы не ранены, Элдер?...

— Кто-то меня основательно стукнул по голове... К сожалению, фонарик выбили раньше, чем я успел его включить... Перевяжите мне голову...

— Я стрелял вслепую, в темноте — вряд ли попал... — заметил капитан. Потом гул растерянных голосов перекрыл все звуки.

Проснувшиеся жильцы спешили к месту происшествия.

— Ради бога, — прозвучал голос Вольфганга, — что тут произошло?

— Немедленно разойдитесь по своим комнатам, — приказал капитан. — Полиция сама сумеет навести порядок.

Это, естественно, вызвало только новый приступ истерической паники.

Дамы решили, что будут спать все вместе, оставив свет включенным до утра. Старичок, маркиз Равердан, опираясь на палочку, выскочил в коридор, угрожающе размахивая невесть откуда взявшимся у него старинным дуэльным пистолетом.

Князь Сергей, тоже поспешивший на место событий, дошел только до поворота коридора. Увидев, что перед дверями Мод собралась целая толпа, он потерял сознание. Шиллинг, губернатор островов Тонга, успел подхватить его.

— Врача!... Врача! Человеку плохо... — крикнул он.

Несколько женщин подняли крик, пятилетний сын французского атташе заорал во всю глотку, а управляющий Вольфганг стоял, даже не пытаясь вытирать стекавший по лбу пот. Хоть какой-то порядок удалось навести лишь с трудом. Маркхейт сделал князю укол, а затем перевязал Элдера, прижимавшего к ране совершенно промокший от крови платок.

— Мод... — прошептал князь.

— С ней все в порядке, — ответил Элдер. — Не беспокойтесь и возвращайтесь к себе в номер. С Мод я уже разговаривал, но сейчас не надо мешать работе полиции...

После того как князю помогли уйти, Элдер направился к комнате Мод. Маркхейт пошел вместе с ним... Кто знает, что там — ведь Элдер сказал, что уже беседовал с Мод, только ради того, чтобы успокоить князя.

У висевшего в коридоре телефона Элдер остановился.

— Одну минутку, — он набрал номер.

— Ну? — спросил он и, выслушав ответ, сказал: — Превосходно. Спасибо, Седлинц, отличная работа. — Он повесил трубку.

— Что сообщил Седлинц? — полюбопытствовал капитан.

— Я еще вечером попросил его, если вновь погаснет свет, немедленно, что бы ни случилось, мчаться к распределительному

щиту и снять отпечатки пальцев.

— Bravo! — невольно вырвалось у Маркхейта.

— Отличная мысль, — чуть кисло признал капитан. — Надо полагать, рублильник выключил кто-то из сообщников преступника.

— Я думаю, что это сделал он сам.

— Почему?

— Потому что я знаю, кто преступник. Он любит оставаться на втором плане.

— Я знаю вашу теорию на этот счет и не буду снова выпрашивать — кто же он. Откуда, однако, вы узнали, что этот мерзавец именно сегодня в полночь собирается нанести девушке визит?

— Разрешите мне не ответить и на этот вопрос. У меня есть для этого очень серьезные причины. Между прочим, господин капитан, действуете вы исключительно быстро и энергично.

— Жаль лишь, что в темноте я промахнулся. Но откуда взялся тот, который разбил вам голову, инспектор?

— Из соседней комнаты. Я услышал, как скрипнула дверь, и тут же получил по голове палкой или резиновой дубинкой.

Они уже стояли перед дверью Мод. Элдер постучал.

— Войдите!

Мод встретила их с совершенно спокойным лицом, и теперь уже это не было игрой. Страх, тревога исчезли, она готова была встретить свою судьбу.

— Полагаю, мисс Боркман, — сказал Элдер, — что разумнее всего будет, если вы, ничего не опуская, расскажете нам обо всем, что случилось здесь сегодня ночью... обо всем, разумеется, что имеет отношение к нашему следствию, — добавил он быстро.

— Пожалуйста...

Она рассказала о назначенной в письме на полночь встрече, о неожиданном появлении ее необычного гостя, и постаралась как можно точнее передать весь их разговор.

Элдер задумался.

— Во время нашего последнего разговора вы сказали, что понятия не имеете ни о каких «заметках».

— Я сказала неправду. Я украла заметки профессора Декера о Бананоксиде. Один мерзавец шантажировал меня, и мне не оставалось

ничего другого. Я хотела отдать ему эти заметки, но, к сожалению, их у меня больше нет. Это все, что я могу сказать.

— В этом случае нам придется арестовать вас, мисс Боркман, — со вздохом сказал Элдер.

— Вполне естественно, — спокойно ответила Мод.

— А теперь вернемся к вашему незваному гостю. Вы уверены, что точно передали его слова?

— Я отлично запомнила их.

— Первые слова были «Не зажигайте огня»?

— Не совсем. Он сказал категорично: «Не зажигать!»

— А в конце он сказал: «Я подумаю... теперь сидите тихо»?

— Не совсем так. «Надо подумать... теперь сидите тихо...»

— Спасибо. Это даст нам возможность легко схватить одного из сообщников. Спокойной ночи, мисс Боркман. Верьте мне, если только это окажется возможным, я постараюсь вытащить вас из беды, не причинив никому вреда. Попрошу вас оставаться в своей комнате. Перед дверью мы поставим часового.

В коридоре капитан нервно спросил у Элдера:

— Почему вы сказали, что мы легко схватим сообщника?

— Среди работающих в отеле туземцев будет не так уж трудно найти того, кто сегодня ночью пробрался к девушке.

— Откуда вы взяли, что это именно туземец? — спросил Маркхейт.

— Для них характерно, что из всех форм глаголов они чаще всего используют неопределенную, ведь трудно спрягать глаголы на чужом языке. Мы говорим: «не зажигайте, я подумаю...» Туземец скажет: «не зажигать... надо подумать».

— Думаю, что вы снова попали в самую точку, — пробормотал капитан.

Глава 39

Уже светало, когда они вернулись в канцелярию. Седлинец и еще пара полицейских пили чай. Всех будто немного морозило и при тридцати пяти градусах жары. Карандаш выдавил бороздку на размякшей от сырости бумаге блокнота.

— Где управляющий? — спросил Элдер.

Один из полицейских сходил за Вольфгангом. Волосы управляющего были растрепаны, глаза впали, холодные, как лед, руки дрожали.

— Ужасно, ужасно... — хриплым голосом непрерывно повторял он.

— Чего вы хнычете?! — перебил его инспектор. — Для вас эта чертова история только лишний доход. Отель полон три недели — в самый мертвый сезон.

— Но, простите, а скандал?!

— Это только лишняя реклама. На будущий год отель будет битком набит.

— На будущий год срок моего десятилетнего контракта истекает, и отель перейдет государству. Что мне толку от рекламы?

— Вот как? Значит, вы только арендатор?

— Да.

— Вы один? Вольфганг замялся.

— Нет... Я создал здесь курорт и купил у малайского раджи Малой Лагонды концессию на десять лет, но так, что половина паев принадлежит ему. Голландские власти утвердили это соглашение, «Нидерландише Банк» тоже.

— Как получилось, что в вашем отеле любой может так запросто орудовать с распределительным щитом? С сегодняшнего дня мы поставим у него часового.

— Щит находится рядом с машинным отделением, где бывают только кочегары и механик. До сих пор не было никаких поводов для принятия особых мер предосторожностей.

— Мы допросим всех, кто работает в машинном отделении. Кроме того, пришлите в канцелярию всех туземцев, которые сейчас

находятся в отеле.

Вольфганг вышел.

— Вот отпечатки пальцев, — сказал Седлинец.

— Спасибо. Возьмите, — сказал Элдер, протягивая завернутое в папиросную бумагу зеркальце. — Здесь тоже есть отпечатки. Сравните их с теми, что у вас.

Седлинец поспешил взяться за дело.

— Откуда у вас это зеркало? — спросил капитан.

— Оно побывало в руках у преступника.

— Если эти отпечатки и отпечатки на рубильнике совпадут, вы арестуете его?

— Нет. Слишком мало улик.

— Разве то, что он в критический момент выключил свет, не достаточная улика?

— Достаточная, чтобы обвинить его в соучастии, а я хочу доказать и то, что он — убийца, шантажист, бандит!

— Как насчет его алиби?

— Безупречно. Найдется немало свидетелей, готовых чистосердечно и под присягой показать, что они были вместе с ним...

— И все-таки...

— И все-таки он — убийца.

В комнату вошли рабочие из машинного отделения, лифтер-негр, мулат-бармен, шофер-тамил, два туземца-поваренка, малаец-торговец сувенирами и, наконец, прачка-полукровка.

— Фергюсон! Уведите туземцев в соседнюю комнату, отберите тех, у кого несомненное алиби, а остальных будете присылать сюда по одному.

...Туземцы большими, испуганными, круглыми глазами смотрели на полицейских и с взволнованным шепотом последовали за Фергюсоном.

— Прошу вас, — обратился Элдер к кочегару в замасленной спецовке. — Примерно полтора часа назад с центрального щита был выключен свет. Что вам известно об этом?

— Я сразу же побежал туда, — ответил рабочий, — и постарался как можно быстрее привести все в порядок. Когда я прибежал к щиту, там уже возился с фонариком кто-то из полицейских.

Это был Седлинец, снимавший отпечатки пальцев.

— Больше вы ничего не видели?

— Нет.

— Я видел какого-то странного типа, — заговорил другой кочегар. — Вез как раз тележку с коксом, от поворота виден щит, и я заметил человека, убегающего от него. Я было кинулся за ним, но он исчез за следующим поворотом, а мне надо было спешить с коксом... Очень странный был тип...

— Что же в нем было странного?...

— Ну... я хорошо разглядел — это был морской офицер...

— Что?!

— Я глазам своим не поверил; морской офицер ночью в подвалах гостиницы...

— Да, довольно странно... Спасибо, вы можете быть свободны.

Рабочие ушли.

Теперь пришел черед допросить туземцев. Алиби не было только у двоих: прачки и торговца сувенирами, заодно продававшего и открытки.

— Как тебя зовут? — спросил Элдер у прачки.

— Джильда... я из Джайпура... из Инди-и-и...

— Прачка?

— Да-а... Там в подвале. Теперь, когда в доме больной сагиб... нам не разрешают... подниматься сюда-а-а...

— Где ты живешь?

— В прачечной... Раньше жила наверху-у, в маленькой комнатке... но когда в доме больной саги-иб...

— Это я знаю. Этой ночью ты не заметила ничего особенного?

— Луна... была вся в крови... Я такой...

— Как это ты увидела луну в подвале? А?! Джильда испуганно вздрогнула.

— Я... во... во сне...

— Не лги, не то я велю обрить тебя наголо...

В комнату вошел управляющий вместе с Мартином. Девушка умоляюще посмотрела на слугу.

— Если мне обреют волосы, я-я...

— Тихо! Одним словом, ты выходила из подвалов — почему и куда? Говори, иначе... — он схватил Джильду, собиравшуюся в страхе повалиться на колени, за плечо.

— Я встречалась с Ма... с Мартином... он такой сильный, и я его так люблю-ю...

— Она встречалась с вами?

— Да, — хмуро ответил Мартин.

Элдер ясно видел, что зашел в тупик и из дальнейших расспросов ничего не выйдет, хотя что-то во всем этом не так.

— Убирайся! — крикнул он девушке. — И помни, что я теперь с тебя глаз не буду спускать.

Девушка выскользнула из комнаты, втянув голову в плечи и бросив на Мартина полный отчаяния взгляд.

Теперь пришла очередь малайского торговца сувенирами. Костюм его здорово напоминал костюм водолаза — только что без шлема, но зато с ярко-синим галстуком. У шляпы не было полей, на ногах — ни ботинок, ни носков, зато на манжетах сверкали давно вышедшие из моды запонки, а в руках он вертел тросточку с костяным набалдашником. Из кармана ого костюма торчала туземная маска.

— Имя?

— Налайя Великолепный.

— Занятие?

— Раджа и торговец сувенирами.

— Что?!

— Я, по милости королевы, правитель острова и совладелец всех заведений для туристов на Малой Лагонде...

Это было уже сюрпризом для Элдера.

— Почему же ты тогда живешь вместе с другими в какой-то грязной комнатухе?

— Чтобы никто не догадался, кто я. Так часто делают в больших отелях, называется инкогнито.

— А... для чего ты занимаешься продажей масок?

— Чтобы зарабатывать деньги.

— Но ведь ты же мог бы жить, как большой сагиб, на свои доходы.

— Тогда мне надо было бы уметь торговать чем-то другим. Работать хорошо. Зарабатывать деньги хорошо, даже если это просто приработок. Это правда.

Он вытащил маску и с любовью посмотрел на нее. Элдер взял маску у него из рук.

— Это большая редкость на Лагонде?

— Очень большая, господин, такая, что и не найти.

— Откуда она у тебя?

— Из Лейпцига. Там это не редкость. Они их делают. У нас таких безобразных не делают, а там делают очень хорошо, очень безобразно. И это тоже большая правда.

— Где ты был этой ночью?

— Наверху. Дрался с тобою, и кто-то стрелял в меня.

— Что?! Это был ты?

— Я. Я пробрался к девушке, в полночь говорил с нею, а когда вышел, ты набросился на меня, я испугался... бух... бух... надо было убежать.

Элдер долго глядел в ухмыляющееся лицо малайца. Либо очень простое, либо уж очень хитрое объяснение.

— Скажи, раджа, ты знаешь, кто я такой?

— Это знают все. Ты умен и стар, словно крокодил, и королева платит тебе, чтобы ты был не знающей жалости ищейкой. Из-за этого тебя ненавидят и когда-нибудь убьют.

— Предположим... А ты знаешь, что я делаю с теми негодьями, которые пробуют обмануть меня?

— Ты их бьешь, и они от этого болеют. Но раджу нельзя бить.

В ответ он немедленно получил такую затрецину, что даже швейцар в холле на мгновение вышел из своей дремоты.

— Думаю, господин, что я ошибался. Наверное, все-таки можно, — угрюмо сверкнув глазами, проговорил Налайя Великолепный.

— Рад, что мы поняли друг друга. А теперь скажи, Налайя, чего ради ты забрался в чужую комнату и почему убежал от меня? Только говори правду.

— Я скажу правду, я очень-очень редко обманываю. Ночью кто-то разбудил меня. Я не видел — кто, было темно. Старый продавец газет, у которого в ящике, когда он крутит ручку, плачут души умерших младенцев, может подтвердить.

— Давай дальше.

Голос сказал: «Спустись в каморку, что рядом с прачечной и у тебя будет много денег». Я сразу заподозрил, господин, что это опять

какое-то злое волшебство белых людей — из тех, которые они называют аферами.

— Что ты несешь?

— Еще наследником трона я был кочегаром на пароходе и знаю, что такое цивилизация.

— Гм... Продолжай.

— В каморке было темно. Все тот же человек, которого я так и не видел, объяснил мне, куда я должен пойти, и сказал, что я не должен ничего там красть, а только получить какую-то тетрадь. Когда я принесу ее ему, он даст мне пятьдесят гульденов. Это очень хорошее предложение, господин.

— Больше он ничего не говорил?

— Нет.

Элдер оглянулся.

— Нет ли здесь где-нибудь плетки?

— Собственно... говорил, — быстро затараторил раджа, — что, если я столкнусь с кем-нибудь, то бояться не надо — он придет мне на помощь... Потом я поспешил назад в ту каморку, и по дороге меня сильно побил матросский офицер, потому что я в темноте наступил ему на лицо...

— Что ты рассказываешь?

— В коридоре подвала меня побил матросский офицер в серой форме. Это правда, так оно и было.

— Слушай, ты!

— Клянусь предками, я не выдумываю, белый господин с тяжелой рукой.

— Как выглядел тот, кто разговаривал с тобою?

— Я же сказал, что не видел его в темноте.

— Ты наговорил много лжи, раджа, и за это я в конце концов избью тебя так, что ты будешь долго болеть. И это очень большая правда.

— Но очень невеселая, господин.

— Убирайся! Фергюсон, пойдите с ним и допросите старого продавца газет.

Элдер обернулся к Вольфгангу.

— Вам известно что-нибудь о том, что рассказывал ваш компаньон?

— Абсолютно ничего. Единственное, что нас связывает, это старый договор. Помимо этого у нас с ним не было и нет никаких отношений.

Вернулся Седлинец.

— Пожалуйста... — Он протянул отпечатки пальцев. — Те и другие, несомненно, тождественны.

— Что это? — спросил Вольфганг.

— Отпечатки пальцев, — с особым нажимом ответил Элдер. Управляющий побледнел, раскрыл было рот и, не в силах держаться на ногах, вдруг сел.

Глава 40

За время ночных походов форма капитана Дикмана успела уже достаточно попортить нервы Феликсу. К рассвету в гостинице все наконец достаточно утихло, чтобы молодой человек решился пробраться к винтовой лестнице. Форму капитана в любом случае необходимо вернуть. Через несколько мгновений Феликс был уже в подвале.

Черт...

Неподалеку от лестницы сидела рядом с каким-то лакеем та самая полукровка. Они разговаривали вполголоса.

— Послушай, Ма-артин... Тот молодой господин передал через старшего официанта, чтобы я пришла к нему... Что рубашки будто плохо выглажены... Красивый господин, лицо — совсем как у ребенка, но для меня только ты-ы-ы...

— Что он хотел от тебя?

— Ты говорил, Мартин, что женишься на мне, если у нас будет тысяча гульденов и мы сможем открыть свое дело-о... Ты говорил, что мы открое-ем свою прачечную...

— Ближе к делу, пока нас тут никто не застал.

— Тот молодой господин с красивым лицом сказал: он даст тысячу гульденов. Если я помогу ему выбраться из карантина... Я должна пропустить его через прачечную, и он проберется по сточному каналу, тому, что с большой решеткой... Завтра вечером... в десять часо-ов...

— Значит, это он и убил того гостя. Девушка спокойно ответила:

— Ну, убил... Наверное, он иначе не мог, бедняжка. Гостей много, а мы с тысячей гульденов можем сразу пойти и обвенчаться...

— Да ты что! Если узнают, ты же десять лет получишь.

— Не узнают, Мартин... вот увидишь... Молодой господин красивый и умный, у него бе-елая кожа и длинные черные ресницы...

— Он — убийца.

— Ну, случилось так...

— Нам пора уже уходить отсюда. Я тебе скажу только вот что: будь поосторожнее!... И не впутывай меня, если что будет не так...

Послышался звук поцелуя. Потом Мартин ушел, а девушка, напевая, вернулась к себе в прачечную.

Пора было возвращаться и Феликсу. Хорошо, костюм Дикмана он повесит на место. Но что же одеть? Дальше, возле котельной, слабо светила синяя лампочка... Он увидел несколько засаленных спецовок и надел одну из них. Нашлись и стоптанные полотняные туфли... Так... Теперь можно уходить...

Он повесил на место вывешенный Дикманом для чистки костюм. Вид, правда, у костюма был сейчас такой, будто кто-то всю ночь катался в нем по полу.

А теперь к Мод!... Феликс осторожно проскользнул по лестнице, потом по коридору... Заглянул за поворот и испуганно отдернул назад голову...

Перед дверью Мод стоял полицейский!

Феликс сразу же понял, что произошло. Ее арестовали! Феликс повернулся и поспешил назад. Решительно, уже без всяких предосторожностей, поднялся на этаж выше и постучал в одну из дверей.

— Да!

Феликс вошел в комнату. Эддер, одетый в пижаму, сидел за столом и пил чай.

— Вы арестовали ее? — спросил Феликс.

— Только задержали.

— Когда я тогда ночью все откровенно рассказал, ты обещал, что забудешь все мною сказанное.

— Девушка сама призналась во всем перед капитаном. Мне больше ничего не оставалось делать. Пей чай.

Феликс мрачно прихлебывал кипящий напиток.

— Тетрадь не нашел?

— Нет. Всю одежду отнесли из канцелярии в прачечную и, когда я добрался до нее, там уже ничего не было. Кто-то опередил нас.

— Ей можно еще чем-то помочь?

— Надежда есть. Я даже уверен в этом.

— Слушай, Эддер, ты всегда был моим другом. И останешься им. Я же и минуты на тебя не сердился, когда ты следил за мной, словно за каким-нибудь арестантом, и даже костюм забрал, так что мне пришлось удрать в одной пижаме. Может, ты был и прав, выполняя

приказ моего отца. Я на тебя за это не сердился. Но если ты не сделаешь для этой девушки исключения, если будешь строго выполнять только то, что велит тебе твой долг... — Феликс умолк. — Я бывал очень легкомысленным, — начал он снова. — Сейчас совсем другое дело. Я люблю эту девушку и хочу жениться на ней. Если придется, то и после того, как она отбудет наказание. Я буду ждать у ворот тюрьмы, когда ее выпустят...

— Девушка она отличная...

— Но, может быть, до этого не дойдет. Слушай, теперь мне придется прятаться до самого конца.

— К сожалению. Мне бы следовало отыскать тебя раньше. А так у тебя нет и следа алиби.

— Вот именно. Тут уж ничего не поделаешь. Буду прятаться... Возможно, однако, что мне удастся сбежать отсюда, и тогда захвачу с собою и ее.

Последовала короткая пауза.

— А теперь ты выслушай меня, Феликс. Ты промолчал только что о том, чем я обязан тебе и твоему отцу: если бы вы не помогли мне поступить в полицию, я так и остался бы никому неведомым адвокатом без всяких шансов на будущее. Я никогда не забуду этого. Но если ты попытаешься бежать вместе с мисс Боркман, я буду смотреть в оба, арестую вас обоих и сделаю все, что велит мне долг полицейского. После этого я подам в отставку. Иначе я поступить не могу.

Феликс встал.

— Я понял.

— Поверь в меня и в справедливость. Не порть сам всего, будь терпеливей.

— Я не верю тебе. Прощай.

Феликс вышел из комнаты. Спорить с Элдером он даже не пытался, не воспользовался он и случаем, чтобы закончить бриться, хотя половина его лица заросла прямо-таки жуткой щетиной. Он поспешил к комнате девушки.

— Что вам нужно? — спросил полицейский, слегка изумленный появлением выбритого до половины незнакомца в спецовке.

— Можно сюда? — громко сказал Феликс — Надо починить кран для горячей воды. Вызывали по телефону.

Полицейский постучал и приоткрыл дверь. Феликс встал у самого порога, чтобы Мод могла его увидеть.

— Нужен слесарь? — спросил полицейский.

— Да, — ответила Мод. — Я вызывала.

— Только быстро, — сказал Феликсу полицейский, отодвинулся в сторону, чтобы пропустить его, а затем, козырнув Мод, вернулся в коридор.

Как только дверь захлопнулась, Феликс бросился к Мод и поцеловал ее руку.

— Тетрадь? — спросила девушка.

— Пропала... исчезла. У нас очень мало времени, Мод... Одним словом: соберите самые необходимые вещи и будьте в любую минуту готовы бежать.

— Нет.

— Да послушайте же!

Они говорили почти грубо. Феликс привлек девушку к себе и крепко обнял ее.

— Убежим вместе, Мод. Мы уедем в Америку. Лишь бы выбраться отсюда, а на любой корабль мы проберемся шутя.

— Я не хочу... никаких... жертв, — слабо возразила она, прижимаясь к Феликсу.

— Я люблю вас, Мод. Все остальное не имеет значения! Я люблю вас и, хоть убежим мы, хоть нет, буду во всем вместе с вами...

Их губы уже почти касались друг друга...

Глава 41

Когда Феликс вышел в коридор, в отеле уже начала пробуждаться жизнь. Жильцы спешили к умывальникам, все, как один в пижамах, мыло и зубная паста в руке с перекинутым через нее полотенцем.

Со стороны лестницы слышно было позвякивание, это начали разносить по комнатам жаровни с горящими углями. В нескольких комнатах ржавчина начала разъедать металлические вещи жильцов, а выглаженное начало покрываться плесенью, появляющейся в сыром тропическом воздухе уже через два-три дня. Центрального отопления в «Гранд-отеле» не было — котельная служила лишь для обслуживания кухни и прачечной — и доведенный до отчаяния управляющий решил на время карантина установить в комнатах жаровни.

Несмотря на гнетущую жару, все были рады «отоплению», потому что стены начали пропитываться сыростью, а от москитов не спасал даже удушливый запах раскиданных повсюду трав.

Климат даже в самом начале сезона дождей стал невыносимым для европейцев. Случаев чумы, правда, больше не было, но начала распространяться малярия. Мисс Йоринс совершенно не могла передвигаться из-за приступа ревматизма. Головные боли, бронхит и расстройства желудка изводили гостей. Иногда остров был часами окутан желтовато-розовым туманом, а потом начинал без перерыва хлестать тропический ливень.

В баре поглощалось невероятное количество спиртного. Оно согревало и на время снимало напряжение — ... Гости нервничали, часто ссорились, заводили интриги, а в одном из номеров верхнего этажа застрелился английский лорд, бывший, как потом оказалось, растратившим деньги и сбежавшим из Голландии инкассатором... Уже после первых ливней из сырой земли полезли целые полчища насекомых и червей. Опрыскивание нефтью от муравьев только добавляло новый отвратительный запах к и без того невыносимой атмосфере.

Одетта Дюфлер, красавица-бельгийка, отравилась лекарством от астмы — адреналоном и сейчас была на грани жизни и смерти; никто не знал причины ее поступка.

Некоторые без конца играли в карты. У графини Петровой то и дело случались истерические припадки, Маркхейт использовал против них все известные ему средства, но единственным результатом было то, что у него куда-то исчезли карманные часы...

Феликсу сейчас больше всего хотелось побриться. Пока он продолжал слоняться по коридорам. Наконец из одного из номеров вышел Эрих Крамарц, похожий на кинозвезду молодой человек с совсем детским лицом и красиво изогнутыми, явно подстриженными рукой искусного мастера бровями. Ему не было на вид и тридцати лет. Из нагрудного кармана высовывался кончик шелкового платочка, двубортный костюм был шедевром портного.

Насвистывая, Крамарц зашагал прочь.

Феликс отворил универсальным ключом номер Крамарца и поспешил в ванную.

Прежде всего побриться! Но только он начал намыливать лицо, в замке скрипнул ключ.

В номер вошел Крамарц с миссис Гулд. Той самой пышной красоткой бальзаковского возраста.

— К чему это, Марджори? — нетерпеливо и раздраженно сказал молодой человек. — Если уж решилась, то нечего мучиться.

— Пойми, Додди... все не так просто... — дрожащим голосом ответила миссис Гулд. — Если мы уедем отсюда и Артур узнает обо всем, тогда уже... всему будет конец.

— Но ведь с тобою я...

— Сейчас. А если через год тебя не будет со мною? Додди! Я ведь оставляю не только мужа, а и ребенка... У меня нет никого, кроме тебя...

— Разве этого мало? Я люблю тебя, Марджори...

— Тебе только двадцать шесть лет... а мне...

Миссис Гулд было сорок два. Красивое лицо, но все же уже женщина в возрасте. В уголках глаз и на шее уже появились морщины, хотя пудра пока что хорошо скрывала их.

— Мы уедем в Каир, Марджори. Я найду себе какое-нибудь хорошее дело...

— А если не получится?

— Получится!

— Сколько надеешься получить за мои драгоценности?

— Хорошую цену. Камни отличные, особенно брильянты... Первым делом обзаведемся маленьким уютным гнездышком, и еще в избытке останется... Мы будем счастливы, Марджори.

— О Додди... Мне так тяжело. Молодой человек обнял ее.

— Это все из-за здешнего проклятого климата. Тут у любого нервы не выдерживают...

— Нет... нет... я боюсь тебя... Кто ты, собственно?

— Ты снова намекаешь на то, что я был танцовщиком? Может быть, презираешь меня за это?

— Не сердись, Додди!

— Я уже по горло сыт этим!

Он открыл письменный стол и поставил перед нею шкатулку.

— Пожалуйста, вот твои драгоценности! И уезжай домой.

— Не сердись, Додди. Я не хотела тебя обидеть.

— Меня оскорбляет то, что ты упрекаешь меня моим прошлым! Я готовился стать инженером, но отец заболел, нужны были деньги, вот и пришлось танцевать...

— Я знаю, знаю... Извини, но... я люблю тебя и одновременно боюсь... Не сердись...

Он снова обнял ее.

— Маленькая глупая Марджори... Верь мне.

Феликс с приобретенной опытом ловкостью выбрался через окно на пожарную лестницу, а оттуда снова в коридор. Что делать? Придется спуститься в подвал. Только там найдется, пожалуй, спокойное место, где можно будет побриться... Он поспешил к винтовой лестнице.

В подвале тоже не было спокойно. Вокруг котельной вертелись рабочие... Феликс заметил приоткрытую железную дверь, ведущую в один из боковых коридоров.

Склад! Здесь хранились пустые чемоданы жильцов. Пару чемоданов как раз укладывали в стоявший внизу грузовой лифт.

— Склад оставь открытым, пусть проветрится. И надо будет поставить жаровню, а то все чемоданы заплесневеют, — сказал Мартин лифтеру, и лифт тронулся наверх.

Феликс проскользнул внутрь, подальше в глубину склада. В конце было небольшое, выходящее в сад вентиляционное окошко. Вонь стояла тут, действительно, невыносимая. Он и не представлял, что

заплесневевшая кожа может издавать такой отвратительный запах. Феликс пробрался поближе к окошку, он чувствовал, что ему станет дурно, если он немедленно не глотнет немного свежего воздуха. Он отодвинул в сторону пару чемоданов, толкнул еще один стоявший на дороге большой чемодан, но он не сдвинулся с места... Почему он такой тяжелый? Приостановившись, Феликс толкнул его так, что чемодан отодвинулся к самой стенке.

Усевшись на пол, Феликс вытащил бритву с надписью «Сидни Крик» и крем для бритья... Запах, однако, здесь был невыносимым. Придется подвинуться еще ближе к окошку... Кошмар просто.

Он снова толкнул чемодан. Крышка внезапно открылась, и на пол к его ногам вывалился труп.

Это был труп миссис Вилльерс!

Глава 42

Феликс стоял неподвижно, словно окаменев. Покрытый запекшейся кровью труп с приоткрытым ртом и неподвижными глазами лежал перед ним, словно какое-то кошмарное видение, а душливый запах с каждым мгновением все сильнее заполнял подвал.

Не обращая ни на что внимания, Феликс, спотыкаясь, направился к выходу.

— Черт бы побрал все эти проплесневевшие чемоданы, — услышал он чей-то голос — Закройте склад.

Железная дверь захлопнулась. Феликс чувствовал, что еще немного и он потеряет сознание. Взобравшись на какой-то сундук, он дотянулся до окна и, не думая уже о том, что кто-то может его увидеть, выбрался на свежий воздух. К счастью, шел дождь и в саду не было ни души. Сделав несколько шагов, он заглянул в ближайшее окно. Прачечная! Отлично! Он быстро забрался в окно. В комнате были поставлены кровать и столик. На время карантина сюда поселили Джильду. На столике небольшой несессер. Интересно, украла она его или просто кто-то забыл его здесь?

Тяжело дыша, Феликс присел и обеими руками сжал голову. Что происходит?

Миссис Вилльерс кто-то убил. Феликс ясно видел жуткую рану на горле. Кто убил ее? Додди! Мерзавец. Та сицилианка говорила миссионеру, что миссис Вилльерс приехала сюда вслед за Додди. Миссис Гулд, конечно, та другая женщина, которая убежала от мужа. Эддер даже упоминал его имя: Артур Коклин. Додди хочет теперь сбежать с драгоценностями своей возлюбленной. Миссис Вилльерс представляла серьезное препятствие для планов Додди, поэтому он убил ее, спрятал труп в чемодан, а потом просто отправил его на склад. Сегодня вечером он скроется вместе с драгоценностями Марджори, и делу конец...

Сказать Эддеру? Нет! Он, Феликс, тоже ведь хочет бежать вместе с Мод через сточный канал. Если Додди схватят и он откроет свой план бегства, тут поставят часового...

Пусть этот мерзавец бежит! Ведь речь идет о Мод.

Пусть Додди бежит, и пусть бог накажет его...

Феликс немного успокоился. Он подошел к круглому, прикрытому решеткой входу в канал. Как раз таких размеров, чтобы мог пролезть человек. В глубину вела железная лесенка.

Теперь в первую очередь побриться. Феликс вернулся к столу. Может быть, в несессере найдется зеркальце. Раскрыв несессер, он убедился, что когда-то там и впрямь были бритвенные принадлежности, но теперь там было полно вещей, вне всяких сомнений украденных из комнат рассеянных жильцов: черепеховый гребень, набор для шитья, пудреница...

Он захлопнул несессер. Не беда — можно обойтись и без зеркальца. Он начал уже шарить по карманам, пытаясь найти куда-то девавшуюся бритву, когда услышал голоса.

Феликс быстро скрылся под кроватью. Увы, так все время. Под кроватью, на пожарной лестнице или в шкафу. Теперь и отвыкнуть уже будет трудно. Вошла Джильда. Напевая, с корзиной белья в руках. Она включила свет, потому что уже начало темнеть.

— Эй! Джильда! — крикнул кто-то. — Быстрее сюда!

— Что случилось?

— В складе нашли труп!

Джильда выбежала. Мартин и мальчишка-лифтер нашли труп, когда вернулись в склад с жаровней. Сейчас вокруг трупа кольцом стояли рабочие и слуги с перепуганными лицами.

— Ближко не подходить! — крикнул Мартин. — Там могут быть следы!

Появилась полиция, за которой послали негритенка. Капитан, Элдер, Маркхейт и несколько полицейских.

— Так я и знал, — кивнув, сказал инспектор. — Миссис Вилльерс.

Началось следствие. Через полчаса торговец Вангольд был арестован, после того как он сам признался, что найденная рядом с трупом, у которого было перерезано горло, бритва с надписью «Сидни Крик» принадлежит именно ему.

Глава 43

Был уже вечер. Джильда, все-так же напевая, вернулась к себе в комнату. Чуть позже вошла горничная, задержавшаяся, потому что ее допрашивала полиция. Теперь они вместе начали разбирать корзину. Джильда вынимала белье, а горничная пересчитывала его.

— Две простыни... один пододеяльник...

— Наволочку не считай, это моя... Они допрашивали тебя?

— Ну да... спросили — обхожу я по ночам коридоры?... А как же, говорю, — инспекция! Они тогда спросили — не видела ли я чего-нибудь подозрительного? Я сказала... в коридорах все было тихо... а господин Вангольд — настоящий кавалер. Раз дал мне гульден, чтобы я отнесла письмо и цветы графине Петровой... А на другой день опять дал гульден, чтобы я отнесла еще одно письмо, но графиня велела передать ему на словах, что никакой золотой авторучки он у нее не оставлял... Он, бедняга, все время плакал и просил полицейских, чтобы ему разрешили поговорить с женой... по телефону...

«Бедный Вангольд» — подумал под кроватью Феликс, невыносимо страдавший от ползавших по нему муравьев и сороконожек.

— Вот если бы они спросили о четвертом этаже, тогда было бы чего рассказать. Свинство просто... Губернатор каких-то там островов, этот самый Шиллинг, и капитан Дикман на прошлой неделе перехватили сигареты, которые прислали откуда-то Брунсу. Подкупили портье... Три матраца... Я случайно услышала. Они тогда дали мне пятьдесят гульденов и сказали, что, если я буду держать язык за зубами, получу еще пятьдесят... чтобы я отнесла эти сигареты Брунсу, будто они так и пришли прямо по почте... А этот Брунс доставляет контрабандой оружие в Китай. Мне Фердинанд рассказывал. Это большое преступление, если вывозить тайком куда-то оружие с Явы. У него куча денег, хотя когда-то он был простым матросом и даже в тюрьме сидел... А теперь для него даже, сигареты специальные делают, чтобы табак был по его вкусу и его фамилия на ободке...

— О-о... это тот коренастый, который когда-то побил лифтера?

— Тот самый... А потом дал ему пятьдесят гульденов, потому что он неплохой человек, только большой грубиян... Теперь-то он уже ни с кем не дерется, потому что его отравили и он умирает. Это мне тоже Фердинанд сказал. Фердинанд — человек экономный и сигареты не покупает, а ворует у гостей. И он заболел от них. Тогда он решил, что этого Брунса хотят отравить, обыскал тайком комнату Дикмана и нашел там какой-то яд, который делают из конопли и мака. Если этот яд курить, он медленно убивает человека... Фердинанд сказал, что этого нельзя так оставить, потребовал у капитана и того англичанина денег и теперь сможет купить мотоцикл с коляской... Восемь голубых шелковых пододеяльников положи отдельно, это той бельгийки Одетты. Все шелковые, а вот решила же покончить с собой. Мартин говорит, что какой-то сахарозаводчик ухаживал за ней, а потом решил бросить, и вот из-за этого...

Феликс уже не обращал внимания на насекомых. Лежа на животе под кроватью, он весь обратился в слух... Он вспомнил, что ему тоже было плохо, когда он выкурил сигарету «Брунс». Конечно! Они отравили сигареты! И они оставляли на пороге мимозы — весточку от Ли Синг. А Брунс-то думает, что это ее проклятие...

— ...А потом Фердинанд подслушал, как Дикман сказал Шиллингу: «...этот Брунс становится слишком опасным конкурентом. Для двух фирм тут нет места.» И тогда им пришлось еще дать ему летний костюм и бинокль. Лидия тоже берет деньги у одного адвоката с Явы за то, что молчит о его ребенке, который воспитывается тут в миссии, а на третьем этаже лифтер шантажирует одну даму...

— Только у нас в прачечной никаких приработков... В коридоре погас свет. Горело только несколько небольших синих ночных лампочек...

— Спокойной ночи, — сказала горничная и вышла с пустой корзиной. Джильда выключила свет, но раздеваться не стала. Она ждала...

Издалека послышался гул: в котельной загружают уголь. И снова тишина, которую нарушал только ровный шум дождя... Прошло полчаса.

Стук в дверь.

— Мартин?...

Ответа не было. Джильда отворила дверь, и кто-то вошел в комнату.

— Не зажигайте свет... Это я, — прошептал Крамарц. — Открывайте люк и получите деньги... Только не забывайте, что вам за это грозит десять лет. Так что держите язык за зубами.

— О... сагиб... Джильда... будет молчать...

Двигаясь в почти непроглядной темноте, молодой человек и девушка порядком шумели, так что Феликс смог выбраться из-под кровати. Вслед за Крамарцом и прачкой он тоже направился ко входу в канал. У Крамарца был при себе только крохотный чемоданчик. С драгоценностями миссис Гулд!

— Немного тяжело... поднять, — прохныкала Джильда, возясь с решеткой.

— Отодвиньтесь! — Крамарц отложил чемоданчик, вытащил что-то из кармана, немного повозился с решеткой... скрип... Люк был открыт, послышался шум воды. Крамарц схватил чемоданчик, протянул девушке деньги... Снова опустив за собой крышку люка, он поспешил вниз по ступенькам лестницы...

С писком бросились врассыпную крысы. Крамарц прижался к самой стене, чтобы случайно не свалиться в воду канала. У каждого поворота сквозь густые испарения тускло светила лампочка... Примерно за десятым он увидел, наконец, ведущую вверх лесенку... Поднявшись по ней, он прислушался. Тишина... и плотный, тяжелый туман... Снова воспользовавшись своим инструментом, он поднял крышку... и был на свободе!

Он очутился в туземном квартале, почти у самого берега. Через нару минут на перекрестке он услышал топот бегущего рикши. Крамарц громко хлопнул в ладоши, и рикша подъехал к нему.

— В порт, — сказал Крамарц, садясь.

...Через час Крамарц был уже на пароходе, идущем в Сурабаю. Облегченно вздохнув, он присел на узкую койку и открыл чемоданчик, чтобы взглянуть на драгоценности, чудесные драгоценности Марджори.

В чемоданчике было почти пусто. Черепаховый гребень, набор для шитья, пудреница... словом, всё то, что Джильда привыкла заимствовать у жильцов... И никаких драгоценностей.

Побледнев, с искаженным лицом он выронил чемоданчик, и вещицы рассыпались по полу каюты.

Глава 44

Вновь включив свет, Джильда замерла от испуга. Перед нею стоял выбритый до половины незнакомец с чемоданчиком в руке.

— Слушай! Ты помогла кому-то бежать из карантина! За это отправляют прямо на Сумбаву.

— Умоляю, сагиб...

— Для тебя теперь только одно спасение! Самое большее через полтора часа сюда придет белая госпожа. Если ты сможешь ей бежать через канал, я буду молчать о том, что тут было. Если тебя здесь не будет, я заявлю в полицию.

— Я буду, сагиб.

Феликс вышел в коридор. В руках у него был чемоданчик с драгоценностями Марджори. В темноте, пока Додди возился с решеткой, он подменил его на несессер Джильды.

У одной из дверей словно вымершего коридора он остановился и прислушался. Хриплый плачущий голос говорил:

— Увы... два дня назад... я был совсем другим... Я тоже умираю. Это заразное проклятие...

— Мне очень жаль, Хеккер, — проговорил другой плачущий голос — Ты мне... даже нравишься. Ты поделил мое... предсмертное одиночество... Спасибо...

— Я...

Чиркнула спичка. Кто-то закурил.

— Знаешь... — тяжело дыша, проговорил Брунс, — я бы многое... делал теперь по-другому... если бы... если бы не надо было умирать... Скотина я был... У меня же столько денег... столько денег... а я никогда не делал ничего... ничего хорошего... Сейчас уже поздно... Меня проклинали...

— Я все думал, что все это сказки...

— Я тоже... А теперь оказывается, что нет. После третьей мимозы... теперь уже нет спасения...

— Но я-то причем... без всяких мимоз?!...

— Ты попал... под проклятие... Глубокий вздох.

— Плохо я жил, Хеккер...

— У меня кружится голова... мистер Брунс...

— Не зови меня... Брунс... я — Герман Торн... Только я не живу под этим именем... Когда-то в Каире я ограбил судовую кассу... меня разыскивали... Теперь уже можно об этом сказать.

Тишина.

— Где те старые... добрые времена.

Феликс вошел без стука и быстро сказал двум остолбенело глядевшим на него мужчинам:

— Коротко, у меня нет времени. Скажите спасибо и не вздумайте выяснять, кто я. С вами ничего страшного. Проклятие — чушь. Сигареты отравлены, не курите их. Пейте побольше спиртного и черного кофе, и через два дня будете в полном порядке...

— Откуда... вы знаете?

— Ваши конкуренты по контрабанде отравили сигареты. Скорого вам выздоровления.

Феликс выскользнул в коридор и затворил за собою дверь.

Брунс, исхудавший, с покрытым желтыми пятнами лицом, ошарашенно глядел на дверь.

Потом он переглянулся с Хеккером. Приговоренных к смерти было двое, потому что и Хеккер был в жалком состоянии. Впавшие, окруженные темными тенями глаза. Но Хеккер уже схватил бутылку с виски и прижал ее к губам.

— Сволочи... — прошипел Брунс. — Это все англичане... Но они пожалеют... потому что, если только я и впрямь выздоровею, горе им... Эй! Дай-ка мне бутылку, ты, пропойца!

— Что? — довольно пыхтя, сказал Хеккер. — А я только что думал, что, если вы поправитесь, то станете преподавать в воскресной школе.

— Глупости! Я покажу им... сволочам... чего ты скалишь зубы?

— Я только... подумал. — Хеккер икнул. — Кстат-ти: не хотите спеть что-нибудь?

— Нет!

— Между прочим... из меня получится хороший секретарь...

— У меня нет секретаря. И никогда не будет!

— Но... может, вы еще передумаете, мистер Герман Торн...

Брунс почесал подбородок и тихо сказал:

— Что ж, не исключено, что он мне понадобится...

На следующей день в журнале Маркхейта было отмечено, помимо нескольких случаев малярии, два случая острого алкогольного отравления.

Глава 45

...Молодой человек, как тень, проскользнул по коридору. Перед дверью Мод часового не было... Может быть, инспектор все же решил им помочь?... Феликс постучал, а затем повернул ручку и вошел...

В полумраке в кресле, на обычном месте Мод, виднелась какая-то тень.

— Мод... — неуверенно прошептал Феликс.

— Ее здесь нет, — ответил спокойный голос. В кресле сидел Элдер.

— Где она?!

— В надежном месте. Узнав, что ты хочешь бежать с ней, я принял меры предосторожности. Мод под хорошей охраной.

— Элдер!

— Слушай, старина, здесь справедливость борется с преступлением. И справедливость, пусть на свой нелегкий манер, но должна победить. Я верю в это, ради этого живу и своих убеждений не продаю. Девушку необходимо очистить от подозрений. Убежать сейчас — значит лить воду на мельницу преступника.

— А если ее не удастся оправдать?

— Тогда... тогда...

— Тогда ты погубишь ее... Элдер задумался.

— Спокойнее, Феликс. У нас немало шансов. Я ищу ковер. Уничтожить его не так-то просто, спрятать, не посвящая в дело персонал отеля, тоже... Сжечь его не могли... Если я найду ковер, мы победили!

— О каком ковре ты говоришь?

— Персидском ковре цвета ржавчины.

— Так ведь... когда я купался... Вольфганг отнес его в сто вторую комнату.

— Что ты говоришь?! Ту, где обвалилась стенка?

— Да.

— Господи, если бы я знал об этом раньше... Почему же ты не сказал мне... Пошли! — Феликс никогда еще не видел Элдера таким взволнованным.

Они поспешно вышли из номера...

...Ковер был все там же — в сырой, затхлой комнате. Элдер опустился на колени, а потом...

Феликс чуть не сел на пол от изумления. Инспектор, растянувшись на ковре и прижавшись к нему лицом, старательно обнюхивал его...

— Да... — прошептал он наконец. — Я оказался прав... — Глаза Элдера заблестели. — Тебе не понадобится бежать, старина. Теперь все стало на свои места! Давай-ка, свернем его...

В это мгновенье свет погас...

— Берегись! — крикнул Элдер, но было уже поздно. Феликс свалился без чувств, получив удар по голове от кого-то, проскользнувшего в открытую дверь. Элдер трижды выстрелил. Послышался свист пуль, рикошетирующих от стен, однако стрелял инспектор не в нападавшего, а в воздух.

Из ковра вдруг полыхнуло пламя. Судя по запаху, незнакомец облил его эфиром и, бросив спичку, немедленно кинулся прочь, так что Элдеру, которому мешал лежавший на полу Феликс, не удалось его схватить. Подхватив Феликса на руки, Элдер вытащил его в коридор и бросился в погоню... Словно по сигналу, в разных местах коридора вспыхнули фонарики расставленных там полицейских. Элдер, перепрыгивая через ступеньки, бежал по лестнице...

Убегавший от него видел, как на каждом этаже вспыхивают фонарики... Позади погоня... впереди поднятые по тревоге полицейские... Он растерянно остановился...

Элдер, бросившись вперед, схватил его за горло, и оба упали на пол.

— Свет сюда! — крикнул Элдер. — Теперь-то ты попался, мерзавец, игра окончена.

Незнакомец безнадежным тоном ответил:

— И это очень большая правда, господин.

Глава 46

Стоявший на посту у распределительного щита полицейский свалился без сознания от неожиданного удара.

Когда из рубильника вырвался пучок синих искр и стало темно, после короткой паузы издали прозвучали три выстрела. Ударивший полицейского бросился бежать — наверх, поскорее в свою комнату...

Он отшатнулся, ослепленный ярким светом. Луч фонарика ударил ему прямо в глаза, впереди маячил ствол полицейского револьвера.

— Руки, Вольфганг! — крикнул Седлинец. — И побыстрее! Прежде чем Вольфганг пришел в себя от изумления, на нем уже были наручники и его втащили в его же собственную комнату. Через пару минут ввели и Налайу Великолепного — тоже в наручниках и с разбитым носом.

Капитан старался навести порядок на этаже.

— Все по своим комнатам! — надрывался он. — Ничего не произошло! Не надо паники!

При последних словах кое-кто из гостей свалился в обморок. Подбежавший полицейский доложил:

— В отеле пожар!

Капитан разбил стекло сигнального устройства на стенке коридора, через несколько секунд взвыла сирена, и начали появляться пожарники.

Пожар в «Гранд-отеле»! Вырывавшееся из одного из окон пламя освещало все далеко вокруг!

К счастью, очаг пожара оказался незначительным, и вскоре собравшиеся в холле гости смогли вернуться по своим комнатам.

Элдер занялся арестованными только после того, как убедился, что Феликс пришел в себя и уже без посторонней помощи идет рядом с Маркхейтом.

Прежде всего инспектор подозвал к себе тех полицейских, которым было приказано, если вновь погаснет свет, немедленно занять назначенные места и не покидать их, что бы ни произошло. Места эти были выбраны вдоль лестницы и в нескольких комнатах.

— Где Фергюсон?

Лейтенант поднялся с места. Кровью, стекавшей со лба, у него было залито чуть не пол-лица.

— Что с вами?

— Я стоял... в проходе на первом этаже... как было приказано... Кто-то шел... я схватил его... он оказался быстрее...

— Далеко бежать он не мог! Обыскать дом! — крикнул Элдер. — Надо искать человека в красной клетчатой пижаме... Действуйте!

...Феликс быстро прошел в прачечную. Там было темно. Феликс догадывался, что тот, кого он ищет, бежал именно здесь.

— Джильда!

— Я здесь, сагиб... — Вспыхнул свет. Девушка, дрожа, стояла перед ним.

— Я ищу человека в пижаме. Джильда молчала.

— Если ты выпустила его, так и скажи. Тогда тебе ничего не будет. Иначе ты погибла.

— Он бежал отсюда, сагиб.

— Как он выглядел?

— Я не видела лица... он завязал его платком...

— Хорошо, Джильда.

На этот раз решетка поднялась легко. Сегодня ее снимали уже третий раз.

Феликс быстро спустился по лесенке и побежал. Крысы врасыпную кидались от него...

Остановившись, он услышал звук далеких шагов. Кто-то бежал, бежал изо всех сил...

За одним из поворотов Феликс увидел беглеца. В пижаме, с головой, обвязанной на пиратский манер платком...

Вот он обернулся и увидел преследователя. Снова побежал!

Феликс бросился вслед за ним. Следующий поворот... В узком, сводчатом туннеле два выстрела прогремели оглушительно, разрывая барабанные перепонки...

Молодой человек, словно наткнувшись на что-то, остановился и привалился к стене. Все вокруг вдруг потемнело...

...Человек в пижаме продолжал бежать. Он уже давно миновал то место, где поднялся наверх Крамарц. Вот, наконец, лесенка... Собрав все силы, он вскарабкался по ней наверх...

Он стоял уже на асфальте. Тяжело дыша, огляделся вокруг...

Внезапно его окружило кольцо полицейских и солдат...

Он выхватил револьвер, но сильный удар по руке заставил выронить оружие.

— Нет... Это было бы слишком просто, — проговорил, шагнув вперед, Элдер и сорвал платок с лица человека в пижаме...

Стоявшие вокруг испуганно отшатнулись. Лицо арестованного было покрыто безобразными багровыми шрамами.

— Мингер профессор Декер, вы арестованы. Щелкнули наручники.

Глава 47

...Когда Феликс пришел в себя, то обнаружил, что лежит в постели, а над ним склонилась Мод.

— Как вы себя чувствуете?

Феликс улыбнулся и взял девушку за руку.

— Хорошо... отлично.

— У вас прострелено плечо, но легкое пуля не задела. Маркхейт сказал, что вы потеряли сознание больше от истощения, чем от раны... Выпейте чаю.

— Чем все кончилось?...

— Спокойнее... сначала выпейте чай, а потом поговорим.

Поговорить, однако, не удалось. Не успев сделать последний глоток, Феликс вновь уснул. Проснулся он поздно вечером. Мод сидела рядом. Феликс чувствовал себя посвежевшим и совсем здоровым. Он тронул девушку за руку...

— Мод... я хочу знать, как у вас дела? Девушка улыбнулась.

— Да как сказать? Арестована...

— Элдером...

— Нет, — ответила Мод, — вами. По мнению Элдера, я попала из огня да в полымя, — она наклонилась совсем близко к нему, — потому что вы больше... не отпустите меня на свободу... Это правда?

...Они оторвались друг от друга, только когда в комнату вошел инспектор.

Элдер крепко пожал руку Феликса.

— Только что я говорил по телефону с твоим отцом. О том, что ты ранен, я не сказал.

— Правильно сделал. Представляю, как старик разнервничался, когда увидел, что в отеле пожар. Элдер еще раньше сообщил ему, что я здесь, — сказал он, обращаясь к Мод.

— Вы уже рассказали ему, мисс Боркман, об эпилоге всего этого дела?

— Феликс только что проснулся. К тому же мне казалось, что лучше это сделать вам. Я ведь сама многого не знаю.

В дверь постучали. Вошел официант с подносом.

— Значит, как все это было?... — начал Элдер. — Что вы копаетесь, Фердинанд?

— Подслушивать нет смысла, — заметил Феликс — Получите от меня летний костюм и бинокль, а сейчас убирайтесь прочь.

Стаканы зазвенели в трясущихся руках официанта.

— Но, прошу прощения...

— О мотоцикле с коляской не может быть и речи. Марш! Побледневший Фердинанд пулей вылетел из комнаты.

— Профессор Декер — первостатейный мерзавец, — начал Элдер.

— Что?... — не веря своим ушам, воскликнул Феликс.

— А ты еще не знаешь об этом? Декер и был тем привидением, тем шантажистом, который заставил вас поверить в то, что он Боркман.

— Я думала, что с ума сойду, когда узнала об этом, — сказала Мод.

— Ну, а я подозревал это с первого дня. Правда, старые, еще из России, корни этой истории были загадкой и для меня до тех пор, пока Декер не начал давать показания. Он учился в Москве вместе с матерью мисс Боркман и был влюблен в красавицу-студентку. На сцене, однако, появился князь Сергей, пользовавшийся уже тогда фальшивыми документами на имя Боркмана. Девушка полюбила его, и они поженились. Задетый в своем самолюбии Декер начал наводить справки о Боркмане, которого он ненавидел, и выяснил, что это фальшивая фамилия. Однако он не подозревал, что за ней скрывается князь Сергей. Через много лет он случайно узнал, что настоящий Боркман, именем которого воспользовался князь, грабитель и убийца. Ненависть и ревность не угасли за эти годы. Он написал донос на «Боркмана» — Сергея, жившего, как он выяснил еще раньше, вместе со своею маленькой семьей в Ачинске. На основании этого доноса князь Сергей был бы, разумеется, арестован, однако его дружба с начальником милиции перечеркнула планы Декера. В Шанхае Сергея узнали, и ему пришлось расстаться со своей семьей и вновь стать князем. Декеру удалось вновь напасть на их след, и он тайно следил за ними. Когда мать с двумя детьми приехала в Шанхай, он инсценировал случайную встречу, выступив в роли старого друга. Декер, словно ангел-хранитель, принял на себя заботу о семье, забрал ее с собою на

Яву и всячески старался показать свое великодушие. Все было напрасно: женщина была благодарна ему за доброту, но ни на минуту не забывала князя Сергея. Однако, она настолько поверила Декеру, что раскрыла ему свою тайну: ее муж не Боркман, а князь Сергей. Врач — потому что тогда он еще не был профессором — обнаружил перед собой вместо недостижимой вполне реальную цель. Он отправился на несколько недель в Париж и начал шантажировать князя, сделав вид, что он и есть настоящий Боркман. На деньги, добытые шантажом, он оборудовал свою первую лабораторию на Яве, на эти самые деньги он был щедр с семьей Боркманов и на них же вел свою двойную жизнь. Солидный профессор, отправляясь в отпуск на Таити или Гавайи, жил там на широкую ногу, имел виллы, яхту, любовниц, играл в рулетку, а потом, вернувшись на Яву, вновь становился серьезным ученым, делавшим и впрямь ценные работы. Бананоксид был его крупнейшим достижением: государство заплатило ему пятьдесят тысяч гульденов за это открытие.

Азарт и игра на бирже к этому времени практически разорили его. Эти пятьсот тысяч могли только отсрочить крах. И он решил получить еще столько же. Он знал, что одно государство охотно заплатило бы такую сумму, лишь бы вырвать из рук голландцев монополию на Бананоксид. Однако, пойдя он на такую сделку, ему пришлось бы пожертвовать своим положением и репутацией. И тогда в его голове родился план: применив шантаж, заставить свою ассистентку Мод украсть описание Бананоксида и бежать с ним. В этом случае, поскольку личность преступника не вызывала бы сомнений, профессор остался бы, разумеется, выше подозрений. Дальнейшее разыгрывалось уже здесь. Мисс Боркман вынуждена была взять заметки, хотя и считала, что из-за Боркмана обкрадывает своего шефа. Она ведь не знала, что это один и тот же человек. Выполняя указания Боркмана, она приехала в «Гранд-отель» и купила билет на самолет, чтобы бежать дальше. Декер воспользовался поездкой на конгресс, чтобы не быть на месте во время кражи. Сбрив бороду, он инкогнито приехал сюда и поселился в дешевом номере на первом этаже. Ночью он уж сумел бы в качестве Боркмана забрать у Мод тетрадь так, чтобы она не встретилась с ним лицом к лицу.

— Она должна была положить ее у порога двери, — сказал Феликс.

— К счастью, тут в ход драмы вмешалась трагикомедия. Два мошенника, Вольфганг и Налайя Великолепный, десять лет назад вознамерилась превратить Малую Лагонду в курорт. Они получили концессию на десять лет, которые истекают как раз сейчас. Дальше банк взял бы все предприятие в свои руки. Оба мошенника решили, что надо получше использовать оставшиеся в их распоряжении деньки. У них возникла идея: продлить сезон еще хотя бы на три недели. При восьмидесяти жильцах в отеле это означало бы дополнительную прибыль в добрую сотню тысяч гульденов. Но как продлить сезон? С помощью карантина. Он длится как раз три недели. Налайя знал о существовании сока ядовитого растения, вызывающего характерные для бубонной чумы симптомы — только без смертельного исхода. Они выбрали среди гостей жертву — серенького человечка, которого ради доброго дела не грех немножко отравить. Тут профессора Декера подвело его инкогнито. Пришлось, правда, до некоторой степени посвятить в дело официанта, который должен был влить яд в кофе профессора, и дать ему за это пятьдесят гульденов. Мелочность уже не раз губила преступников. Так, в конечном счете, оказалось и на этот раз. Официант подал Декеру отравленный кофе, и на следующее утро профессору стало плохо. Пришел доктор Ранке — рвач и халтурщик. Он лишь взглянул на профессора и, задав пару вопросов, сразу поставил диагноз: бубонная чума. После этого он лишь издали протянул ему обычное в таких случаях средство — бальзам, чтобы смазывать им тело. Теперь уже и профессор понял, в чем дело. Этот бальзам с удушливым запахом применяют, чтобы смягчать боль от страшных чумных язв. Он прямо спросил стоявшего у порога врача:

«Коллега, я — приехавший сюда инкогнито профессор Декер. Я хочу знать правду: это бубонная чума?»

«Да. Типичный случай, господин профессор», — ответил врач.

От бубонной чумы выздоравливает один человек на тысячу, да и тот остается жалким инвалидом. Декер решил оставить в покое жертвы, попавшиеся в его западню. Он попросил доктора Ранке помочь ему. Пусть он пойдет в восемьдесят восьмой номер (Мод еще жила там, она только на следующий день поменялась с Линднером) и скажет мисс Боркман, что она может вернуть драгоценную тетрадь и жить спокойно. Это он был Боркманом. Ранке сразу же понял, какие

перед ним открываются возможности. Он понимал, что такое Бананоксид! Ранке не стал немедленно поднимать шум о случае чумы в отеле, решив сначала встретиться с Мод. Как раз в эту ночь ты и забрался к ней в окно.

— По крайней мере, выбрал удачно, — сказал Феликс, прижимая к себе и вторую руку Мод.

Ранке явился на встречу с таким видом, будто ему все отлично известно и сумел ловко выпытать у Мод подробности. Затем, грозя разоблачением, он потребовал у нее тетрадь, дав срок до следующего дня. Утром Вольфганг и Налайя узнали от Ранке, кто их «серенький гость». Узнал об этом, однако, и официант. Выходит, он рисковал пожизненной каторгой... ради пятидесяти гульденов! После того как Ранке сообщил по телефону о чуме в отеле, официант направился к больному. Декеру уже и самому начала казаться подозрительной эта странная чума без высокой температуры и паралича. Официант, спасая свою шкуру, честно рассказал все. Декер мгновенно разобрался в ситуации, дал официанту денег, с тем чтобы он продолжал молчать и дальше, и стал ждать возвращения Ранке. Тем временем, однако, прибыла полиция и был введен карантин. Лишь только Маркхейт вышел из его комнаты, Декер выскользнул в коридор. Ранке в это время пришел в 88 — й номер, но застал там уже Линднера, поменявшегося с Мод. Он попросил у певца разрешения позвонить по телефону. Полиция как раз собирала всех в холле, и Линднер вышел из номера. Ранке не успел еще снять трубку, чтобы позвонить Мод, как вошел Декер. Разговор между ними перешел в ссору, а потом и драку. Об этом свидетельствуют сдвинутый набор галстук и разорванная рубашка убитого. Ранке легко сбил с ног ослабевшего от яда Декера, но, повернувшись, чтобы выйти из комнаты, получил удар в спину театральным кинжалом, который Декер схватил со стола. Дальше в ход событий вмешивается куча людей, находящиеся в близком к истерике состоянии. Синьора Релли забирает труп из комнаты Линднера. Мод, считая, что убийца — князь, прячет кинжал. Феликс заглядывает, чтобы выяснить причину странного шума, спешит, чтобы не навлечь на себя подозрений, назад в свое убежище, но оставляет рядом с трупом пуговицу от своей пижамы. Все это сильно тормозило следствие, но, к счастью, мне удалось напасть на важный след. Труп очень слабо, но все же пахнул каким-то маслом. Бальзамом, которым

пользовался Декер. Так я напал на правильный след. К тому же в комнате было странно мало крови для такой раны. Я пришел к выводу, что ковер, на котором разыгралась драма и который был залит кровью, исчез! Ковер тоже должен был сохранить запах бальзама, но это сообразил и Декер. Вольфганг и раджа были в его руках. Если Декера схватят и история с отравлением и ложной чумой выйдет на свет божий, для них это кончится суровым приговором. Профессор сумел использовать в своих целях этих загнанных в угол людей, превратить их в рабов. Вольфганг унес ковер, а Налайя передал по назначению письмо. Меня, кстати, ударил в темноте тоже Вольфганг. Сон у сиделки крепкий, а врач бывал у Декера только днем, когда тот притворялся больным. Мне, однако, удалось найти в комнате больного зеркальце с отпечатками пальцев профессора, и они совпадали с отпечатками на распределительном щите. К третьему затемнению мы уже подготовились как следует. Фергюсон, выполняя мой приказ, сразу же поспешил к лестнице, ведущей в комнату больного. Декер не мог вернуться туда, и ему пришлось спасаться бегством.

— А как вам удалось схватить его?

— Маркхейт еще перед началом пожара отменил карантин, поскольку из показаний Вольфганга стало ясно, что никакой чумы в отеле нет. Я поспешил вслед за тобой, потому что, как-никак, чувствовал, что отвечаю за тебя. Джильда выложила все сразу же после того, как я прикрикнул на нее. Мы посадили в грузовик солдат и проехали вдоль канала, оставляя по три человека у каждого выхода. К последнему мы явились одновременно с Декером, и он попался нам прямо в руки.

— А как было с миссис Вилльерс? — спросила Мод.

— Случайно в отеле было совершено еще одно, совершенно независимое преступление. Ревнивая женщина угрожала подонку, с которым она когда-то танцевала вместе как «Додди и Энн». Теперь Додди хотел обобрать другую женщину и, как только миссис Вилльерс начала представлять для него опасность, убрал ее со своего пути. Мы уже объявили розыск этого мерзавца. Хотя, надо сказать, совесть иногда пробуждается и в преступниках. Декер попросил не вносить в протокол все рассказанное им о князе Сергее и Мод. Я обещал ему это... и не без удовольствия.

— Спасибо... — прошептала Мод.

— Элдер! Ты великий...

— Велик не я, а справедливость, — ответил инспектор.

Глава 48

Началось великое переселение народов из «Гранд-отеля» на стоявшие в порту суда. Графиня Петрова и мисс Йоринс уехали вместе на Яву. Линднер и синьора Релли отправились в Италию, чтобы там сочетаться браком... Хеккер, уже как секретарь Брунса, заказал два билета на самолет в Шанхай. Оба были уже отменно здоровы. Комнаты опустели, Одетту Дюфлер отвезли в санаторий, а дождь за окнами все продолжал хлестать.

Перед застекленными дверьми отеля жалобно пела шарманка...

Марджори за одну ночь состарилась на много лет... Додди исчез... драгоценности тоже... Можно было бы вернуться домой... алиби у нее есть... она же была гостьей синьоры Релли... Но как объяснить Артуру исчезновение драгоценностей?... Нет, домой она вернуться не может... Но куда же тогда?...

Она бросила взгляд в сторону бутылочно-зеленой, враждебной воды залива...

Да... больше ничего не остается!

— Прошу прощения. — К стоявшей в вестибюле Марджори подошел какой-то слуга. — Вы забыли в своем номере вот это. — И он протянул ей... хорошо знакомую шкатулку!

Марджори открыла ее... Все на месте... Все цело... все... все...

Может, она сошла с ума?... Возможно ли это?

— Кто вы? — спросила она задыхаясь.

— Слуга. Слуга судьбы. Она решила еще раз сжалиться над вами... последний раз... Вы поняли меня?... Почитайте мужа своего и радуйтесь своему ребенку...

Слуга судьбы исчез. Он направился к Элдеру.

— Просто счастье, старина, — сказал он, — что ты наткнулся на эти драгоценности. Я о них совсем забыл, а ведь не исключено, что мы спасли жизнь этой женщины...

— Пошли, — сказал Элдер, — князь Сергей и Мод уже два часа у твоего отца. Надеюсь, на этот раз ты не сбежишь в одной пижаме перед самой свадьбой.

— Мало правдоподобно.

Они сделали пару шагов, но Феликс вдруг остановился.

— Слушай... А куда девался кинжал, который я выбросил в окно?

— Оказался в сапоге капитана.

— Где?... Кто его туда положил?

— Я! Мне не хотелось, чтобы Вангольда арестовали, и я, наткнувшись в саду на кинжал, сунул его в сапог капитана. Только не выдавай меня.

— А тетрадь с формулой Бананоксида?

— Она уже там, где следует. Я нашел ее в канцелярии — во внутреннем кармане твоей куртки.

— И скрыл это от меня!

— Конечно, скрыл! Иначе пришлось бы отдать ее Декеру...
Пошли.

...На вилле губернатора за столом сидели счастливые люди. Шел дождь, но кто обращал на него внимание? Губернатор радовался счастью своего сына, Элдер — повышению в чине, а Феликс — всему на свете, потому что его рука все время сжимала под столом руку девушки... Заметка в одной из газет:

«...Необычная драма разыгралась в сингапурском кабаре „Альказар“. Одна из балерин в припадке ревности застрелила Эриха Крамарца, выступавшего в программе под именем Додди. Эрих Крамарц скончался на месте...»

...К тому моменту, как опустился занавес над последним актом нашей драмы, Малая Лагонда была уже окутана плотным облаком душливого, дурно пахнущего тумана.

Молодая пара отправилась в свадебное путешествие на Гавайи.

Конец

Переведено по изданиям:

Rejto Jenő (P. Howard). Az elátkozott part. — Budapest; Albatrosz Könyvkiadó, 1972.

Rejto Jenő (P. Howard). A szöke ciklon. — Budapest; Albatrosz Könyvkiadó, 1979.

Rejto Jenő (P. Howard). A Lathatatlan Legió. — Budapest: Albatrosz Könyvkiadó, 1978.

Rejto Jenő (P. Howard). Vesztegvár a Grand Hotelban. — Budapest: Albatrosz Könyvkiadó, 1973.

Перевел с венгерского А. П. Креснин

Составитель А. П. Левада

Художник-оформитель С. Н. Бердников

Общество с ограниченной ответственностью «Интербук Украина», перевод на русский язык, 1993

Издательско-полиграфическое общество с ограниченной ответственностью «Лианда», составление художественное оформление, 1993

OCR и вычитка Угленко Александр